

Квинтус Номен

**Престидижитатор
Сталина**

Можно ли написать идеальный роман? Яндекс говорит, что легко...

Квинтус Номен

Престижитатор Сталина

Предисловие

Как написать идеальный роман.

Чаще всего предисловия бывают двух типов. В первом рассказывается биография автора с упором на его гениальность (для того, чтобы подвигнуть читателя на прочтение этого опуса), во втором содержится краткое изложение содержания (если автор заранее понимает, что опус его читать не будут — но хоть смогут обсудить его с другими людьми). Я же пойду по третьему пути и вкратце изложу, как написать идеальный роман (который будет помещен после предисловия).

Идеальный роман написать очень просто, ведь в интернете куча руководств, следуя которым автор обречен на создание гениального произведения. Открываем Яндекс, переходим по первой же ссылке и узнаем, что сначала нужно выбрать жанр произведения.

Вот это уже странно, ведь любое произведение является фантастикой, так как все авторы пишут о том, чего на самом деле не было и описывают все совершенно не так, как оно было на самом деле. Разве что авторы телефонных справочников стараются отойти от канона, но и их, бывает, заносит...

Главное, что удалось выяснить, это то, что писать нужно фантастику. Но если в романе описывать «то, что будет», то придется придумывать и несуществующий антураж — причем придумывать его так, чтобы и современникам автора было понятно о чем он пишет. Но здесь серьезная засада: например, в первой части «Одиссеи» Кубрика экраны телевизоров были плоские и прямоугольные — однако «современники» это не восприняли, и во второй части киноопупеи экраны пришлось сделать овальными и выпуклыми. А так как нашей фантазии на предвидение может не хватить, а мастерства не хватит описать предвиденное понятно, про будущее мы писать не будем.

Писать про прошлое гораздо проще. Но и здесь имеется засада: многое из того, что далеким предкам казалось очевидным, наш современник не то что не поймет, но и перевернет с точностью наоборот. Почему «Война и мир» в момент написания считался порнографическим романом? Из многих сотен современников на этот вопрос правильно ответило лишь два человека. Один человек был старушкой-историком, доктором наук и профессором, а второй — вообще шведом, работавшим профессиональным переводчиком классической русской поэзии на шведский. А на вопрос «кем работал Костя, который привозил в Одессу шаланды, полные кефали», вообще никто ответить не смог...

Но есть способ эту засаду обойти: нужно всего лишь в исторический контекст поместить как раз нашего современника, который будет для читателя излагать события на понятном этому читателю языке. Проще говоря, писать нужно про попаданца.

Про что писать стало понятно. А вот как? На этот вопрос тот же Яндекс дает не просто простой, но и весьма наглядный ответ. Смотрим в Яндекс-картинках и видим разноцветное что-то, напоминающее пирамиду Парето. Или пирамиду Маслоу. Нам без разницы на какую, поскольку обе они никакие не пирамиды, а просто полосатые треугольники. Треугольники, но дающие полное понимание того, из чего состоит идеальный роман.

Основанием любого романа является большой и толстый эпилог, на основании которого строится (чуть меньшего размера) кульминация. Затем ставится развитие сюжета (поуже), потом (все уже и уже) поворот, завязка действия, небольшая экспозиция, а последней сверху

ставится маленький треугольный пролог. И все, кроме пролога и эпилога, перемежается разными лирическими отступлениями, интерлюдиями и ретроспективами. Все просто, можно начинать писать...

Но не тут-то было! Как говорила всемирно известная Маша всемирно известному Медведю (кажется, в 19-й серии говорила) «главное — красиво поклониться!» А для книги таким красивым поклоном будет её название. На основании которого читателю сразу должно быть ясно, что (1) произведение оригинальное и (2) содержание интригующее, а потому читать его не просто стоит, а просто необходимо.

Исходя из вышесказанного переходим к нижеследующему: раз роман у нас про попаданцев, то Герой должен помогать Сталину и рассказывать ему, как правильно жить с промежуточной башенкой и командирским патроном. Раз про Сталина... тут в очередной раз засада: у Сталину уже были советники (тайные и явные), соколы (сталинские, естественно), инженеры, врачи, мотористы, военные всех мастей... даже собачьи парикмахеры. Трудно даже представить, кто еще к Сталину не попадал. Хотя... вроде престижитаторов у Сталина еще не было — так что можно приступить к написанию идеального романа. А раз можно, то и приступим. Итак...

В котором читателю демонстрируется Главный Герой, а так же показывается почему он именно герой, а не гад какой.

Светка позвонила мне очень вовремя: я не успел нажать кнопку "купить" и денежки за билет в Крым остались при мне. Потому что вместо каникул в Крыму мне предстояло "оказывать срочную помощь" Витьке. Светка, как старшая сестра, была, конечно, занудой — но ей я отказать не мог. У меня даже мысль такая не могла возникнуть: ведь с восьми лет сестра заменила мне мать. А вот отца мне заменил как раз Витя, ее муж...

Тогда, десять лет назад, он еще Светкиным мужем не был — но когда у сестры остался выбор либо бросить институт и зарабатывать нам на пропитание или отдать меня в интернат, он-то ей и предложил иную альтернативу. И два года работал на трех работах, чтобы нас всем обеспечить. Просто так, а женой его Светка стала уже после получения диплома.

Теперь Витя работал на тех же трех работах: технологом на Турбинном заводе, преподавателем в заводском техникуме и замзавкафедрой в институте. Ну, получалось это у него очень хорошо — но еще он был "психом". Это его сестра так называла, потому что Витя был еще и реконструктором. Не толкиетутым придурком, а серьезным таким реконструктором: он делал всякое древнее по древним технологиям, а затем это древнее по-древнему использовал. Конечно, дома с этим не развернуться — и я не удивился особо, когда узнал, что он сломал пальцы. Единственное, что показалось мне не совсем "нормальным", было то, что сломанных пальцев оказалось сразу семь.

Но он смог! Для очередной своей "реконструкции" он прикинулся доппельсолднером, и, как и положено каждому уважающему себя доппельсолднеру, обзавелся цвайхендером. И на встрече с такими же психами заспорил с кем-то по поводу, можно ли цвайхендером было рубить пики врагов. И, чтобы доказать свою правоту, не нашел ничего лучшего, как рубануть по толстой ветке черемухи. Ну что, ветка перерубилась. Но почти двухметровый меч заодно решил перерубить и ствол этой гадины, но в нем застрял — и спружинившая ветка очень метко врезала по рукоятке, которую Витя крепко держал двумя, как и положено, руками...

В Калуге врачи и не такое видели, так что пальцы какими-то пластиковыми фигнутьями зафиксировали и пообещали, что через месяц все срастется. Но Вите срочно нужно было подготовить для техникума методичку по своему курсу, а стучать по клавишам он внезапно оказался неспособен. Ну Светка меня постучать и позвала...

Как я и ожидал, у Витьки даже черновики не было. Он вообще преподавать умел и любил, но бюрократию ненавидел, так что эту методичку он мне прямо "из головы" и диктовал. Потом надиктованное читал, ругался, рассказывал, что в написанном не так (ну, чтобы я не чувствовал себя идиотом, выполняющим ненужную работу, наверное) — и диктовал снова. Но я не расстраивался, ведь рассказывал-то он все очень интересно. И очень понятно, как он всегда это делал.

Когда мы остались вдвоем со Светкой и он предложил помочь, год я в школу не ходил. Потому что переехал как раз к нему в Калугу, а Светка осталась в Москве учиться. Витя и тогда был слегка не от мира сего, и он просто забыл записать меня в школу. Забыл, потом решил, что "в этом году уже поздно" — и учил меня сам. В результате школу я закончил в

пятнадцать: после "вступительного экзамена" я — в девять лет — был зачислен сразу в шестой класс. Потому что про седьмой директриса даже слушать не захотела...

Правда, пользы большой школа мне в результате нанести не смогла: за время учебы в шестом я учиться почти разучился. Поэтому в институт пошел "который попроще и подешевле" — в железнодорожный. Три курса уже закончил — зато снова "научился учиться": появился шанс перевестись на "бюджет", но для этого нужно было стать отличником. Витя, конечно, сильно помог — поэтому я не просто с благодарностью, но и с радостью десять дней стучал по кнопкам.

А когда достучался, Витя попросил меня "заодно" привезти из Тулы заказанный им у какого-то тамошнего мастера эсток. Ну, для Витьки я бы хоть танковую пушку согласился привезти, но эсток-то — тот еще дрын, в автобусе везти — могут возникнуть ненужные вопросы у правоохранительных. Однако права у меня уже есть, да и восемнадцать две недели как стукнуло. Так что поехал я на Светкином Пассате. То есть сначала поехала сама Светка, в деревню прилично южнее Козельска, где "летовали" у бабушки с дедушкой ее дети — а вот в Тулу я поехал уже один.

Из Калуги мы выехали еще затемно, так что позавтракать получилось уже в деревне — а так как «время поджимало», я лишь кое-чего покидал в рот и, загребя из стоящей на веранде банки горсть тыквенных семечек (Витькина мать их для внуков держала, искренне считая что эти семечки от глистов помогают — ну а мне они помогут время скоротать если тульский мужик задержится), сел за руль и помчал.

Не очень даже и помчал: кузнец в Туле меня ждал через четыре часа (я позвонил ему, уточнил), навигатор показал, что ехать максимум два с половиной. Правда, по дороге я увидел стоящий как-то боком автобус. Остановился — подумал, случилось что. Случилось, но нестрашное: автобус сломался. И возле него стоял народ, громко ругаясь на водилу — на что водила, используя все богатство русской речи, объяснял, что другого автобуса у него все равно нет, а всего через три часа пойдет другой, к тому же от остановки он проехал меньше километра и все успеют до нее вернуться. Раз уж остановился, я слопал положенный Светкой бутер, народ тем временем почапал к остановке, а одна бабулька, взвалив на спину немаленький рюкзак и взяв за руку мелкую девчонку, пошла вперед. Девчонка правда упрашивала ее поймать машину, но бабулька сказала, что денег нет, так что ножками-ножками...

Ну, мне тоже туда же ехать, я остановился и предложил подвезти: все равно по пути. Насчет денег я сказал, что машине все равно, сколько внутри народу. И переложил свой немудреный багаж на переднее сиденье, чтобы им было удобно сидеть рядом. Когда они сели, поинтересовался, куда они направляются.

— Нам до Свинюшек — ответила девочка.

— Надо же, никогда не слышал — удивился я названию.

— И не услышишь, коль не местный — засмеялась бабулька. — Там поворот, я скажу где, там нас и высадишь, а четыре километра мы быстро дойдем.

— А дорога там есть?

— По ней и пойдём.

— Так уж лучше поедём. Пять минут потеряю, зато увижу, что это за Свинюшки такие...

Ехали мы минут пятнадцать, и за это время я успел узнать про эти "Свинюшки" буквально все, причем начиная с основания деревни. У крестьян — а деревню так местные

прозвали, невзирая на официальное название — оказывается, очень меткие прозвища буквально сами образуются. А деревенька оказалась прикольная, и народ в ней — тоже. Встретивший бабу с внучкой дедок со мной тут же расплатился, причем «натурой», невзирая на некоторое с моей стороны возражение: за рулем все же семечки особо не погрызешь, нужно на дорогу смотреть. Ну да ничего, до Тулы доеду, там мужика ждать как бы не час придется, так что и эти сгрызу.

Правда, когда я вырулил обратно на шоссе, передо мной успела влезть здоровенная автоцистерна-бензовоз с прицепом, которая уж точно никуда не спешила, да и прицеп этот довольно сильно болтало, так что и не обогнать. Ну я и не обгонял...

Правильно делал: минут через пять этот прицеп вообще отвалился и упал в канаву на противоположной стороне дороги. Я, конечно, порадовался, что теперь можно будет и побыстрее ехать, и немедленно педальку притопил. Оказалось, не зря притопил... а может быть, и зря: цистерна рванула когда мне до нее оставалось метров пятьдесят ехать. Хорошо еще, что взрыв в основном был направлен в противоположную от дороги сторону, так что Пассат всего лишь слегка подвинуло к обочине. Почему-то я, вероятно с испугу, вцепился в лежащую на соседнем сиденье сумку, и когда машинка резко подвинулась, мне ее кинуло на колени. Перед рулем, да так, что руль почти заклинило. Хорошо еще, что дорога шла прямо и срочно поворачивать не требовалось...

Плохо было то, что упала эта цистерна под высоковольткой, и по столбу пламени с проводов долбанула нехилая такая молния. Очень нехилая, и как раз когда я мимо этой цистерны проезжал. Ощущения были те еще, мне показалось, что молния эта прямо в машину долбанула — волосы у меня дыбом поднялись и свирепые такие мурашки по всему телу побежали. Да и в глазах какая-то марь и мошки — но проскочил. Метров через сто остановился, вылез, машину осмотрел — нет, вроде все в порядке. Правда радио накрылось все же — но музыку можно и через телефон послушать. Так что отдышался, походил вокруг, подождал, пока пожарные приедут — и поехал дальше. Совсем уже не спеша, мужик, если что, подождет немного...

Часть, где вкратце показывается та глубокая ситуация, в которой оказался Герой.

Когда в машину долбанул разряд с высоковольтки, мне показалось, что электричество это сплело вокруг меня какой-то кокон и так в этом коконе и застыло: вместо машины я оказался внутри как будто сетчатого мешка, сплетенного из бледно светящихся каких-то прожилок. А вот вокруг этого кокона все было очень интересным.

Во-первых, из кокона я увидел, как Пассат медленно проехал еще сотню метров, остановился, и из него вышел какой-то парень. То есть я вышел, и во-вторых интересным было то, что я понимал, что там — это тоже я. И тот "я" осмотрел машину, затем как-то быстро — и очень странно — снова в машину влез, после чего Пассат — со скоростью болида Формулы-1 — задом промчался обратно буквально сквозь меня. Пламя из цистерны как-то "влезло" обратно в нее и погасло, грузовик к ней словно подлетел а не подъехал, цистерна выпрыгнула из канавы и потащила тягач обратно откуда он приехал. Потом какие-то другие машины помчались задом — все со скоростью реактивного самолета, затем — на секунду стало темно...

Буквально через несколько секунд (и непонятных миганий) зеленый лес вокруг вдруг потерял листья, затем на земле выступил снег... потом снег исчез и лес зажелтел, снова зазеленел, снова побелел... и снова, и снова.... Почему-то я стал считать эти странные циклы, которые становились все короче и короче. Меня посетила забавная мысль, что это время пошло назад, и я снова стану маленьким — но после того, как насчитал уже чуть больше полусотни, сообразил, что маленьким я точно не стану. И это меня рассмешило, но считать я почему-то не прекратил. Где-то на счете "семьдесят" дорога пропала (точнее, стала проселком), на сотне с небольшим исчез и проселок...

А на счете слегка за двести с легким звоном исчез и окружающий меня кокон, что стало неприятной неожиданностью: в коконе я "висел" где-то метрах в полутора над землей, причем "в положении сидя", и когда он пропал, я свалился... хорошо еще, что в какой-то куст. То есть хорошо, что не на какой-то острый пенек...

Меня посетила мысль, что раз "я" в машине место взрыва успешно преодолел, то у "меня" и дальше все будет нормально. И у Светки, и у Вити... А вот у меня, который вместе с коконом отмотал двести с лишним лет взад, все будет несколько иначе. Точно иначе: тут нет ни машины, ни даже дороги... вообще один лес кругом. Правда, с местом все было ясно: кокон висел, никуда не двигаясь. И со временем тоже вроде ясно: если я правильно считал эти "обратно-годовые" циклы, то получается, что я — вообще ровесник века! Правда, века девятнадцатого...

Зато — сразу понятно, что делать. Надо срочно в народ знания нести, к царю советником устроиться. Насколько я учил историю в школе, в это время в России как раз царь главным был. А какой именно царь — я у первого встречного спрошу. И единственная проблема — не было этих первых встречных в пределах видимости.

Правда я точно знал, где они водятся: от "Свинюшки" (новое название деревни я успел забыть) я успел отъехать километров... четыре поперек и километров пять вдоль... километров шесть с половиной напрямки получается, а по словам бабульки деревне уже лет триста было. Так что идти надо примерно вон в ту сторону...

По дикому лесу, да еще с тяжелой сумкой. То есть не тяжелой, а просто тяжелой, точнее даже очень-очень тяжелой, но и я мальчик не хилый — однако в дебрях сумка будет за ветки цепляться, с ней через какой-нибудь завал пробираться намучаешься. То есть я сначала уже намучался, и только потом сообразил, что если ее прикопать в укромном, но заметном месте, то потом за ней будет несложно вернуться. С крепкими мужиками, которые все эти завалы лесные разгребут. А тут как раз вышел на место, где дерево... очень приметное дерево было. Так что достал из сумки нож (сам ковал!), вырыл ямку... В сумке была коробка с зажигалкой Зиппо и флаконом с фирменным бензином — это я для тульского кузнеца как раз вез. Вещь полезная — закопав сумку, я полил землю бензином, так что звери ее не выкопают. А то земля-то в диком лесу довольно мягкая... очень недолго мягкая, а потом сплошные корни, фиг их покопаешь. Правда бензин скоро совсем испарится, ну да ненадолго сумку я тут оставляю.

Погуляв по лесу еще с час я преисполнился некоторыми сомнениями. Понятно, что буду я каким-нибудь дворянином, ну или еще кем-то важным, но как это довести до первых встречных? Одет я, конечно, по последней моде. Но модны ли сейчас рваные на коленках джинсы? А еще "встреча с кустом": джинсы с дырками на заднице даже в моем времени особо модными не считались. Правда дырки не очень-то и большие...

Судя по погоде (и листьям на деревьях) меня здесь "выбросило" где-то в начале мая, так что хотелось выйти к людям побыстрее. Было не то, чтобы очень холодно... но очень свежо. Излишне, я бы сказал, свежо — но то ли я неверно направление выбрал, то ли пошел не в ту сторону... то есть я изначально шел не в деревню (пойди найди ее в диком лесу), а в сторону дороги, которая в нее вела. Но если сейчас не было шоссе, то могло не быть и дороги от шоссе к деревне. Хреново: до Тулы (которая точно уже есть) пешком топтать несколько суток, а дело уже к вечеру идет.

Я уже приготовился начинать расстраиваться по этому поводу, но услышал какой-то стук. Похожий на стук топора дровосека, как его изображают в мультфильмах. Стук придал мне сил, и я побежал на звук. Оказалось, не напрасно: через пару минут я увидел, как какой-то мужичонка вырубает в лесу палку. Правда, когда я его окликнул, мужичонка испуганно дернулся, скакнул в мелкий ельник и скрылся, и на все мои "ау" не отзывался. Ну и ладно: немного побродив в поисках мужичка, я увидел тропинку. То есть что-то, тропинку напоминающее — но, пройдя по ней с километр, я поверил, что скоро выйду к людям: вокруг все чаще стали попадаться высокие пеньки от срубленных (криво и, очевидно, впопыхах) тонких берез. А еще через полчаса я наконец увидел деревню.

Ну что, по крайней мере, не замерзну: домов в деревне было немного, но они все же были. И из одной трубы даже шел дым! Так что первую часть моего квеста можно считать пройденной, я вышел к людям. Правда, до меня дошло, что местного... то есть современного языка я не знаю — но проблемы будем решать по мере их поступления. Вздохнув, я вошел в деревню...

Будем считать, что вошел: улицы как таковой в деревне не было. Стояло несколько домишек, вразнобой стояло, между домами росла (точнее, начинала расти) трава — и ни одной живой души не было видно. То есть пока я ближе не подошел, видно не было — а когда я подошел к окружающему один из домов плетню, из дома выскочил мужик в какой-то рогатиной и, нехорошо на меня глядя, спросил сиплым голосом:

— Кто такой? Чего надо?

Вопрос, конечно, неожиданный... в смысле, я ответ на него как-то продумать не успел.

И не успел мужику ответить: из того дома, в котором труба дымила, вышел уже другой... персонаж. Мужчина, возрастом, я бы сказал, заметно за сорок, причем в мундире, сразу напомнившим мне фильм "Гусарская баллада". Пока я разглядывал это чудо, сзади меня незаметно образовалась уже толпа мужиков, причем все почему-то были с такими же, как у первого, рогатинами. Поэтому когда "чудо" крикнуло "эй, ведите его ко мне!", я сразу послушался и подошел, не ожидая подталкивания этими дубинками. Ну а дальше все пошло уже лучше, хотя как сказать... в общем, не так, как я ожидал.

— Ты кто, беглый?

— Нет, я дворянин...

— А почему оборванец? Врать не смей мне!

Тут я сообразил, что "чудо" был в изрядном подпитии — думаю, в нынешнее время это состояние так правильно называть.

— В лесу упал, порвался...

— А, так это твою убитую лошадь давеча мужики нашли! Изрядно тебе покуролесить пришлось... ладно, заходи... — и это сопровождал довольно длинной фразой на французском. Языка я не знал, но на слух... да и, насколько я помнил, нынче дворяне как раз на французском и разговаривали.

— Извините, я французским не владею...

— А чего так? — хозяин поместья, как я понял статус "чуда", очень удивился. — Так ты не дворянин?

— Я из Америки приехал...

— Do you speak English? — немедленно отреагировал он.

— Yes, sure! — по-английски я говорил пока со словарем, а с людьми еще стеснялся — но тут выпендриваться было явно неуместно.

— Какой я тебе Шура! Я поручик Свиный, Александр Григорьевич! В отставке...

— Рад познакомиться, а я — Никита Алексеевич Павлов.

— Павлов, говоришь? Понятно... И где тебя носило, Никита Алексеевич? Павловка-то шесть лет как сгорела. Я тебя, конечно, туда отвезу, мужикам скажу чтоб отвезли, но где ты там жить-то собрался? Знаешь что, оставайся сегодня у меня. Я прикажу баньку стопить, попаришься... тебе переодеться-то будет во что? Ах да, волки... Ладно, исподнее найдем, а штаны скажу бабам залатать. Извини, мои тебе точно не сгодятся. Потому что в них дырка побольше, чем в твоих — поручик пьяно рассмеялся, затем сделал серьезную морду и, повернувшись к стоящим поодаль мужикам, распорядился:

— Баню топить, обед нести, гостя уважить!

Что означало последнее, я даже понять не пытался. Но когда мы с Александром Григорьевичем зашли в его избу, следом зашла какая-то баба, которая без тени смущения потребовала:

— Барин, давай сюда порты твои. Сымай давай быстрее, я их сейчас же почию да сполосну, из бани целые и чистые наденешь.

Да, в рваных джинсах тут ходить явно не принято... да и поддувает. Снял — тем более баба протянула мне какое-то одеяло укрыться, поскольку в доме, несмотря на топящуюся печку, было тоже не очень жарко. А до бани нужно было еще дожить: первое и второе поручение поручика мужики явно имплементировать не спешили.

Совсем не спешили, так что начинать общение с хозяином пришлось с куска черного хлеба с салом и стопки какого-то вина. Не водки, какой-то ягодной наливки — по-моему

смородиновой. Но и она в общем-то, согревает — а через час, к тому моменту, когда мужики баню подготовили, я узнал историю "Свинюшки" гораздо детальнее. А заодно — и "свою историю"...

Мужики два дня назад нашли в лесу — неподалеку от "Тульского тракта" — дохлую лошадь. Точнее, то, что от нее волки оставили. Где этот "тракт" находился, я понятия не имел, но лошадь оказалась "верховая": на обглоданном черепе оставался какой-то "трэнзель". Очевидно, я на этой лошади и ехал в свое сгоревшее поместье, и на меня напали злые волки. Штаны я, понятно, в драке с ними порвал — но повезло, остался жив. А вот лошадке не повезло, волки ее сожрали вместе с седлом. И с сумкой, в которой мои "бумаги" были: там поблизости нашлись и обрывки сумки, и клочки бумаги...

А "родитель" мой, то есть Алексей Петрович Павлов, еще "до войны" с женой-немкой из поместья уехал "в заграницу", да там, по слухам, и помер. Перед отъездом он, договорившись с соседом, официально «поручил» ему присмотр за имением, а посему крестьян из сгоревшего поселка местные власти передали (временно, до объявления наследников) под опеку поручику Свиньину. Ну а раз "наследник" объявился...

— Ты пойми, — объяснял мне уже в дупель пьяный Александр Григорьевич после бани, — я не из тех Свиньиных, даже не родственник какой дальний. И сам я тебе бумаг выправить не могу. В губернии-то бумаги выправят, но дело это небыстрое... А без бумаг ты ведь даже до Тулы не доедешь, беглых-то нынче сразу в казенные заводы отправляют, а споймавших их изрядно награждают. Ты уж поживи пока у меня, то есть в Павловке, в родной деревне, но как бы под опекой...

Настойка смородиновая — она сближает. Свиньин мне рассказал все про мою прошлую жизнь, а я поделился с ним своими знаниями латыни. То есть «ин вино веритас» поручик и без меня знал, а вот «дигнус фемина нон пенис канини» для него оказалось новым словом в лингвистике, и он второй половиной этой фразы завершал каждое свое высказывание до тех пор, пока не уснул прямо за столом. А я оказался покрепче (ну, или Александр Григорьевич еще до моего появления в деревне успел изрядно к беседе подготовиться), так что к отведенной мне клетушкк спать сам дошел. Где и проспал до полудня.

А еще через день я очутился в этой Павловке. Через день — потому что штаны мои бабы латали почти два дня. И, хотя один карман с задницы испарился, с первого взгляда я бы не определил, где они порваны были. И со второго — тоже, разве что на ощупь: "заплатки" мне показались более жесткими. Так что в Павловке я очутился уже в целых штанах — и с бумагами, которые, правда, остались у Свиньина: он-то, оказывается, с месяц назад купил кузнеца, но тот, зараза такая, взял да и помер, даже до Свиньино не добравшись. Так как кузнец помер еще где-то на севере Подмосковья, в местной церкви его не отпевали, да и покойника в качестве такового отставной поручик еще не оформил: далеко до Тулы было ехать чтобы бумаги нужные выправить — да и дело это было не срочное. А так как кузнеца тоже Никитой звали... может зря я хвастался, что вот такой нож, коим от волков и отбилсся, сам отковал?

Понятно, что спьяну... однако бумагу мы подписали полезную: я "доверяю и впредь управлять поместьем Павловка поручику Свиньину", а поручик Свиньин "назначает дворянина Никиту Алексеевича Павлова своим единственным наследником". Там еще много чего написано было, так что терминировать отставного поручика мне становилось исключительно невыгодно, но если подождать... Александру Григорьевичу, оказывается, было уже слегка за полтинник, а в это время, насколько я помнил из учебников, средняя

продолжительность жизни были меньше тридцатника. Так что поживу пока так, освоюсь...

Экспозиция

В которой глубокая ситуация конкретизируется и глубина которой становится понятной и самому Герою.

По прямой до Павловки, как сказали мне мужики, было верст пять, но по прямой кроме довольно-таки непроходимого леса ничего не было, так что ехали мы по... в принципе, это можно было назвать и "дорогой": на маршруте деревья выше трех метров почти и не встречались. Мы — это я, два мужика, поочередно правившие телегой, и шесть баб и девок.

Меня несколько удивило, что в семи деревенских избах у Свинына крепостных проживало почти две дюжины семей (сколько точно, он не сказал), а эти восемь человек были теми, "что остались из павловских крестьян". Я поначалу даже удивился такой высокой смертности, но одна из девок — по имени Матрена — сообщила, что "померли-то четверо мужиков и пять баб", а остальных мой щедрый хозяин продал, поскольку прокормить не мог. Собственно это Матрена сама-то оказалась не из Павловки, мне ее Александр Григорьевич выдал в качестве "компенсации за утраченное" — как и прочих баб, а «старожилами» Павловки были лишь двое мужиков. Причем их Свинын не продал по очень простой причине: старший, Аким, был единственным печником на всю округу, а младший, Авдей, в те времена являлся круглым сиротой и на него покупателя не нашлось. Ну а позже он освоил «деревянное дело» и всю деревню снабжал очень высококачественными граблями, да и телегу при нужде мог починить. Сейчас ситуация изменилась: и печники новые появились, и грабли Авдей на два поколения вперед настрогал. Так что с мужиками было ясно, а баб и девок мне Свинын спихнул потому, что в его деревне баб было просто лишку.

Хотя и о причинах такой "щедрости" она мне тоже поведала: сообщила, что мне ее можно... в общем, простым русским языком сказала, что "мне можно" с ней делать. А вот самому Свиныну с ней этого делать было нельзя, поскольку она как раз его дочерью и была.

— Да ты не удивляйся, барин, — ответила девка на мой недоуменный вопрос о причинах, по которой тот родную дочь ко мне отправил со столь незатейливым предназначением — в деревне-то почитай все первенцы, кому меньше дюжины лет, его дети. Как жена его померла, так он баб и начал... — и снова повторила это простое русское слово. — Нынче-то он для сего новых девок покупает, кажен год по паре...

А на уточняющий вопрос Матрена сообщила, что ей-то уже тринадцать. Я, конечно, понимаю — гормоны и у меня имеются, а времена нынче простые, но... глядя на остальных баб, я подумал, что мне предстоит долгое воздержание. Впрочем, долго на эту тему размышлять не вышло: мы приехали в Павловку.

Оказалось, что Свинын не наврал: деревня сгорела вся. Лишь стоящая метрах в двухстах от деревни на невысоком пригорке кузница уцелела. Хорошая такая кузница, как на исторических картинках. И в ней — точнее в крошечной избенке-пристройке — можно было даже жить: и дверь довольно плотно в ней закрывалась, и окна — правда крошечные и заделанные какой-то мутной пленкой, оставались целыми. И внутри избы даже печка была, русская — но так как домик снаружи оказался размером примерно три с половиной на четыре с половиной метра и печка занимала две трети внутреннего его пространства, я не представлял как мы все в нем даже стоя поместимся.

Но думать нужно было вовсе не о ночлеге: жрать-то мы все что будем? По дороге — а в

телеге ехал только я, мужик-водитель кобылы и иногда Матрена, отвечая на мои вопросы — бабы постоянно что-то рвали, траву какую-то. Как выяснилось — крапиву, чтобы "щей сварить". Вареная крапива, да без соли — деликатес строго для гурманов, к каковым я не относился. У мужиков был еще небольшой запас репы в корзинке с крышкой, но ее решили не готовить, потому как "еще пища есть". А репы в корзине (ее называли "коробом") на взгляд было килограмм пять от силы, на девятерых это один раз откусать от души...

Я с большим интересом поглядел, как один из мужиков добыл огонь, стуча железякой по какому-то камню. Очень удобный способ, но не очень эффективный: стучал мужик минут десять. Но огонь добыл, и две бабы на костре очень быстро сварили эти самые "щи". Варили в большом глиняном горшке, который ставился в горящие уже угли — поэтому «быстренько» уложилось где-то часа в полтора. Да, щи оказались кисленькие, но в них кроме крапивы и воды ничего и не было. Зато крапивы было много, так что ощущение наполненности желудка появилось — и минут пятнадцать там и оставалось. Репу мужики не дадут, даже и пытаться отнять ее не стоит, в лесу до грибов еще месяца два: Свинын сказал, что нынче как раз первое мая. Как я сообразил, все же "по старому стилю", а стало быть уже двенадцатое — но всяко до грибов я успею с голоду околеть. Хотя да, крапивы вокруг, хотя и высотой сантиметров пять-десять, много. Интересно, этот Александр Григорьевич-то хоть немножко думал, когда меня сюда на голодную смерть отправлял?

Оказалось, что думал: думал, что уж мужики-то себя всяко "до урожая" прокормят. Ага, крапивой. А я — в качестве кузнеца — обеспечу им и урожай знатный. Знать бы только как... а ведь я знаю как!

Пока я размышлял о тягостях грядущего существования, бабы как-то привели в порядок "избу", натаскали дров из лесу — точнее, хворосту всякого, печь в доме затопили. И в процессе вытащили "проветриться" спрятанный в доме кузнечный инструмент. То есть проветриваться не инструмент вытащили, а сундук, в котором инструмент лежал. И я с интересом его изучил.

В целом на то, что я видел (и даже использовал) в кузнице у Витьки, инструмент походил мало. Разве что молоток и кувалда были похожи на молоток и на кувалду, но двое клещей я все же распознал. И догадался, что вот эта железяка скорее всего является современной версией зубила, а другая — нынешний пробойник. Ну а камень с гладким углублением камнем и будет, причем наверное точильным. В углу кузницы я нашел немаленькую кучу угля, а в здоровенной куче, огороженной забором из жердей, было сложена скорее всего руда. По крайней мере по цвету — ржавчина-ржавчиной... И теоретически я даже знал, как из нее получить железо...

Знал, но оказалось, что пока это знание лишнее. Обойдя несколько раз сарай, в котором кузница размещалась, я обратил внимание, что внутри он несколько меньше, чем снаружи. После тщательного исследования задней стены этого сколоченного из какого-то горбыля строения, я обнаружил, что за задней (внутренней) стенкой замаскирована крошечная, на полметра шириной, кладовка — в которой был спрятан вход в обширный подвал. Забитый разнообразным оружием — кроме почти полусотни ружей и кучи сломанных сабель там даже три пушки имелись. Все ружья, правда, тоже были поломаны, причем до состояния, исключающего малейшую возможность ремонта, а пушки (не очень большие, калибром примерно три дюйма) оказались заклепанными. Зато они были явно медными — ну, или бронзовыми, мне без разницы, стрелять из них я всяко не собирался.

То есть металла было много, и мне младший из мужиков по имени Авдей рассказал,

откуда он тут вообще появился:

— Да барин наш в войну провиант в войска возил, а взамен железо это и привозил. Пушки-то его кузнецы у хранцуза как наскочут, так и заклепают, а потом дёру. Хранцуз погорюет, да пушку-то и бросит, она ему боле без надобности, а мужики ее подберут и в Свиньино тащут. Вот только их в тот раз хранцузы поубивали, и барин велел все Павловскому кузнецу отправить. Как раз незадолго до пожара, а в пожаре Гаврила и сам сгорел. Только вот никто не знал, куды он все железо-то попрятал...

Гаврила, царство ему небесное, попрятал — а я нашел. Вот только что с этим железом делать... Надо бы на полезные вещи перековать, но тут, в кузнице, от мехов осталась лишь рама деревянная: вся кожа, которую мыши не сгрызли, истлела. А без мехов хрен чего скуешь, пожаловался я вслух на горькую судьбинушку. И, оказалось, правильно сделал: мужики мои стенания услышали и предложили посильную помощь. То есть они предложили «временно разрешить им побраконьерить на территории поместья» — и в результате призрак голода уже к вечеру рассеялся. Мужики какими-то силками поймали в тот же день двух зайцев — не очень упитанных, но все же вполне съедобных. А так как в подвале кузнеца Гаврилы кроме всякого железа нашлась еще и здоровенная — пуда на два — глыба соли, жизнь заиграла новыми красками.

Зачем кузнецу понадобилась соль и откуда он ее вообще взял при нынешних ценах, мне подсказал небольшой кошель, полный разными побрякушками из желтого металла. Судя по надписи на кошеле, он тоже был «трофейный», но металл внутри в основном был все же низкопробный — а с солью было несложно догнать желтый металл до исключительно «червонного» цвета. Такого, что было не стыдно запихнуть кусок этого металла между двух штампов, тщательно упакованных в промасленную тряпицу. Не иначе, этот Гаврила не только с железом работал, но на кого — на Павлова, Свиньины или на себя лично... Впрочем, мне это было вообще до лампочки. Главное — было чего пожрать и при этом от жратвы не тошнило.

А когда организм чувствует приятную сытость, то в голове появляются правильные мысли. Я поинтересовался у Авдея и Акима, не знают ли они, где находится одно несколько необычное дерево — уточнив по поводу базовых характеристик этой необычности. Авдей только кивнул — «да, мол, знаю», а Аким позвал Матрёну:

— Матрена, ты отседова дорогу до Татаркина Уда знаешь?

— Отседова не знаю, но знаю как от ближнего поворота туда пройти. Тут недалече, верст пять будет.

— Тогда завтрава с утра барина туды отведешь. И обратно приведешь, а мы, барин, тогда уже еще зайцев наловим или, дай бог, свинку даже, и меха тебе спроворим. Не сразу спроворим, а другим днем...

Матрёна оказалось даром что девкой мелкой, однако по лесу ломилась как лось — или, точнее, как молодая лосиха. По моим прикидкам пробежали мы за два часа не пять верст, а все десять, причем большей частью не по тропинкам, а по лесу. И за эти два часа я узнал много нового и интересного, а том числе и про удивительное дерево. История его появления, переводе на человеческий язык, была простой: лет много назад завелся в окрестностях злыдень писюкатый по кличке Татарка. Мужики его в конце концов отловили и орудия разбоя лишили, как раз на том самом месте лишили. Ну а через несколько лет выросло там это чудное дерево, напоминающее всем о неотвратимости возмездия за подобные

преступления. Интересным было и то, что мужики о местонахождении диковинки в общем-то не знали, а вот девки — знали все поголовно. Потому как «если первой кровью оросить дерево, то дети будут рождаться потом здоровыми и сама баба не помрет при родах»...

Хорошие тут суеверия, правда по мне — так в эту ветлу или молния удачно так ударила, или пожар лесной ее вычурно так пожег, а скорее всего все же местные мальчишки столь незатейливо развлеклись в плане деревянного зодчества, однако и от суеверий польза есть: сумку свою я почти сразу нашел. А затем почти четыре часа тащил ее домой. То есть в сгоревшую Павловку — другого-то дома у меня здесь не было. Хотя все же первым делом стало то, что сначала я там же, у забавного дерева, и побрился — бритва у меня была на аккумуляторах, которые разрядиться не успели. Да и теперь долго не успеют: ее можно было и от фонарика с динамкой заряжать. А фонарик... мне Витька этот девайс подарил, он его из Китая привез. Причем не в магазине купил, а там с какой-то выставки хайтековской уволок, по его словам китайцы такие фонарики для своей армии делали, причем строго для спецназа. Так что от фонарика можно было и бритву заряжать, и телефон, и ноутбук, и вообще что угодно: у него переключатель был, так что он почти любое выходное напряжение выдавал, для разных аккумуляторов годное. На Али такие фонарики тоже продавались недорого, но у тех был выход только на USB, а у армейского было преимущество в виде впятеро более емкой собственной батарейки и регулируемым выходом, позволяющим подзаряжать что угодно.

В сумке у меня было вообще очень много всякого очень полезного. Небольшой набор резцов, фрез и сверел для тульского умельца (на турбинном дерьма не держали), опять же кулек с семечками. Еще там был «набор для выживания в зомби-апокалипсисе» — его мне подарил на прошедший день рождения Витькин отец, Василий Юрьевич. Покупной набор, именно так и именующийся, с кучей полезных инструментов. Очень мне в нынешней ситуации нужных, взять хотя бы восьмикратный бинокль... Хотя и микротопорик, и складная минилопатка с микрокиркой все же лишними точно не будут. Жалко лишь, что банка с тушенкой из медвежатины было только одна...

Еще в рюкзаке был пакет с картошкой: его мне Витькина мать сунула «чтобы сыночек всякую химию не жрал». Небольшой пакет, Витьке на пару дней бы хватило — но я-то картошку вовсе не жрать собрался. Как и пару морковок, которые она же в пакетик с картохой пихнула. Да и семки лузгать вроде как не время еще, тем более что давешний дедок говорил, что семки не жареные, к тому же выращенные «самим Пустовойтом». Кто был этот выращиватель посолнухов, я и понятия не имел, но очевидно же, что семки эти не грызть, а сеять надо!

Вот только где их сеять, было совершенно непонятно: полей в поместье не осталось, а те, что были тут раньше, заросли мелкими деревцами чуть больше чем полностью. И я впервые понял, что сам термин «чуть больше чем полностью» абсолютно корректный, ведь деревьями покрылись не только поля, но и тропинки между ними. Хотя в любом случае у меня (и у мужиков) даже сохи какой-нибудь не было...

Зато на следующий день появились меха. И название этого немудреного инструмента стало понятно: меха мужики обтянули кое-как выделанными заячьими шкурами, причем «мехом наружу». Подозреваю, что очень скоро эти меха начнут, мягко говоря, пованивать: шкуры были обильно пропитаны топленным заячьим же жиром. Но в любом случае «скоро» не значит «завтра», так что есть еще время поразвлечься с железом и обеспечить себя оружием для борьбы с коварной природой. А арсенал я уже для себя мысленно обрисовал,

так что осталось лишь... начать и закончить. Причем второй пункт, судя по всему, маячил где-то на горизонте. Который, как всем известно, как к нему не стремиться, так на горизонте и остается...

Завязка

В которой Герой, осознав глубину ситуации, приступает к изобретению командирского патрона и промежуточной башенки к решению первоочередных задач по вылезанию из неё.

Хорошо что французы ружья делали из приличной стали. По крайней мере лопаты из них получились неплохие — хотя мужики, увидев, что я делаю стальную лопату, были удивлены более чем сильно. За два дня у меня получилось отковать две таких лопаты, которыми две наиболее крепкие на вид бабы вскопали участок примерно с сотку «под картошку». Потом я отковал уже три топора, которыми уже три бабы начали расчищать кусок будущего поля. Мужики к земляным работам не привлекались: в свободное от ловли зайцев время они качали меха в кузнице или таскали из лесу дрова — которые уже девки пережигали на уголь. Бабы на переноску дров не годились, им под силу было лишь хворост таскать, а мужики здоровенные бревна ворочали: уголь-то из хвороста не получается приличный. Мне угля нужно было очень много, и меха нужно было качать с рассвета и до заката — потому что я три дня занимался изготовлением небольшого, но вполне себе «оборотного» плуга. Небольшого, потому что отданная мне Александром Григорьевичем лошадка и такой с трудом бы по полю тащила. Да и тот, что у меня получился, она тоже волочила по полю без особого энтузиазма, но совместными усилиями (лошадки с тремя бабами) плуг по полю шел и землю переворачивал. И плуг таскали все же бабы, а мужики — строго по очереди — за плугом «ходили»: оказалось, что эта работенка куда как тяжелее, чем таскание девайса по земле. Где-то за неделю вышло вспахать примерно гектар, и тут уже лично я и обе специально обученные девки под непрерывным моим присмотром (чтобы в рот не тянули что не положено) аккуратно посадили в землю семечки.

Поле вышло засеять далеко не полностью, но Матрена сбегала в Свиньино — и вернулась с довольно большой котомкой, набитой пшеницей. На мой вопрос она сначала смущенно промолчала, но когда я вопрос повторил, все же соизволила ответить:

— Да я знаю как в амбар через стреху залезть, а барин всяко не хватится: я же из каждого ларя по горсточке невеликой только взяла...

Ладно, не буду расстраивать соседа, а мне лишняя пшеничка точно не повредит. Да мне вообще ничего из вкусного не повредит: я порадовался из-за своей давней привычки всякий мусор не выбрасывать в окно, а тащить домой и уже там в помойку отправлять. Проверив бумажку из-под Светкиного бутерброда, я там нашел несколько помидорных семян. Светка всегда старалась в любой бутер помидоров напихать — потому что у нее на даче они росли в количествах невероятных. А когда помидорина вырастает в полкило весом, то ломоть такой помидорины обязательно из бутера выскользнет — и мне с этим повезло. В этом году, если я не ошибаюсь, Светка насажала каких-то «фламинго», очень урожайных — по крайней мере в бутер помидорины она напихала в три слоя. И, похоже, быстрорастущих: у меня семена на третий день проклюнулись, а цветы на кустах появились меньше чем через месяц. Я, конечно, особо о грунте под помидоры позаботился: сам лично натаскал из лесу перегноя, всех баб и мужиков ежедневно гонял в лес собирать заячьи и лосиные какашки. Не сразу, а только когда Авдей, радуясь новенькому и довольно неплохому топору, изготовил пару даже не бочек, а кадок каких-то. Да, нахватался я знаний от Витькиной матери: какахи свежие пользы растениям не приносят, но если их с водой перемешать и дать неделю постоять-

побродить... В общем, в сытое будущее я смотрел уже довольно уверенно.

А вот проблема пропитания не в светлом будущем, а в суровом настоящем меня волновать перестала. Одна из баб, Наталья, никакими делами по устройству светлого будущего не занималась, а тупо готовила жрачку на всю компанию, причем довольно сытную, а иногда и вкусную — относительно вкусную. После появления в хозяйстве «складной лопатки» она половину времени проводила где-то в лесах и полях, копая разные, но вполне съедобные корешки, а вторую половину времени делала из них какую-то еду — которой, как ни удивительно это было, на всех хватало. Не то чтобы «от пуза», но чувство голода посещало меня теперь довольно редко. Честно говоря, меня удивила способность нынешних крестьян к самоорганизации: мужики и бабы безо всякого с моей стороны давления как-то поделили обозначенные мною работы и каждый делал именно то, что мог делать лучше или быстрее прочих. Вот эта Наталья умела лучше всех находить в лесу корешки — и находила. Мне чуть позже Матрёна сказала, что насчет корешков Наталья в деревне считалась одной из лучших и уж точно была лучшей из переехавших в Павловку. Правда я-то думал, что бабе лет сильно за тридцать, а оказалось — всего двадцать два. И она уже успела трех детей родить, но ни один не выжил, и раздосадованный Свиньин ее мужа отправил в рекруты. Вероятно надеясь, что без мужа она более здоровых детей родит что ли?

Хотя эта мысль и показалась мне бредовой, но другая девка, Алёна, сказала как-то мимоходом, что это — вовсе не бред. Правда обычно у таких баб мужей в рекруты отдавали когда баба уже на сносях была — а хозяева искренне считали, что если бабе не придется мужа кормить, то она сама лучше питаться будет и дитё у нее выживет... Наверное, был в этом какой-то смысл, но был он какой-то... в общем, непонятный человеку из грядущего совершенно.

Однако самоорганизация — самоорганизацией, но поначалу мою идею с поиском в лесу звериных каках народ оценил крайне низко. Впрочем, когда на помидорах появились первые завязи, мужики и бабы ворчать по поводу моих экспериментов с экскрементами перестали, причем не из-за помидоров, которых они раньше вообще не видели: именно тогда на горохе выросли первые стручки. Пару горстей гороха мне тоже Витькина мать подсунула в сумку супчику сварить — а гороховый суп мы с ним очень любили. Причем больше всего любили именно из только что собранного гороха — но оказалось, что и такой, если его все же достаточно зрелым собирать, очень неплохо прорастает. Насколько я понял, в нынешние времена горох был и ростом, и размером, и урожайностью заметно мельче сортового гороха двадцать первого века, так что то, что выросло на обильно поливаемой навозной жижей грядке, хроноабorigенов повергло в восторг и объемы доставляемого ими лесного дерьма выросли буквально в разы. Ну мне-то что, ту же пшеничку унавозить тоже не вредно...

Когда виды на будущие урожаи окончательно сформировались, я занялся исследованием останков погоревшей деревни. Надежды найти там что-то не сгоревшее совершенно не оправдались — похоже, у крестьян просто не водилось в хозяйстве гвоздей или чего-то другого, что нельзя было погорельцам собрать и утащить с собой. Но меня вдохновил тот факт, что бывший помещичий дом, стоящий слегка на отшибе, но от пожара все же не спасшийся, был выстроен на каменном фундаменте. Подвалы, конечно, были засыпаны обгоревшими палками и прочим мусором, но сам фундамент особо не пострадал, что навевало радужные мечты.

А еще мечты навевало то, что мужики с моего разрешения слегка проредили окрестные леса и успели выстроить две избышки. Совсем уж хреновых, даже если сравнивать с тем

убожеством, которое стояло в Свиныно — но мужики объяснили, что просто хорошие бревна летом из лесу не притащить, так что они их уже нарубили, но притащат по снегу в саях, а нормальные избы следующим летом уже поставят. А в этих лишь одну зиму перезимуют, что проблем не создаст: кроме бревен лесорубы нарубили еще и кучу других палок (тех же веток со срубленных деревьев), которыми можно всю зиму хоть пять таких изб топить.

Ну, как хотят. Я же изготовил из обломанного у рукоятки французского палаша неплохую пилу-ножовку, мужики напилили немножко досок, из которых сколотил (железными, собственноручно скованными гвоздями!) коробка. Этим я начал заниматься после того, как поинтересовался (причем случайно) у мужиков, откуда Гаврила руду к кузне приволок.

— Вестимо откуда, у него тут дудок с дюжину нарыто было. Я еще мальцом был, помогал ему дудки рыть, вон та — Аким показал пальцем на какую-то кучу земли, едва видневшуюся за деревьями, — зело богатая была, там руды этой аршина на два было...

Осмотр кучи показал, что среди земли довольно много каких-то камней, по виду напоминавших известняк.

— Так это известь и есть, — уточнил уже Авдей, — тут где не копни, через сажень-другую такого камня завались. Только камень тот плохой, мелкий очень.

Мелкий-не мелкий, а обжечь такой даже проще будет, ведь его дробить специально не требуется. Так что мужики снова начали рыть землю, пилить доски (из которых сколотили ящик, в котором известь гасилась), а я, пользуясь этой известью, начал на расчищенном фундаменте возводить «барские хоромы». За особой красотой не гнался, мне бы зиму в них пересидеть — а землебитные стены довольно теплые. И домик землебитный зимой теплым будет — особенно если в нем печку поставить.

Но вот насчет печки у меня поначалу были некоторые сомнения — потому что знакомых по фильмам «печей на пепелищах» я не увидел. Но мужики быстро объяснили, что кирпич с печей давно уже разобрали и перетащили в Свиныно, но это не страшно потому что они еще кирпича наделают. Глины-то вокруг полно!

Дом у меня получился замечательным. Две довольно больших комнаты (примерно на треть фундамента старого дома), окна (без стекол, но с двойными ставнями), дверь с тамбуром. Еще с мужиками я все же сделал какое-то подобие крыши над фундаментом, так что в подвале появилось приличное место для хранения собранного урожая. Хороший мужик этот Пустовойт, из пары стаканов его семечек получилось двадцать пять больших ведер урожая. Если считать все народонаселение Павловки, то не очень-то и дофига, но за лето бабы грибов засушили немеряно, опять же репу какую-то они сами посеяли, а уж сколько выросло тыкв! Не сказать, что тыквы я любил, но с голодухи и не такое сожрешь.

Так что по всему выходило, что зимой мне будет сытно и относительно комфортно — но с комфортом все же не сложилось, особенно с духовным. Аким попросил меня попа пригласить, чтобы обвенчать его с бабой по имени Марфа. Так как у меня знакомых попов не водилось, я отправил его с этим вопросом к соседу, и спустя где-то неделю тот сам приехал вместе с искомым служителем культа. И я случайно услышал, что он попику говорил:

— Кузнец у меня неплохой, только малость на голову скорбный. Мнит себя барином, хорошо еще что о сем никто, кроме приставленных к нему крестьян, и не знает. Мне же блажь его не мешает, работу делает — и довольно, а мужики... им велено его так барином и

величать дабы он работать продолжал.

Вот это птичка обломинго и чирикнула! Хотя ведь у меня бумага есть... то есть она у отставного поручика в доме и осталась на сохранение...

Ну да, время от времени я мелкую кузнечную работу и для мужиков из Свиньино делал, но ведь исключительно по доброте душевной — а сосед, гад такой, меня уже в свои крепостные записал?! И ведь я с этим и поделать ничего не могу... ну, почти. Наверное, все же что-то, да могу, вот только что?

Завязка

Вторая, и это не баг, а фича: завязок должно быть минимум две. У Энциклопедия русской жизни Онегина завязки две: знакомство с Ленским и знакомство с Татьяной. У шапки — тоже две завязки, потому что одной маловато будет. А чем мы хуже если не Пушкина, то хотя бы шапки? Так что завязывать будем уже всерьез.

Долгими октябрьскими вечерами я сидел в избушке кузнеца и размышлял над своею горькою судьбинушкой. В избушке сидел потому что выяснилось, что построенные мною хоромы не так хороши, как мне представлялось: печка грела хреново (то есть сама по себе — хорошо, но на две больших комнаты ее явно не хватало), да и сиденье в темноте раздражает. Стекол-то в окнах не было, и, чтобы не околеть от холода, приходилось окна держать закрытыми. В смысле, двойные ставни закрытыми держать, но через них все равно почему-то изрядно дуло. Однако бабы дважды в день все равно в хоромах топили, ведь нельзя допустить, чтобы подвал замерз: там хранилась ценнейшая картошка (которую на еду я тратить пока не стал) и разный другой продукт.

С голоду зимой я умереть уже не боялся, хотя полученные после расчетов суточные рационы и вызывали некоторое уныние. Они совсем бы уж уныло выглядели, но в самом конце октября, когда ночью температура падала ниже нуля (что доказывал ледок на лужах), Авдей умудрился в лесу завалить целого лося. Ну не то чтобы очень огромного, все же скорее лосенка — однако достаточно большого для того, чтобы к суточному рациону на зимний стойловый период добавить мяска примерно так по килограмму. На всех по килограмму в день, не на одного — но и это уже сильно радовало.

Еще меня радовало то, что бабы решили, хотя и очень своеобразно, обо мне позаботиться. В плане выживания в студеную зимнюю пору. Еще осенью старшая из баб, Фёкла, робко поинтересовалась, а не могу ли я бабам иголку отковать швейную. Фёклу мне Александр Григорьевич отдал потому что как раз зимой ее единственного сына он оженил и осталась баба «одинокой бобылкой» — то есть пользы от нее мало, хотя и подушный налог за нее платить не требовалось. Но требовалось кормить, а раз сын её уже кормить не мог... Честно говоря, я думал что Фёкле уже сильно лет за сорок, а оказалось всего двадцать восемь. В общем, из пружин замков французских ружей я иголок наковал больше двух десятков. А бабы часть, причем большую, ловко поменяли где-то в соседних деревнях на материю (то есть на полотно, сотканное тамошними бабами из матёрки), а к зиме сшили мне зимнюю одежду. Не тулуп, а что-то вроде пуховика или длинной телогрейки, набитой пухом из рогоза. Правда воротник меховой они пришили, еще и меховой капюшон и обшлага, из заячьих шкур, так что пальтишко не самым «мужицким» по фасону вышло. И теплым, хотя и тяжелым. Очень тяжелым — но теплым. Так что и с одежкой на зиму мне повезло, что очень меня радовало.

Не радовало то, что из посуды на всю кодлу так и оставался единственный горшок объемом литра на четыре. Ну я и постарался: набрал глины, добавил песочку процентов десять (читал я в юности о таком рецепте), даже сколотил некое подобие гончарного круга — и налепил разных мисок, кружек и крынок. Причем даже не забыл все это творчество тщательно выгладить щепочками, чтобы посуда получилась лощеной. Аккуратно все высушил, выкопал правильную ямку, слепленное в нее вперемешку с углем сложил — то

есть все по правилам сделал. И даже трубку глиняную в ямку провел, чтобы воздух в нее мехами качать для повышения температуры. А потом свою керамическую печку запалил и стал ждать положительного результата.

Самым трудным в деле производства керамической посуды было ожидание того момента, когда печка остынет. Потому что эта зараза остывала почти неделю! Но зато потом все стало просто: всю полопавшуюся в печке посуду я просто выкинул, а ту, что осталась невредимой, постарался отмыть от налипшей золы и копоти. А оставшейся после этих процедур «японистую» керамическую ложку я потом использовал для поедания того, что бабы стготовят.

Алёна, увидев столь скромные результаты моих трудов, поинтересовалась, а что, собственно, я хотел получить. И, выслушав ответ, глубоко вздохнула — как обычно вздыхала Витькина мать, Вера Сергеевна, когда тот жаловался ей на какие-то проблемы на работе. Наверное, у всех женщин такие вздохи заложены в генетическом коде. А дня через четыре притащила с десятков разнообразных мисок и еще один варочный горшок.

— Интересно, когда ты все это сделать-то успела? — удивился я. — Да и миски у тебя вышли такие ровные...

— Ага, дед Михей всегда ровные делает. Ты ему давеча топор сделал да серп новый отдал, вот он и отдался. Все равно он мисок много для зимнего торга лепит...

— А не много тут за один серп и топор? — засомневался я.

— За твой топор, барин, этого еще и мало. Он к Рождеству еще и десять кружек сделать должен.

— Почему десять? — удивился я.

— Потому что ежели ты, барин, одну разобьешь ненароком или осерчав, то ждать не надо будет пока он новую сделает. Ты-то, барин, мирный, поэтому я одну впрок велела сделать, а вот Александр Григорьевич, как осерчает, враз по пять кружек об стену бьет! Но то спьяну, а ты, я гляжу, вино не жалуешь...

Последнее было чистой правдой: чтобы вино жаловать — его иметь надо, а тут даже плодово-ягодную бормотуху сделать не в чем. Оно, может, и к лучшему, а то бы с расстройства спился. Но раз спиваться было нечем, я принялся за перевод двух «старинных книжек», которые мне Витька сунул для передачи тульскому мастеру. То есть все же это были ксерокопии — оригиналы были «старинными». И были эти оригиналы на сумрачном тевтонском...

С языком немецким у меня было примерно никак, так что работа по переводу выглядела несколько нетрадиционно: сначала два часа верчения ручки китайского фонарика с динамкой, потом — когда пауэрбанк от фонарика достаточно зарядится — очередная страница книжки снималась на телефон и запускалась программа перевода. Хорошая программа, она прекрасно переводила на русский ресторанные меню и ценники в магазинах — поэтому то, что она выдавала в качестве перевода, подлежало дополнительному осмысливанию, результат которого прямо на чистом обороте листа и записывался. При свете исходного китайского светоча, который мог довольно ярко освещать мое скромное жилище часа два после того, как ручка динамки переставала крутиться, или «налобного» фонаря из «зомби-набора», который еще час мог освещать мою скорбную обитель.

Ручку, понятное дела, крутил не я: все равно бабам зимой делать почти нечего, так пусть погреются физическими упражнениями. А заодно и печку протопят, еды какой-никакой стготовят, пока я героически борюсь с тевтонскими наречиями. Понятно, что в силу

столь сложного процесса у меня в день «переводилось» хорошо если две странички исходных документов. Но мне и спешить особо некуда было...

До самой весны было некуда. А потом времени стало вообще ни на что не хватать. Под подсолнухи удалось распахать примерно два гектара поля, под картошку аж двенадцать соток вскопали (я специально измерил), еще столько же под тыквы. Меня несколько удивило то, что под репу бабы вскопали лишь две небольших грядки, а под лен — которым в прошлом году они засеяли чуть больше сотки — бабы еще соток двадцать подготовили. А вообще огород они устроили очень большой и довольно разнообразный. За семенами они то в Свиныно бегали (ножками, лошадку по кличке Милка берегли!), то вообще в какую-то деревню верст за десять сходили за репчатым луком. Специально для меня (объяснив, что बारे какую-то «серую капусту» не едят) притащили откуда-то семена капусты белокачанной, а по моему отдельному распоряжению подготовили здоровенную грядку под морковь. Вообще морковка — страшное растение, если бы не вредители и пожиратели ее (вроде тех же людей), то она за пару лет покрыла бы всю Землю в три слоя: со скуки я подсчитал, сколько получилось семечек с двух морковин и, не поверив, пересчитал еще раз. Вышло, что с очень одинокой морковки получается около пятидесяти тысяч семян, ну а с двух... Если взойдет хотя бы процентов семьдесят этих семян, то еще через год новых семян получится... ну очень много, если я арифметику не забыл, то четыре миллиарда. А еще через лет пять — названий таким числам люди еще не придумали.

Но я впадать в морковный фанатизм не стал, двадцати соток под морковку мне хватит. А мужики и бабы решили, что и им столько же надо: не иначе меня они рассматривали как пожирателя корнеплода, способного в день мешок схомячить в одно рыло...

Еще по весне я тщательно проинспектировал свой рюкзачок на предмет «а не завалилось ли что между швами». Вообще-то я рассчитывал найти выпавшее из кассеты сверло на ноль-восемь миллиметра, но нашел только парочку совершенно высохших ягодинок черного цвета. Ну да, я периодически таскал на станцию в нем корзинки с урожаем Веры Сергеевны, но распознать ягоды не смог. Решив, что это вряд ли что-то ядовитое, ягодки я посадил на отдельной клумбе, и, оказалось, очень умно сделал. Из одной проклюнулись сразу три кустика, которые я по листьям отнес к черной смородине (а в деревне у Витькиных родителей ягоды были крупные, не чета нынешним лесным), а из второй — один куст, но мне показалось, что куст был этот черной рябины. В смысле, аронии мичуринской, которая, как говорила Вера Сергеевна, была случайным (и принципиально бесплодным) тетраплоидным гибридом, который в результате некоего апогамиксиса (уже слово само по себе страшное) превратился в нормальное растение. Она говорила, что вероятность повторения процесса несколько меньше, чем вероятность написания «Войны и Мира» стадом обезьян, сидящим за клавиатурами, так что если я не ошибся... Чернорябиновка — она и на вкус приятна, и для организма полезна.

Сверла я не нашел, но весь остальной инструмент оказался в полном порядке. Включая маленькую электродрель на батарейках, которые фонарик так же мог подзаряжать, так что я, выбрав наиболее «достойные» из французских ружей, приступил к имплементации процесса, изложенного в тоненькой тевтонской книжке. То есть из четырех стволов сковал одну толстую стальную палку...

После того, как железка была закончена, я — окинув взглядом засыпанной окалиной пол в кузнице — отправился к соседу... то есть к нынешнему моему барину за помощью. И застал его в состоянии полного нестояния — если я при первой встрече думал, что он пьян,

то я жестоко ошибался, сейчас он реально лыка не вязал. Но у меня с собою было... то есть я и раньше слышал, что Александр Григорьевич не просыхал, просто степень непросыхания не представлял — однако захваченная крынка с «лекарством» оказалась кстати. Взяв отставного поручика за шиворот, я усадил его за стол, на котором уже стояла миска с вываленными в нее солеными помидорами. По «моему» рецепту солеными: с хреновыми листьями, укропом и чесноком. Первую помидорину я скормил экс-вояке буквально «с руки», а все остальные он уже сам умял с невероятной скоростью. Этот «засол» мозги быстро прочищает: если хрена не жалеть, то очень способствует — в том числе и от похмелюги.

На соседа тоже подействовало: уже минут через пять он самостоятельно встал, дошел до крыльца, там справил малую нужду и, вернувшись к столу, и на меня внимание обратил:

— Никита Алексеевич, какими судьбами?

— Я тут слышал, что вы меня в крепостные себе записали?

— Ой, — тут экс-поручик вспомнил какую-то падшую женщину, — да не себе, и не записал, а спрятал на время, пока бумаги не будут выправлены.

— А попу вы что-то другое говорили...

— А что ему говорить, когда он спрашивает какого рожна у меня в Павловке мужики без присмотру сидят и ни хрена не делают?

— Ну, допустим. А когда бумаги готовы будут?

— Ну тут, Алексеич, дело такое... деньги нужны, а у меня с ними, сам видишь, буквально никак. А денег нужно много, там одних пошин рубликов на двадцать. А столоначальникам дать уже полсотни нужно, секретарю же в дворянском собрании еще, да и не только ему...

— Сколько всего?

— Я так думаю... то есть я, когда зимой все для этого готовил, подсчитал: в уезде бумаги сделать — это сто рублём, а в губернии еще четыреста.

— То есть сначала в Тульском уезде, а потом еще...

— Никит, ты кто вообще? А, ну да, в Америке рос... Одоевский у нас уезд, Одоевский. А денег собрать... у меня мужики-то в год всего рублей на сто оброку дают, еще Михей мисок и горшков рублей на двадцать продает...

— Где продает?

— Да на рынке, в Туле. Но всё мало выходит, а мне и подушные платить, и... мало получается.

— А что нужно чтобы мне на рынке в Туле торговать?

— Ну, бумагу от меня разрешительную. А чем торговать-то будешь? Хотя, говорят, топоры ты неплохие куешь, полтину за такой топор точно дадут... У тебя еще есть? — он кивнул головой на пустую миску. Я высыпал туда остатки помидор из крынки, он слопал еще одну, сморщился...

— Сейчас у меня денег нет, а разрешение стоит два рубля и шестьдесят копеек. Еще на дорогу какой-никакой расход... Я тебе такую бумагу сделаю, а ты... вот таких крынок мне с дюжину принеси и потом деньгами... рублей двадцать пять в год как, осилишь?

— Если мне сейчас дашь на месяц дюжину мужиков, то и сотню осилю.

— Сотню? Ну ты сам это сказал...

— Сказал. Осилю, если сейчас дашь дюжину мужиков, а в бумаге будет написано что я могу и крестьян покупать.

На пьяном челе буквально читались охватившие соседа сомнения:

— Мужиков-то дать можно, а кто сено косить будет?

— Я Акима пришлю, он все сено в два дня накосит, — и в этом у меня сомнений не было: Аким уже опробовал изготовленную мною конную косилку. Не суперхайтек у меня получился, но за пару дней мужик накосил сена для Милки на год с большим запасом...

— А ты меня не обманываешь?

— Я тебя когда-нибудь обманывал? Обещанное не выполнял?

— Верно, не было такого. Но ты ведь мне ничего еще и не обещал! Ладно... ты мне еще крынку этого приши, — он кивнул на опустевшую миску, — а я тогда завтра же в Одоев и прокачусь...

Завтра — не завтра, а через неделю у меня была бумага с красивыми печатями, позволявшая «крестьянину Никите из Павлова торговать на рынках Тульской губернии любым товаром», а так же позволявшая «упомянутому крестьянину» покупать от имени помещика Свиньина «мужиков и баб с чадами». Мало что на документе не имелось моей фотографии, там вообще никаких примет «крестьянина Никиты» не указывалось. Впрочем, меня это не расстроило, хотя Свиньин и предупредил:

— Ежели ты на рынке один будешь и никто личность твою подтвердить не сможет, то дай околоточному пятак, он сам подтвердит...

Кстати, поручик оказался по части денег исключительно честен: «бумага» действительно стоила два-шестьдесят, что подтверждали наклеенные на нее гербовые марки «сбора за розничную торговлю в разнос». Ну и я буду с ним пока честен...

Пока Аким косил, присланные мужики быстро рыли мне две «дудки» (этим занимались шестеро) и лепили кирпичи из указанной мною глины (еще шестеро). Не проявляя при этом особого рвения — но ровно до тех пор, пока один из них не сбегал «на побывку» домой. Вернулся он сильно задумчивым, а когда я сказал, что все, что они делают, мне нужно для постройки еще одной косилки, уже для их деревни, в мужиков словно бес вселился. Ну да, когда на не самую маленькую деревню приходится только три косы, народ так и тянется к техническому прогрессу. А когда эти мужики своими собственными глазами увидели, как три бабы и одна девка минут за пятнадцать валят в лесу дерево со стволом толщиной сантиметров в тридцать (из полудюжины сломанных сабель отковал я пилу «Дружба-2»)...

Короче, я вообще не ожидал, что «дудку» глубиной в двенадцать сажений можно отрыть (причем силами всего шести совсем даже не гераклов) меньше чем за неделю. А за две в ней еще и сруб поставить: я решил, что в обычной «дудке» руду копать все же несколько рискованно. А мне пока и одной шахты хватит, я же не собираюсь стать «стальным магнатом». То есть я бы, может, и не возражал — но поместье все же небольшое, на «магната» мне просто дерева не хватит для получения угля...

Поздней осенью девятнадцатого года возле кузницы выросла почти настоящая домна. То есть домна была вообще настоящая, просто маленькая. Но очень нужная: весь железный хлам из нычки Гаврилы я уже пустил в дело, так что для продолжения банкета мне срочно понадобился новый металл, причем много. Но еще срочнее мне потребовались деньги...

Деньги — они страннее мёда. Потому что сначала мёд все же есть, и только потом его нет. А вот денег и изначально не было. Как все знают, чтобы появились деньги, надо что-то ненужное продать, а что там у меня ненужного имеется?

Из совсем уже ненужного у меня остались только три бронзовых пушки. И две больших кучи «белой глины», которую я — при выкапывании шахты — велел мужикам отдельно складывать. Так что я построил еще один горн... Бронза, зараза, оказывается, очень прочная. Но — как и любой сплав, в котором медь преобладает — некоторое время после сильного нагрева становится мягкой, так что удалось одну пушку поделить на относительно мелкие кусочки. Кусочки в горне расплавил, жидкую медь залил в изготовленные формы — и, к моему удивлению, почти всё у меня получилось с первого раза. Ну, не совсем, конечно, напильником помахать пришлось еще дней... несколько, но где-то к Крещению девайс был готов. Кривой, не очень-то и уклюжий — но работающий. Мощностью в четыре бабских силы.

Второй девайс по моим указанием изготовил Авдей — мужик достаточно рукастый оказался. Этот девайс был послабее, всего в две девкинских силы, но без него и первый был бы бесполезным. Ну, почти — но когда девки на семеноружке очистили достаточно семечек, я запихнул их в пресс. А когда на длиннющей ручке этого простого рычажного пресса повисли четыре довольно упитанных уже бабы, из пресса полилось масло.

Масла получилось много. Потому что семечек вышло собрать три с половиной тонны, причем — отдельное спасибо дядьке Пустовойту — семечки получились очень жирными. А я еще где-то прочитал, что для улучшения маслоотдачи семки нужно до девяноста градусов нагревать — и примерно полторы тысячи литров масла вскоре заполнили специально изготовленные Авдеем бочонки. Небольшие, пятидесятилитровые. Тридцать штук.

Со своей бумагой я уже один раз в Тулу успел скататься, даже продал там из сделанного мною добра четыре серпа, заработав целых восемьдесят копеек. Мог бы и больше заработать, но мне время терять не хотелось, так что отдал все сразу одному мужику, который такую цену предложил. Тоже не сразу отдал, мужик поначалу хотел их по гривеннику купить — но я-то торговаться умею! А еще я умею неплохо цены запоминать, и — что меня тогда сильно поразило — масло коровье стоило столько же, сколько и «масло постное», в смысле горчичное или конопляное. То есть горчичное еще дороже стоило.

Деньги я почти сразу почти все потратил, купив четырех цыплят (и сэкономив после ожесточенного торга гривенник), но про масло не забыл. И в начале февраля мы с Акимом и Матреной отбыли в стольный град Тулу. То есть в губернскую столицу. Город был, к моему удивлению, довольно большой, народу в нем было тысяч, наверное, за пятьдесят — но мне было важно то, что где-то пара тысяч из них были людьми не сильно бедными. Ведь три роскошных магазина на главной улице (ну, по нынешним временам роскошные) не для всякой рвани же открыты были!

Самым сложным в этом путешествии было добраться до Тульского тракта: Милка туда сани часа четыре тащила — причем больше смотрела, как мы по сугробам сани толкаем. А потом, по неплохо накатанной дороге она уже даже легкой рысью пошла. Аким, правда, удивлялся, что я в город отправился совсем не в ярмарочный день, но у меня и цели заключались вовсе не в стоянии на рынке. Так что где-то в районе половины пятого (уже смеркаться начало) наши сани подрулили ко второму «по крутости» магазину на центральной улице, и я отправился на переговоры. Думал, к управляющему, а оказалось что к хозяину.

Душевный оказался мужик, проникся моей нуждой в деньгах. Я бы тоже проникся, если бы у меня эти деньги были, а кто-то предложил мне купить масло не по шестнадцати рубликов за пуд, а всего по двенадцать. Одиннадцать с половиной пудов прекрасного,

рафинированного (но пока еще не дезодорированного) постного масла! Причем изготовленного по иностранной технологии!!!

По дороге в Тулу я решил, что «крестьянином Никитой» будет Аким, а я представлюсь, скажем, «временным управляющим маслобойного завода Павловых». Что было вполне разумно, ведь ни джинсовой одеждой, ни белорусскими говнодавами-гортексами я на туземца ну никак не канал. Так что всего-то после примерно часа торговли мы с хозяином магазина договорились, и я вышел, положив в карман полтора ста рубликов в очень звонкой монете. Полтора ста, потому взял еще и скромную плату за обещание «по запросу» в течение целого года в Тулу масло это возить только в магазин Ливенцова-младшего и ни в коем случае не поставлять его какому-то Сушкину.

Ну что, двадцать восемь золотых пятерок и десять больших серебряных рублей душу мне согрели. А если учесть, что я толкнул только четыре бочки...

Домой я привез только сто сорок рублей, зато Милка всю обратную дорогу просто бежала за санями: всего за десятку я купил довольно неплохую (по словам Авдея — я-то в лошадях совсем не разбираюсь) лошадку, причем — если верить продавцу, но Авдей ему верил — четырехлетку, а Милке было уже за десять лет. По дороге Авдей вслух мечтал о том, что он новую кобылку сводит к какому-то соседу, у которого конь есть очень неплохой, а я вслух удивлялся тому, что лошадку получилось так дешево купить. Однако недолго удивлялся — пришлось другому удивляться. Матрёна мне глаза открыла на «дешевизну»:

— Так это ассигнациями лошадь сорок рубликов стоит, а ты ему серебром платил. То ж на то ж и выходит, ты переплатил даже изрядно.

— А масло постное на рынке по сорок копеек за фунт продается — это на ассигнации или за серебро?

— За медные деньги, ну и за ассигнации тож. Кто на рынок-то с серебром ходит?

Ходят, еще как ходят: коровье-то масло только на серебро и продавалось. Но в целом... Оказывается, я этому купцу Ливенцову постное масло по четверной цене впарил. Интересно, это он чего-то нанюхался или я такой убедительный был, что матерого купчиху заболтал? Причем заболтал, похоже, всерьез, он же по такой цене был готов купить и тонну масла... почти тонну, он говорил что если я к Великому посту привезу пудов пятьдесят-шестьдесят, то он всё возьмет...

Ну да, когда я в первых числах марта привез в Тулу еще десять бочек (все сразу везти просто побоялся, причем не за бочки опасался, а за выручку), то понял кто кого в сделке с купцом обманул. То есть я его вроде как и обманул, но тогда он меня, получалось, обманул вообще втрое. Прикидываясь «иностранцем», я пытался впарить ему что-то вроде sunflower oil, а он это воспринял как «масло оливковое», которое вообще-то стоило в районе рубля за фунт. Рубля серебром — мужики такое даже помыслить купить не могли, так что моя цена ему показалась... не знаю, что он подумал, может решил что масло ворованное — но при таких барышах это же ни одного купца не остановит!

Вернувшись с деньгами, я на следующее утро скатался к Свиныну — раз обещал ему сотню в год, то уж лучше сразу отдать и не мучиться. Но когда я положил перед ним на стол двадцать маленьких симпатичных круглящей, он — несмотря на то, что был практически трезв — уставился на них буквально по пословице про барана и ворота, а потом тихим голосом поинтересовался:

— Это что?

— Ну я же обещал сто рублей в год тебе заносить, так и занес.

— Так ты что, говорил про сто серебром, не на ассигнации? — в голосе его послушалось такое удивление, что у меня в глубине души проснулась жаба и начала что-то пыхтеть о напрасно потраченном золоте. Но жабу я резко заткнул: нужно же, как сейчас говорят, фасон держать!

— Дворянам меж собой на ассигнации договариваться неуместно. Мне и в голову не могло придти, что вы об ассигнациях говорили! Впрочем, даже если вы так и думали — тут я специально к нему на «вы» обратился, типа «обиделся» — то я имел в виду нормальные деньги и от слов своих, как дворянин, давший их дворянину, отказываться под таким предлогом не буду. Дворяне друг друга не обманывают!

Тот с полминуты подумал:

— А знаешь, Никита Алексеевич, ты вот давеча про крестьян говорил. Бери у меня насовсем мать твоей Матрены, вместе с мужем и детьми забирай. Я сей же час передаточную напишу, будто ты у меня их, скажем в карты выиграл. И тебе хорошо, а то Матрена, гляжу, каждую неделю сюда к матери шастает и не работает по полдня, и мне экономия. Ну, думаю, полтора рубля за душу тебя не разорит... хотя подушный-то за них всяко мне платить — при этих словах он этак «выразительно» на меня посмотрел.

— Серебром?

— Ну да...

— Александр Григорьевич, я с удовольствием буду тебе отдавать на покрытие подушных по три рубля с души. Ну, если ты мне подскажешь, где эти души взять.

— Где взять... Игнатьев вроде поместье продавать собирался, но у него за двести душ, это выйдет серебром тысяч в двадцать. Тебе же столько мужиков не нужно?

— Нужно гораздо больше, но не сразу, я бы где-то через год купил бы.

— А если больше, то тебе нужно в Псковскую губернию. Там мужика с семьей на вывод рубликов по десять можно взять, а много брать если, то и до пяти торговаться не зазорно будет. И девки там хороши, я их рубля по четыре покупаю, но если сразу много брать, то и за три сторговаться можно...

— Далековато... я, конечно, советом воспользуюсь, но... а как-то побыстрее можно хоть дюжину-другую мужиков подкупить? Чтобы к посевной успеть.

— К посевной... А давай завтра к Игнатьеву съездим! Сегодня уже поздно, а вот завтра, если с рассветом выехать, то как раз успеем!

Вот чего не отнять у старого поручика, так это заботы о лошадях. На санях, запряженной парой каких-то светло-коричневых лошадок, мы проехали двенадцать верст до Одоева меньше чем за полтора часа. Ну и за Одоев всего часа три ехали. Я думал, что этот Игнатьев — помещик, которому стало трудновато с хозяйством управляться, а оказалось иначе. Петр Петрович оказался отставным прапорщиком, причем в отставку ушел «по ранению», а фактически — по инвалидности: у него левый рукав пустым был. Инвалида взял себе в управляющие подполковник, у которого тот служил в войну — а когда хозяин поместья умер прошлым летом, наследники решили монетизировать наследство. Что самого Петра Петровича отнюдь не радовало, так что он «пытался продать» поместье без фанатизма.

С ним Александр Григорьевич быстро договорился о «передаче в услужение» двадцати пяти душ за пятьсот рублей, причем с условием, что эта сумма пойдет в зачет будущей платы за все поместье. После того, как я сообразил о причинах отсутствия энтузиазма в деле торговли недвижимостью, то предложил Петру Петровичу остаться в качестве управляющего

и после смены собственника. Тот секунду подумал (или, скорее, просто воздуха набирал перед тем, как озвучить информацию) и выложил «коммерческую тайну»:

— Мне велено поместье продать не меньше чем за десять тысяч серебром. А с того, что сторгую сверх того, пять процентов моими будут...

— Ясно. Я предлагаю... а какой у вас оклад жалования?

— Двести рубликов в год, стол и жильё еще.

— Я предлагаю десять тысяч серебром за поместье, еще лично вам пять сотен в качестве подъемных, то есть вроде как на обзаведение, жалование... поначалу двести сорок в год, через год увеличим. Стол и дом конечно, и вам, и супруге вашей.

— Я холост.

— Это плохо. Вам ведь, поди, и сорока нет?

— Как раз сорок.

— И дворянин...

— Личный.

— Триста в год, свадьба за счет нанимающей стороны, личный выезд... то есть пароконная бричка в собственность как подарок к бракосочетанию. Устроит?

— А когда купчую оформлять будем?

— Когда? Если повезет, то в середине сентября. А если не повезет, то уже в ноябре.

— Соглашайся, Павел Петрович, — начал уговаривать его Свинын. — Я пока еще не видел, чтобы этому юноше не везло.

— Ну, договорились, я надеюсь, что хозяев смогу даже до весны будущей уговорить. Но это если им залог передать, хотя бы в тысячу...

Забавно, что никаких бумаг подписывать мы не стали. Просто договорились, что за мужиками я приеду где-то в мае, а их семьи перевезу уже ближе к середине лета. Так что, пока не сошел снег (и пока купец Ливенцов не выяснил, что же я ему продаю), я отправил в Тулу остатки масла. Затем еще съездил к Игнатьеву, отдал ему пять сотен в красивых кругляшках желтого металла и захватил сразу шестерых мужиков. Эти просто бобылями были, им потом семьи перевозить не требуется, а общежитие я им найду...

Лирическое отступление

Это такое место, где герой как бы лирически размышляет, раскрывая читателю свою сущность и намерения. Как, например, Лев Толстой через знаменитые размышления Андрея Болконского сравнивает его с дубом...

Мужиков я не просто так забрал: примерно в трех верстах от Павловки была невысокая «гора», из которой когда-то выкопали камни для постройки фундамента «барского дома». Хорошие камни, мужики сказали, что «жерновые» — но мне было достаточно того, что они в воде не размокали. Выдал «новичкам» кайла, пару ломиков — и отправил «камень ломать». Это оказалось просто, так как мужики «сдавались в аренду» вместе с конями и телегами. И те, и другие довольно хреновыми оказались, но натаскать камня на фундаменты будущих изб смогут. Аким же с Авдеем смогли. Новички, лишь увидев, в каких избах у меня живут мужики и бабы, слегка удивились, а когда Авдей сказал, что без каменного фундамента и дощатого пола «барин избы ставить не велит», прониклись уважением — если не ко мне, то к моим распоряжениям. По крайней мере в середине мая они шесть каменных фундаментов выложили...

Мои планы на год грядущий — в смысле на грядущий год сельскохозяйственный — были довольно грандиозными. Понятно, что второй раз загнать подсолнечное масло по рублю за литр вряд ли получится, но копеек по двадцать — дело вполне реальное. Если мне нужно десять тысяч рублей, то масла потребуется продать пятьдесят тонн. Не очень-то и много, но в моих условиях — очень даже дофига. В хороший год семечек с гектара получается по паре тонн, в плохой — ну, пусть будет вдвое меньше. Тонна с гектара, а из тонны семечек получается полтонны масла. То есть засеять нужно сто гектаров...

Мужиков, которые будут эти поля засеивать и косить, нужно кормить — следовательно им потребуется... они в основном еще и семейные, значит им потребуется хотя бы картошки по тонне на «душу». Двадцать пять тонн — но с картошкой проще, в пересчете на гектар прошлый год дал мне около сорока тонн, а в этом мне картошки как раз гектар засадить и хватит. Подъемно, но одной картошкой сыт не будешь. То есть будешь, если другой жратвы нет — однако меню лучше поразнообразнее иметь, так что сюда же и морковь, и капусту. Кстати, узнал я, что такое «серые щи» и «серая капуста» — и нам такой хоккей точно не нужен, так что капусту будем растить строго белокочанную. И брюкву. И репу тоже, и тыкву в ассортименте. Ну и пшеницу с рожью, куда же без них-то? Значит засеивать всяким нужно уже гектаров двести, а то и больше. Если одна лошадка может (плугом, не сохой) за день вспахать полгектара, а на посевную уходит десять дней, то в поле нужно послать минимум сорок лошадей. А это — сорок мужиков и баб, в смысле сорок мужиков и сорок присущих им баб, не считая тех, кто пахарей будет кормить и поить. Про сорок плугов я вообще молчу...

Потому что деньги любят тишину. Вот я их так тихохонько и тратил. На одном тульском заводике я заказал полсотни лемехов, по три рубля за штуку. На другом — столько же отвалов, по рублю. Но даже если эти конкуренты друг с другом информацией бы поделились, то сделанный ими совместно плуг никто бы, будучи в здравом рассудке, покупать и тем более юзать не стал. Потому что землю пахать этим плугом невозможно в принципе. Ну, пока к нему предплужник не привинтить, которые для меня делались в

совсем другой мастерской. Ну а то, что с винтами было очень грустно, меня не остановило, я все эти железки друг с другом просто склепал. Да, хреново и да, ненадежно — но уж десять-то дней они хоть как-то продержатся, а там хоть трава не расти. То есть трава-то расти, а плуги я или сам починю, или новые куплю...

Недостающих же мужиков с бабами я просто взял в аренду, причем по-настоящему в аренду. Жила неподалеку помещица Сорокина, имеющая почему-то именно сорок дворов. И баба была очень хозяйственная, у нее только «под хлебами» было чуть больше четырехсот десятин. Но случился у нее прошлой осенью «отрицательный прирост» поголовья тягловой скотины: конюшня большая сгорела и почти все лошадки... проявили негативную тенденцию выживания. Ну я с ней и договорился: сколько ее мужиков у меня десять дней отработают, столько уже моих лошадей десять дней ее поля пахать будут.

Наталия Филипповна Сорокина мне нравилась больше всех из тех помещиков, с кем я успел познакомиться. Она жила одна, овдовев в процессе Бородинской битвы, а две ее выживших дочери давно вышли замуж и уехали. Но скучать ей было некогда: за хозяйством следила. И особенно мне нравилось то, что за крестьянами она тоже «ухаживала»: у нее мужики и бабы барщину отработывали по шесть дней в неделю. У прочих всех — по три дня, а у нее — по шесть, и поэтому лишь в ее поместье крестьяне выглядели сытыми и ухоженными. Потому что у прочих помещиков крестьяне три дня в неделю работали на свой прокорм — а в Тульской губернии простой мужик прокормить себя с семьей возможности не имел. Сорокина же четко выполняла закон, по которому в число обязанностей включался и прокорм своих крестьян в тяжелую годину, а так как сейчас любая година была тяжелой...

Мужикам для дополнительного прокорма оставались лишь огороды, хотя и за тем, что, как и когда они там сажают, Сорокина следила. А все злаки выращивались исключительно на «барских» полях, обрабатываемых «по науке» — ну, как нынешняя наука рекомендовала, и урожаи у нее постоянно выходили почти вдвое большие, чем у соседей. В том числе и потому, что лошадки у нее были отборные, мужики с их помощью пахали куда как лучше — но вот то, что все лошадки у нее обитали в одной большой конюшне, в конце концов и вышло ей боком: в деревне «мужицких» лошадей осталось после пожара лишь две штуки. Понятно, что в ее амбарах зерна еще на год прокорма всей деревни хранилось, но если можно такой хорошей тетке помочь (с большой выгодой и для себя), то почему бы и не сделать доброе дело?

В общем, первого мая у меня пахота закончилась вместе с посевной, «мои» мужики под руководством Акима, Авдея и Матрёны с Алёной (которых я еще в прошлом году лично обучил) пошли сажать картошку, а бабы приступили к постройке жилья.

Когда фундаменты уже стоят, с такой работенкой и бабы справятся. Потому что бревна ворочать не надо... то есть иногда надо, но на ворочанье бревен каждый день две пары мужиков освобождались от «полевых работ». А все остальное... печки — они к зиме нужны, а переставлять опалубку, засыпать в нее землю и потом долбить ее колотушками, да что там — даже известь жечь дело для сытой бабы нетрудное. А у меня все бабы (как и мужики, и дети конечно) были исключительно сытыми. Без особых разносолов — но уж картохи от пуза или тыквенной каши каждому доставалось. А в качестве «источника белка» в обязательном порядке суп гороховый. С копченостями: в последнюю поездку в Тулу я купил двух свиней (они по рублю сейчас стоили), и их по очереди забили. Ну а чтобы мясо быстро не испортилось — прокоптили как следует. То есть это я знал «как следует»: жизнь в одном помещении с реконструктором многому интересному учит.

Короче говоря, «избы» я велел строить землебитные, и бабы с этим справлялись достаточно неплохо. А дети — времена нычне не те, чтобы детки простаивали — они лепили из глины черепицу. И к середине лета Павловка превратилась в очень неплохую такую деревеньку, я бы даже сказал, почти швейцарского вида.

Но это всё крестьяне без меня делали, а я тем временем потихоньку ваял вторую маслодавку и развлекался с Матрёниной матерью. Оказалось, что Авдотья в процессе скрашивания серых будней отставного поручика обучилась французскому, причем теперь уже довольно прилично на языке бывшего противника лопотала. Потому что ее языку обучал настоящий француз, служивший в то далекое время «воспитателем» у сыновей соседа. Потихоньку вражеский язык и я освоил — а заодно узнал, почему Александр Григорьевич почти не просыхает: пить он начал с горя, после того как все три сына его погибли в войну...

Осень меня порадовала. И хорошим урожаем, и полученной выручкой. Как я и предполагал, цену на масло пришлось снизить, но всего лишь втрое — так что у меня в кармане зазвенело уже чуть больше двенадцати тысяч. Это уже после того, как я за новое поместье заплатил, получив — кроме двухсот тридцати семи крестьянских «душ» — и тысячу сто десятин пахотной земли. А в придачу почти столько же лугов, чуть больше «лесных угодий» и — отдельно заплатив (причем в казну) всего лишь полторы тысячи (причем ассигнациями) — девятьсот десятин «пустоши». Пустошью сейчас и здесь называлась территория, изрезанная оврагами и покрытая болотами и «черным лесом» — то есть всякой ольхой, черемухой и дикими яблонями. Ну и березами конечно, я из-за берез эту «пустошь» и прикупил.

А еще я прикупил коров и овец. Местные коровы на рынке осенью продавались совсем дешево, от трех до пяти рублей — но они были настолько «местные», что их я даже смотреть не стал: Матрёна сказала, что молока с них в день надоить можно литров около пяти. Один тульский помещик разводил коров «аглицких», каких-то бежевых, и они и размером были раза в два больше местных, и молока давали вдвое больше — но помещик за каждую хотел получить по сто рублей серебром, а потому и «импорт» меня не привлек. Но Авдотья сказала, что в Алексине на ярмарке бывают коровы холмогорские, которые «уж больно хороши». Ну, съездил я туда, поглядел на этих коров. Типичные голштинцы — я таких в деревне у Витькиной матери много видел, и много хорошего про них слышал. А раз коровки шли всего-то по двадцать рублей, то почему бы и не купить их десяток-другой? Бык, правда, обошелся мне уже в шестьдесят рублей — но без быка у коров и молока не получается, а насчет местных бычков, которых можно купить рублей по пятнадцать, я даже и думать не стал. То есть подумал — подумал, что крепкая холмогорская коровка такого плюгавого быка к себе и не подпустит, да и зачем мне породу портить?

Про овец мне Петр Петрович подробно рассказал. Были здесь овцы «шубные», и самые лучшие из них — романовские — стоили от двух с полтиной до трех с полтиной на серебро, а баран — в районе пяти рублей. А еще были какие-то «саксонские» — эти стоили уже в районе семи-восьми рублей, причем независимо от пола. По его рассказу я понял, что «саксонские» — это какие-то тонкорунные овцы, и решил и их десяток взять на развод. Что оказалось не очень-то и просто, за ними чуть ли не в Москву ехать пришлось... ему пришлось, не мне. Зато в целом я скотиной основательно так затарился, глядишь, года через два-три и полушубок себе справлю. Если мужики мне скотину не загубят...

Честно говоря, меня несколько удивило то, что хорошая овца стоила больше, чем плохая корова. Но Игнатьев и в этом мне глаза раскрыл: сейчас корова все же рассматривалась не

как молочная фабрика, а как производитель транспортно-силовой установки под названием «вол», причем вероятность получения вола составляла процентов пятнадцать — а овца сразу становилась и источником шерсти, и мясо из нее быстрее получалось. А еще овца была ценным источником важнейшего товара: овечьих кишок. Из которых делались струны для музыкальных инструментов...

Продолжение завязки

В которой Герой продолжает бороться (с большим, но переменным, успехом) с судьбой.

У меня уже три здоровенных землебитных сарая были заполнены отличным березовым угольком, да и из шахты руды уже под сотню тонн мужики достали. А я смотрел на все это «богатство», ходил вокруг домны — и, вздохнув, уходил обратно в дом. Как должна печь работать — я прекрасно помнил, но накопленного сырья мне хорошо если на неделю хватит, а потом... Внимательно подсчитав трудозатраты на добычу всего запасенного, я осознал, что для обслуживания даже этой крошечной домны мне потребуется человек пятьсот.

Но к Рождеству до меня дошло, что из уже сделанных запасов я смогу сварить тонн пятьдесят чугуна. Весит чугунок класса «семейный» килограмм пять, то есть можно постараться и отлить десять тысяч посуды. Тут глиняный горшок для варки на рынке стоит копеек тридцать, так что чугунный можно попробовать и по рублю толкнуть. А если его покрыть изнутри еще и эмалью...

Для эмали нужна бура, или, на худой конец, борная кислота — но проведенный в двух аптеках Тулы опрос показал, что здесь таких слов еще не знают. То есть слышали первое, но аптекарь (немец) был убежден, что это что-то такое, что можно купить где-то в Италии, причем неизвестно где конкретно. Ладно, нет борной кислоты — обойдусь без нее. Правда воспроизведенный когда-то Витей «древний рецепт» позволял сделать эту эмаль только гнусно-бурого цвета, а покрытую такой эмалью кастрюлю категорически не рекомендовалось нагревать больше, чем до ста двадцати градусов...

Запускать печь в мороз — наверное дело не самое умное, но для сельской местности сойдет. В особенности с учетом того, что я эту печь еще целый год улучшал, так что она теперь стояла внутри довольно приличного по размеру кирпичного сарая, который вдобавок еще и обогревался тремя кауперами, стоящими вдоль одной из стен. Хреновыми кауперами, «сделанными без единого гвоздя», в них даже заслонки были из глины обожженной — но я все же рассчитывал, что они одну кампанию выдержат: все же у меня эта «кампания» вряд ли больше двух недель продлится. Перед пуском печи еще две недели я тренировал мужиков, причем не столько собственно работе с печью, а беспрекословному и быстрому исполнению моих приказов. А затем глубоко вздохнул и чиркнул зажигалкой. Да, за все это время я умудрился не потратить ни капли бензина из фирменной фляжки, но почему-то решил что сейчас «настала пора»...

Печь прогревалась неделю, затем в нее начали потихоньку сыпать руду. А еще через три дня пробили летку — и в заранее подготовленный ковш вылилось, по моим прикидкам, тонны две чугуна. И из этого (выстроенного все же из огнеупорных кирпичей) ковша я успел разлить по формам хорошо если четверть, потом жидкость чугуна стала резко уменьшаться. Впрочем, я и такую пакость предусмотрел, в ковше внизу пробили уже «вторичную» летку и остатки металла вылились в формы, приготовленные для традиционных для сейчас «чушек».

Оценив нанесенный ущерб, я решил что все же слегка погорячился: последние двое суток я практически не спал, так что дальше следить за печью и управлять мужиками у меня просто сил не осталось. Так что еще через день — после того как еще одна порция чугуна вылилась в ковш — я решил печь гасить. А еще через сутки, когда я уже более-менее

выспался, пошел выковыривать из форм то, что получилось.

Ну что, даже очень древняя по конструкции печка, но уже с кауперами — это все же вещь! Чугун неплохо перегревается, хорошо льется. Так что, если даже не считать с дюжину бракованных отливок (причем из-за плохо изготовленных форм), у меня вышло двести шестнадцать очень неплохих четырехлитровых чугунков.

Чугунков у меня получилось двести семь: после того, как из них выковыряли формовочную смесь, оказалось, что девять тоже можно смело отправлять в брак — настолько кривые они получились. То есть кривобокие. Иными словами, у них одна стенка вышла заметно тоньше дугой, настолько заметно, что тонкая часть скорее всего треснула бы при ударе ложкой. Насчет эмалирования этой замечательной посуды я решил пока не заморачиваться: отожгли, обмазав посуду маслом — и тут же поехали в Тулу их продавать. Недостатком моего положения можно было считать то, что «разрешение на торговлю» было выписано только на меня, а посылать в относительно небольшой город каждый раз разных «Никит» было не очень разумно: все же — как я и сам смог убедиться — местная полиция работала неплохо. Очень неплохо: эту бумагу у меня в городе полицейские требовали только первые два раза, а затем просто на меня взглянув, молча кивали головой. Ну да, моя прекрасно выбритая рожа несколько выделялась из общей массы народонаселения, но ведь у городских может и вопрос возникнуть, как это у «голобородого» мужика так быстро отрастает густая борода?

С продажей чугунков все получилось еще быстрее, чем с маслом: пока мы (я с четырьмя мужиками приехал, не самому же разгружать два воза тяжелого металла) пытались как-то воткнуть наши «мобильные прилавки» в торговый ряд на местном базаре, к нам подошел какой-то, судя по одежде, купчина:

— Хранцузские котлы? — поинтересовался почему-то он.

— Нет, не французские, — ответил я, причем ответил не сразу: меня сама постановка вопроса слегка удивила и я ее секунд пятнадцать просто обдумывал. Этот вопрос в Туле, где чугун плавил на каждом углу, меня всерьез в тупик поставил.

— Значит аглицкие?

— Нет, мои.

Теперь «завис» купчина, но вскоре к нему вернулась способность произносить осмысленные слова:

— Сколько просишь?

Мне такой «неспешный разговор с театральными паузами» почему-то понравился, и я, очень не спеша и растягивая слова как прибалт из анекдота, озвучил ответ:

— За каждый по рублю.

— Беру все! — радостно и совершенно без задержки вскричал «первый встречный покупатель». Что-то подозрительно, уж не продешевил ли я?

— Я не закончил говорить, — так же медленно и опять растягивая слова, тут же добавил я, — и по восемьдесят пять копеек.

— Так по рублю или по восемьдесят пять копеек?

— По одному рублю и по восемьдесят пять копеек вместе. А не или.

— А если все возьму, по рупь с полтиной отдашь?

— Если все вместе, то по одному рублю и восемьдесят копеек вместе. За каждый котел.

Торговались мы долго, минут, наверное, десять — с окончательно сошлись на цене в

рубль семьдесят две копейки. Можно было бы еще три копейки выторговать, и в этом я точно не сомневался — но сильно боялся, что во второй половине дня дорога сильно подтает и домой придется ехать по грязи. Так что я взял у купца четвертной билет в качестве залога — предупредив, что если он через час максимум свои телеги не пригонит, то залог я не верну, а чугушки продам другим людям. Купчина пообещал, что «будет тут через полчаса», но все равно позвал городского и, сунув ему в руку полтину серебром, попросил присмотреть чтобы мы не открыли тут торговлю до его возвращения.

Ну, когда у телег появилась охрана, можно и не мерзнуть, так что я тут же поинтересовался у полицейского, где тут можно приятно отобедать.

— Если вы, Никита Алексеевич, только сами отобедать желаете, то лучше всего в трактире Шеметова на Пятницкой. Но, сами знаете, мужиков там не жалуют...

— А с чего ты взял, что меня зовут Никитой Алексеевичем?

— Ну, барин, других-то, кроме вас, кто мужиком бы прикидывался, небось во всей губернии нет! — улыбнулся в усы городской. — Но вы не беспокойтесь, мы с понятием, никому о том не скажем...

Да, я как-то упустил из виду, что с бритой рожой и без военного мундира тут только помещики шастают, да и то из самых зажиточных: купить личного брадобрея стоило в районе тысячи рубликов на серебро, а к городскому кауферу не набегашься...

Видя мои мучительные размышления, сопровождающие мужики, несколько неверно их интерпретировав, высказали свое «мнение по данному поводу»:

— Барин, ты иди, откушай, а мы поснедать с собой взяли, нам трактир без надобности. А купец подъедет, то мы тебя позовем, тут недалече.

И, когда я все-таки направил свои стопы в направлении Пятницкой, кто-то из них «напомнил»:

— Ты это, барин, Матрёне пряник купить не забудь, там лавка Белолипецкого как раз напротив!

Да уж... переубедить мужиков мне, похоже, не удастся. Эта мелкая зараза относилась ко мне вообще без всякого уважения, искренне считая, что никаким барином я на самом деле не являюсь. А ее Александр Григорьевич официально дочерью признал (она была его первым «послебрачным» ребенком и первой его дочерью). Её мать, когда начинала учить меня французскому, поначалу меня до одури боялась, но когда увидела, как Матрёна на меня орет, тоже страхи все отбросила и тиранила не хуже, чем в свое время «англичанка» в старой моей школе. По крайней мере и интонации, и даже выражения были практически теми же...

Но окружающие (за исключением, разве что, Алёны) были убеждены, что у меня с этой инфекцией отношения особые. Иначе зачем бы я её грамоте так старательно учил?

Ну, допустим, грамоте я и Алёну учил: люди грамотные всегда нужны — чтобы на них переложить изрядную часть своих забот, а делать в темную первую мою «попаданскую» зиму все равно было нечего. Настолько нечего, что теперь и Авдей с Акимом вполне себе читать и писать умели... Кстати, теперь у меня детишек завелось четыре с лишним сотни, так что хватит Матрёне меня тиранить, пусть детишек учит!

И Алёна тоже пусть учит. Она была на три года младше Матрены, но габаритом её чуть ли не перегоняла (хотя фигура у нее пока еще оставалась совсем девчачья), а насчет тяги к знаниям — так и вовсе на голову её превосходила. И очень полюбила читать книжки. Правда с последними было у меня практически никак, но в Туле я — не специально для неё, а вообще для всех детишек — купил пяток книг. Томик стихотворений Жуковского, отдельную

книжку его же «Светланы», букварь, книжку какого-то Батюшкова со стихами и прозой и два тома «Истории государства Российского» Карамзина. Меня при этом удивило, что и книжка стихов Жуковского, изданная еще в пятнадцатом году, и книжка Батюшкова семнадцатого года издания были абсолютно новыми, в них даже страницы были не разрезаны. А «Светлана» вообще была скорее всего «пиратским изданием», там не был указан ни издатель, ни год выпуска книжки...

Но книжки эти Алёна буквально до дыр зачитывала, так что ей я бы еще Карамзина купил, а не пряник. Тем более что торговец пообещал оставшиеся шесть томов мне привезти к лету.

На обратном пути домой мужики бурно обсуждали «выгодную сделку»: ведь почти на триста пятьдесят рубликов наторговали! И радовались — за меня радовались — что я так ловко цену почти удвоил. Ведь рубль за котелок я хотел получить исходя из цены на чугунную сковородку, которых в хозяйстве уже четыре завелось, но мужики уточнили, что рубль — это цена «тульской чугушки», а «хранцузская» — она уже три рубля стоит, причем «на серебро». Понято, что опять я в торговле сам себя обманул...

Но кое-что из этого обсуждения я для себя вынес, услышав, как мужики обсуждают дальнейшие «торговые перспективы»:

— Чугунок отлить — дело хлопотное, но все же доходное. А что в чушки ушло, так и их продать с выгодой просто. Там чушек сколько вышло, пудов двести?

— Почитай триста. Ежели в завод их продать, даже не по двадцать восемь копеек, а по двадцать пять...

— Двадцать восемь копеек — это за что? — не удержался я.

— Так за чушки. Пуд нынче по двадцать восемь копеек на торге идет, а по двадцати пяти враз все без торга купят!

Ага, я тут два года наизнанку выворачивался, а, оказывается, чугун в чушках в Туле по двадцать восемь копеек за пуд продается? За рубль можно чугуна купить для дюжины чугушков, которые по два рубля с руками оторвут? У меня в голове возникали разные слова, касающиеся альтернативной одаренности отдельных попаданцев. Но все они казались не полностью соответствующими открывшейся картине бытия...

Ладно, все равно чугун у меня уже есть, а чтобы его все же превратить в элитную посуду, придется вагранку строить. И побольше народу обучить формы для чугушков делать — а вот клеймо на дне этих чугушков с буквой N, украшенной завитушками, которое я тупо «срисовал» с хранящейся у меня «грамоты» от реконструкторов, нужно на каждой форме повторить. На самом деле это была все же русская «Н», но парень, который мне вензель рисовал, настолько творчески подошел к задаче, что спутать было несложно, а сейчас, когда все иностранное чуть ли не втрое дороже такого же, но отечественного, это будет крайне невинно. Но это — дела далекого будущего, а сейчас займусь-ка я реализацией давно уже придуманного плана обеспечения личной безопасности. Ведь почти все необходимое у меня давно уже есть...

Однако в первую очередь я все же занимался обустройством. Землебитное убожество, поставленное на старом фундаменте, я распорядился срыть, и мужики поручение успешно выполнили. Используя смесь земли и извести на возведение стен для собственных изб, конечно. Так что теперь никто не мог мне помешать дом на этом фундаменте поставить нормальный. Потому что даже печь для изготовления портландцемента уже была выстроена.

Как его получать, я мелкой зарплате расписал очень подробно — и, вернувшись домой, первым делом отправил её следить за этой печкой, а затем и за качеством полученного в ней «результата». По крайней мере отдохну от неё недельку-другую, ведь в такой «одноразовой» печке процесс занимал, если я правильно запомнил Витины рассказы, примерно с неделю и столько же уходило на добычу из нее готового клинкера.

Сам я занялся постройкой вагранки, а Акима я отправил строить еще одну печь, на этот раз горшковую. Мы с ним обсуждали проект этой печки уже больше года, правда изначально я думал в ней фритты варить — но раз чугуны и без эмали нарасхват идут, то сварю-ка я в ней что-то более полезное для моего истощенного организма. Дров я жег очень много, золу «корректно перерабатывал», а чтобы сделать неплохое (ну, или хотя бы относительно прозрачное) стекло, много не надо. То есть нужно-то дофига всего, и прежде всего знания, но знания у меня были. И даже «личный производственный опыт» был: мне еще лет десять было когда с Витькой для Светки стеклянные бусы делали к свадьбе по древнеегипетской еще технологии...

Ну а кроме знаний нужны горшки. Да не простые, а золотые. В смысле трудоемкости изготовления, как пояснил мне дед Михей. И не потому что очень дорогие, а потому, что для их изготовления ему придется отложить выделку других горшков, «простых». Которыми, как я понял, покрывались почти все «подушные», которые платил в казну Александр Григорьевич.

С этими налогами, оказывается, все тоже не просто было: на «душу», то есть крепостного мужского пола (независимо от возраста) нужно было в год отдать полтора рубля серебром. Но платежи принимались почему-то исключительно ассигнациями, по «официальному» курсу три с полтиной бумажками за один серебряный рубль (что при «рыночном» курсе четыре к одному было помещикам выгодно, поскольку оброк крестьяне ему несли именно «в бумаге», ведь медяки шли тоже по «бумажному» курсу). А Михей был представителем редкой профессии «горшечник», так что его продукция в Туле шла неплохо. Как я понял из объяснений самого Михея, разница между горшечником и гончаром была такая же, как между столяром и плотником.

Потому что сделать крынку — много ума не надо, а вот горшок, который в печь ставится и в котором еду варят — изделие совсем иного уровня мастерства. И если горшок на рынке легко уходил за тридцать копеек, то для покрытия расходов Свинына Михею нужно было за год продать где-то двести пятьдесят таких горшков. А когда есть руки и тайные знания, то за день можно один горшок изготовить — а вот на то, что я у него заказал, может и десять дней уйти, и месяц: я же попросил не горшок «в четверть» слепить, который в печке со шами не треснет, а емкость в четь, которая не лопнет даже накаляясь до красного свечения. Четыре таких емкости...

— Ты пойми, Никита, — говорил мне Михей, сидя на крыльце своего дома, — я бы твой заказ с интересом исполнил, но вот Александр Григорьевич подушные ежели не заплатит, то полдеревни уйдет в казну.

— Заплатит, я ему денег не то что на всё Свиныно дам, я на всех, кто нынче за ним числится, вдвойне оплачу. А ежели ты мне горшки эти сделаешь, то из сдачи и тебе дом выстрою не хуже, чем у моих мужиков.

Сам Михеич, как представитель редкой профессии, жил даже не в деревне, а слегка на отшибе — поближе к каким-то «глиняным ямам» и трем своим гончарным печам. И даже не потому, что ему так хотелось, а потому, что его сами мужики выселили, опасаясь

возможного пожара, ведь когда он свои печи топил (они были «подземными», только трубы наружу торчали), искры из труб метров на пятнадцать вверх летели. Не все время, а только пока печь раздувалась — но много ли нужно соломенным-то крышам?

— Так дом-то у меня есть, любому в деревне на зависть. Крыша тесовая, окна стеклянные. Мне и такого хватит, а Марфа точно дом менять не пожелает.

— Так небольшой дом-то.

— А куда нам больше-то?

— Михей, я детей твоих выкуплю и сюда привезу. И внуков. Обещаю. Может не сразу, но обязательно выкуплю.

У Михея, может быть потому, что жил он получше всех прочих мужиков в Свиньино, выросло (то есть в детстве не померло) три сына и три дочери — но отставной поручик их всех продал. Правда, относительно недалеко, Михею даже иногда удавалось их навещать. Не всех, но двоих дочерей и одного сына он даже смог повидать за последние три года. А приветы ему от детей вообще каждый год передавали, так что он уже знал, что и внуков у него... довольно много. Но вот сколько точно...

— Ну ежели так... Никита, для твоих горшков мне обратно новую печь ставить придется. Акима не предлагай, он нужную печь сделать не сможет, он же печник, а не горшечник. А вот четырех мужиков с лопатами твоими железными ты мне пришли, я так думаю, что глубиной печь сия будет сажени в три. Сам-то я уже вовсе старик, мне такую и не выкопать...

Вообще-то «старику» было — я это у Александра Григорьевича специально выяснил — сорок семь лет. А жене его — сорок пять, и она была самой старой бабой в деревне. Но Татьяна Ивановна Пельцер в шестьдесят восемь, снимаясь в «Женитьбе Фигаро», выглядела куда как моложе. Впрочем, когда Михей рассказал ей, почему он бросил лепить горшки, она вся расцвела и даже вроде как помолодела. И насчет постройки нового дома возражать не стала...

Какая сука сказала, что стекло к олову не прилипает! То есть к олову-то оно действительно не прилипает, а про окись олова просто никто не говорил — и про то, что олово окисляется быстро, не говорил, и что эта окись сверху расплавленного олова часто комками плавает — тоже. Так что стекла для будущих окон у меня получились прозрачными все же местами. Впрочем, и это не ахти какая проблема, если есть много мужиков, которым делать особо нечего и есть окись железа. У меня зародилось подозрение, что хотя бы к следующему лету у меня получится окна в новом доме все же застеклить — если кого-то к этим мужикам приставить, которые стекла полируют, чтобы они все же полировали, а не ваньку валяли.

Впрочем, чтобы мужики работали, надо к каждому по такому надзирателю приставить — а еще к надзирателям своих надзирателей добавить чтобы первые с мужиками не сговорились вместе дурака валять. Каким образом всё хоть как-то работало у Петра Петровича, я вообще не понимал — зато понял, почему «новые хозяева» возжелали имение продать. Двести с лишним душ, двести семей с мужиками и бабами давали доходу (после выплат всех положенных налогов в казну) чуть больше пятисот рублей в год. И это при том, что почти всех мужиков Игнатьев еще и зимой на заработки отправлял. Большей частью — «сдавал в аренду» на тульские металлургические заводы, причем брал по пятерке с рыла, однако изрядную часть таких «дополнительных доходов» ему приходилось тратить на

прокорм крестьян, которые сами себя прокормить оказывались не в состоянии.

Почему — тоже понятно было: земли после многих лет нещадной эксплуатации плодородие утратили, урожаи собирались настолько убогие, что их и урожаями-то назвать было стыдно. Но теперь, надеюсь, что-то исправится: я все же половину своих плугов отправил Игнатьеву, там поля уже всерьез вспахали. Опять же картошки много посадили, тыква. И помидор. Конечно, помидоры на хреновой почве урожая не дадут, но их в трех управляемых Игнатьевым деревушках посадили все же на хорошо удобренные грядки. Относительно хорошо удобренные, ведь удобрения было не очень много да и очень они были «своеобразными». Остатками от селитряниц, то есть почти без азота.

А вот селитряницы Игнатьев большие закладывал в каждой деревне, и с продажи селитры в казну тоже некоторую денежку, нужную для прокорма пейзан, получал. Раньше получал, а теперь будет получать с продажи подсолнечного масла — ну, некоторое время будет. Потому что восемь пудов селитры, которую он приготовил для продажи в казну, я у него забрал. Не на удобрения, и не для изготовления пороха — насколько я помню, из этой, кальциевой что ли, селитры порох получается вообще никакой. Просто мне пришлось заняться химией.

В школе я химию любил, потому что химия позволяет простому человеку приобщиться к изготовлению чего-нибудь вонючего или взрывающегося. Что-нибудь очень вонючее хорошо нечаянно врагу на книжку случайно пролить (на бумаге воняет дольше), а взрывающееся — положить под ножку стула той же училке химии например. Только при этом нужно очень тщательно соблюдать технологию, технику безопасности и все же науку эту досконально изучить — чтобы после того же взрывчика не осталось никаких следов. Если пропитать бумажку азидом серебра например, то после взрыва бумажки уже не будет, но будет белое облачко серебряной пыли — а это «след». А вот если этого азиды самую капельку накапать на хорошо нитрированную промокашку, то следов вообще не остается! К чести училки, она от таких взрывов не подпрыгивала до потолка, а если и ругалась, то исключительно если «следы» находила. И обучала нас, дураков, как «все сделать правильно» — ну, скорее всего, чтобы мы по дурацки себя не взорвали или не отравили. Не знаю, насколько правильной была ее методика обучения, но из класса, если я не ошибаюсь, в химические институты почти половина выпускников поступила. Кроме меня, конечно: я-то по химии только про взрывающееся всерьез «проходил»...

Но для получения всего взрывающегося (я так думаю) обязательно нужна азотная кислота. Которую вполне можно сделать из любой селитры — ну, это если есть кислота серная. А в Туле оказалось несложно купить сколько угодно (в разумных пределах) «купоросного масла». Для меня «разумным пределом» оказалась порция в два пуда — просто больше ее в городе в тот день не нашлось. Правда когда я расплачивался за покупку желтенькими блестящими пятерками, мне тут же пообещали, что нужные мне пятьдесят пудов доставят уже «до Рождества уж точно», причем сразу к дому подвезут.

Ну доставят — так доставят, а мне пока «для опытов» и двух пудов хватит. Половину потрачу на изготовление кислоты азотной, а другую половину — тоже знаю на что потратить. На опыты, ведь с окончания школьной химии столько времени уже прошло, навыки восстанавливать надо!

На досуге навыки буду восстанавливать, если этот досуг хоть когда-нибудь образуется. Потому что первым делом я все же озабочился постройкой вагранки, затем отлил из чугуна разные экзотические детальки, доработал их, согласно русской традиции, напильником — и

получил достаточно мощный масляный пресс. Достаточно мощный для того, чтобы переработать новый урожай подсолнуха. Как я и предполагал, цена на подсолнечное масло уже упала до двадцати копеек серебром за килограмм, но народ уже осознал, что это масло не прогоркает гораздо дольше, чем даже оливковое, но в разы оливкового дешевле. И по вкусу ничуть не хуже — так что продать весь урожай масла у меня затруднений почти не вызвало. То есть одно затруднение вызвало, но с самим маслом или с торговлей не связанное: рафинирование я все же производил в одном-единственном (и очень «тайном») месте, а чтобы из единственного места вывезти пятьсот тонн продукта, потребовалась качественная дорога.

Не сказать, что мужики были счастливы, когда я приказал эту дорогу выстроить, но, вероятно, моя репутация в мужицкой среде уже устоялось и дорогу (относительно ровную) до «Тульского тракта» они выстроили. И поехало по ней масло в бочках...

На рынке появилось подсолнечное масло и от других «производителей» (наворовали у меня семечек на посев, ведь у меня корзинки были в диаметре раза в три больше нынешних, а такое не только не заметить очень трудно, но и не украсть практически невозможно), причем его продавали уже по тридцать копеек на ассигнации за литр, то есть втрое дешевле даже конопляного — но на мой бизнес «конкуренты» вообще никак не повлияли. Потому что они продавали масло мутное и вонючее, которое и зимой через месяц могло прогоркнуть. И фактически они мой бизнес помогли еще больше продвинуть: я скупал у этих «конкурентов» все масло, до которого мог дотянуться не привлекая внимания, а затраты на его рафинирование были куда как меньше, чем приносимая этим делом прибыль...

Зато с денежкой стало получше, настолько получше, что я зашел к Свиньину:

— Александр Григорьевич, я тут подумал, что вам несколько неудобно в старом мундире ходить — вид у вас не очень статусу соответствует. Надо бы новый построить.

— Никита Алексеевич, ты, как совсем уж дремучий мужик, думаешь, что у меня денег куры не клюют? Мундир построить — это... Да мне просто в Тулу к портным ездить уже тяжело, вот!

— Поэтому я и портного захватил, самого Погожева привез с подмастерьями.

— Так мундир-то рублей в двести станет!

— Триста, я уже обо всем договорился. Потому как если я у тебя мужик, то мне обидно что барин в обносках ходит, а если дворянин, то мне стыдно, что герой войны и отец трех героев, за державу жизнь отдавших, мундир справный себе позволить не может. Будем считать, что я или оброк мундиром тебе уплачиваю, или отдаю дань уважения герою войны. Кстати, а дом обновить не желаешь? В Павловке мужики господский дом достроили, сейчас им особо делать нечего — так что и тебе не хуже поставят, а даже и получше, так как умения набрались. Я так думаю, тебе приятно будет если все соседи позавидуют хоть в этом.

— А тебе с того какая корысть?

— Если кто при деньгах позавидует, то я же на постройке для них еще больше заработаю.

— Разве что так... а знаешь, строй!

Еще одно лирическое отступление

В котором Герой повествует о некоторых странностях века текущего и спешно раздумывает о том, как бы нахлобучить побольше лохов, используя упомянутые странности к своей финансовой выгоде.

С приглашением лучшего портного Тулы с подмастерьями в глухомань проблем вообще не было: сейчас ремесло это было строго сезонным, одежду тут шили с марта по начало лета и с конца сентября по декабрь, то есть «к Пасхе» и «к Рождеству». А подручных в любой деревне нанять было несложно, тут с иголкой и мужики, и бабы были «на ты». А еще почти в каждой деревне были свои «портные», причем как правило именно мужики, обшивавшие и свою деревню, и окрестные города. Например в Одоеве портных — именно городских — не было, но горожане голыми не ходили, ибо такие «деревенские портные» и сюртук были вполне способны пошить приличный. Опять же, мода тоже никуда не спешила — а вот я старался поспешать.

Старушка Сорокина (конечно старушка, ей уже почти пятьдесят было) после недолгих переговоров продала мне свое поместье, все три деревеньки продала. На очень удививших её условиях, но с радостью — когда она в эти условия вникла. По договору продажи за ней оставалось пожизненное право проживания в господском доме (причем не старом, а новом, по «моему проекту» специально для нее выстроенному к следующей осени — или в специально для нее же выстроенном доме в Одоеве), пожизненная рента в размере среднегодового чистого дохода с поместья за последние десять лет — и никаких забот по хозяйству (ну, если сама не пожелает что-то сделать). Для развлечений ей оставался «садик» на десять десятин и — «за счет корпорации» — конный выезд. Дежурный конный выезд, летом подрессоренная бричка, а зимой — сани. Ну и две тысячи восемьсот рубликов серебром собственно платы за поместье ей лишними не показались.

У меня эти деньги тоже особо лишними не были, но, насколько я помнил из своего «околореконструкторского детства», неплохой такой пласт руды тянулся от Павловки и далеко за сорокинские деревеньки (точнее — от Дубны за Суворов, но пока таких населенных пунктов здесь еще не завелось), причем на сорокинских землях он был, пожалуй, самым толстым. Это по меркам века двадцать первого руды там было кот наплакал, а по меркам девятнадцатого — очень даже неплохо там с рудой было, местами пласт превышал в толщину три аршина. Насчет аршинов это мне мужики доложили после разговоров с сорокинским кузнецом. А я, всё тщательно обдумав, решил все же и своим железом не пренебрегать: на рынке-то оно вроде и недорогое, но нужно и об импортозамещении подумать, а то введут купцы или тульские металлисты мне локальное эмбарго — и куды мне бечь?

Но пока эмбарги нет, то не воспользоваться рынком было бы не очень умно, а с приличной вагранкой на тонну расплавленного и перегретого чугуна и центнера уголька хватит, так что пошли из Павловки широким потоком чугуны, утятницы и сковородки чугунные, прочий ширпотреб. Причем по сугубо демпинговым ценам пошли, таким, что тульские чугунолитейщики даже и не мыслили мне конкуренцию составлять, ибо невыгодно.

Потому что чтобы стало выгодно, нужны соответствующие ноу-хау. Не ахти уж какие

хау — но вот догадаться, что для формовочной смеси нужно грести песочек из-под болот... Я одно, причем крошечное, болото мужикам велел на торф переработать, и на дне обнаружился искомый песок. Мелкий (что было всего лишь приятно) и совершенно белый. За долгие года, десятилетия и даже столетия кислая вода потихоньку из песочка всю окись железа порастворяла и остался чистый кварц. Для прозрачного стекла, кстати, тоже очень подходящий — но если песочек смешать в правильных пропорциях с углем и смолой, получаемой при выжигании угля, то чугунок можно легко отлить со стенками миллиметра в два всего. Мне даже столько и не надо — для чугунок то есть не надо, но ведь красиво получается! И выгодно — по отношению к затратам на сам чугун.

Тут-то я и сообразил, почему в Туле металлисты так резво «поднимались»: сырье недорогое (если бесплатно мужики его копают за еду), а товар получается сильно денежный. Особенно денежный если его казна массово скупает, особо денег не считая — так что потенциальный мой конкурент на ширпотреб и не смотрел даже, типа пусть хранцусы какие-нибудь сковородками барыжат. Ну а мне с казной общаться вообще не в масть, я лучше с французами поконкурирую, с большим успехом естественно.

И с соседями пообщаюсь вдумчиво.

Соседи у меня были почти все как на подбор. С учетом относительной близости Первой столицы с ее соблазнами, в деревнях — в смысле по поместьям — в основном старики жили, вся молодежь валила в места «более культурные». И более денежные главное: средний доход с поместья редко превышал пару сотен рубликов в год — а в Первопрестольной человек, грамоте обученный, уже мог рассчитывать на сумму вдвое большую. И даже в Туле человек ученый, причем работая по полдня, мог эту же пару сотен поднять не бегая целыми днями по полям за мужиками, да и в плане развлечений...

Хотя как раз в плане развлечений Тула вообще не котировалась, там даже захудалой газетки местной не было, а из Москвы газеты приходили недели через две (а уж из Петербурга и месячной давности газетка шла за свежачок). Так что народ развлекался как мог — а мог он довольно однообразно. В каждом (на самом деле в каждом) поместье имелась своя музыкальная группа, исполняющая чуть ли не ежевечернее нынешние шлягеры, в довольно многих поместьях и свои театральные труппы были. Небольшие, человек от пяти-шести до десяти, однако с их репертуаром я бы уже через неделю из поместья убежал — так что оставались там или уж совсем старики, или те, кто ни к какому реальному делу был вообще непригоден. И практически все в поместьях пили, то есть Свиный исключением отнюдь не был. Собственно, поэтому — в значительной степени в том числе и поэтому — и доходность поместий не радовала.

И поэтому же условия моей сделки со старушкой Сорокиной заинтересовали многих местных помещиков. Очень заинтересовали, так что мне вскоре предлагали поместья на подобных условиях купить уже по ценам от пятидесяти до сорока рублей за душу (у Сорокиной я по семьдесят ее мужиков купил). Но мне много не надо, так что до конца года я взял всего лишь с дюжину поместий, и «мои» владения протянулись от речки со смешным названием Лошучка на севере и до речки Мизгея на юге. Сорок пять верст от края до края, правда в ширину гораздо меньше, пять верст в самом широком месте. Появилась у меня мысль и в ширину «свою» полоску растянуть, но это как-нибудь потом, все же я и за уже купленное еще минимум год расплачиваться буду: оказывается сотня тысяч рублей — это совсем немного, но репутацию я себе уже создал и помещики по большей части согласились деньги получить не все сразу, а с рассрочкой на год или даже два...

В которой, как и положено, посторонние люди обсуждают какие-то события, прямого отношения к которым они не имеют, и принимают решения, никакого влияния на действия Героя не оказывающие.

В кабинете уже больше получаса царило молчание. Наконец Николай отложил папку, встал, подошел к окну и молча некоторое время разглядывал что-то снаружи. Затем повернулся, подошел обратно к столу и наконец нарушил молчание:

— Я так понимаю, что этого подполковника пока не нашли? Впрочем, это неважно. Почему он приказал вызвать именно тебя?

— Теряюсь в догадках. Возможно он знал о наших дружеских отношениях...

— Может быть, но и это не очень важно. Однако я совершенно не понимаю, как он это сделал. Он же был один?

— Да, это подтвердили и слуги, и поручик Ростовцев, и другие. По словам дворецкого, ему на всё потребовалось меньше минуты.

— Что-то необычное нашли?

— В комнате — нет. Разве что вот эту непонятную безделушку, — Александр Христофорович положил на стол маленький медный цилиндрок. — Тут на дне надпись, которую римляне на могилах писали, но какой в этом смысл... Да и числа... Может быть, это что-то из масонской символики, может знак какой оставшимся...

— Вряд ли что знак, ведь его, если тут верно написано — Николай указал рукой на папку с материалами расследования — едва нашли, да и то на второй день случайно совсем, когда пол мыть стали. А вот как...

— Я попросил доктора Буяльского из медицинской академии и профессора Мухина — он на похороны сюда приехал — сделать вскрытие нескольких тел. По их уверению внутри тел случились взрывы небольших бомб, но ожогов, как было бы в случае бомб пороховых, нет. Однако имеются разлетевшиеся осколки, из чего можно заключить что бомбы сии были сделаны из меди. И по выводам доктора Буяльского получается, что бомбы были весьма небольшими: входные отверстия в телах не более четырех линий...

— Поэтому его и необходимо найти, любой ценой найти. Думаю, нужно особо предупредить всех, в поисках участвующих: этот моряк не должен хоть сколь-либо пострадать. Ведь если подобную бомбу сделать хотя бы в два-три дюйма...

— Почему моряк?

— Ах да, ты же с английским не в ладах. У этого французского канадца фамилия же английская, Фендер, то есть «кранец», судовая принадлежность такая, спасающая судно от удара о причал — Николай, как бы уточняя, опустил взгляд на лежащую на столе бумагу. — Не ищи его, Александр Христофорович, случись что — он сам придет, — внезапно охрипшим голосом вдруг произнес он, отменяя свое принятое минуту назад решение.

— Почему ты так уверен?

— Он подписал письмо как де Фендер, и слитно, практически в одно слово. На языке британцев defender — Защитник. И он сам знает, когда, кого и от чего защищать...

Поворот

Это такое место в произведении, где ситуация вокруг героя поворачивается, после чего Герою приходится все делать через за... иначе.

Пятнадцать поместий — это больше тысячи взрослых крестьянских душ. А каждая среднестатистическая крестьянская «душа» — это мужик, соответствующая мужику баба и примерно трое детей. На самом деле детей было больше, просто далеко не все из них доживут до получения статуса «взрослой души», но это дело вообще-то непредсказуемое. Однако из двух с небольшим тысяч детей около тысячи вполне себе достигли обучаемого возраста, а мне обученные специалисты очень нужны. Ну да, не сразу они станут хоть какими-то специалистами, да и не все — но вкладываться в их обучение для меня казалось делом вполне себе перспективным, так что половина выпуска Тульской мужской гимназии двадцать первого года временно переселилась в купленные мною деревеньки. И больше половины выпуска двадцать второго года тоже.

Условия для них были в целом неплохие: контракт на два года, предоставляется «барское» жильё, питание разнообразное и сбалансированное по витаминам и минералам, бричка с коником (и извозчиком) на весь срок контракта, а по окончании — единовременная выплата в сумме двести сорок рублей. Это не считая ежемесячного оклада жалования в пятнадцать рубликов. Серебром.

Жильё для учителей ударными темпами строили четыре созданных мною артели, причем жильё «повышенной комфортности». По нынешним временам — ну очень «повышенной»: землебитная (но оштукатуренная) изба восемь на восемь метров, тёплый сортир с унитазом (чугунным: какой смог, такой и сделал), горячая вода из дровяной колонки. И холодная из крана: вообще-то насос с ветряком в стиле «американского дикого запада» с водонапорной башней ставился в деревнях чтобы у крестьян всяких дизентерий с холерами поменьше было, но пока самодельных труб едва хватало протянуть одну от башни до домика учителя.

Пока хватало: трубы у меня были уже стальные, и я их, можно сказать, сам делал. А можно и не говорить: трубы мне ковали семеро деревенских кузнецов, которых я собрал со всех деревень в Павловке. Именно ковали: сначала делали из слитка стали лист, затем его превращали в трубу и помощью кузнечной сварки. Трубы получались короткими, метра два длиной — а ни инструмента для нарезки на них резьбы не было, ни муфт соединительных, так что сделать из них водопровод было тем еще квестом. Но мужики как-то справлялись — а краны они в Туле самоварные покупали.

Зато полностью моей была сама сталь. Я же ещё давно отлил чугунные цилиндры, потом под них картер (тоже чугунный) изготовил — и сделал насос, который с помощью четырех лошадей качал воздух в конвертер. Тот ещё цирк с конями получился, причем в буквальном смысле: кони по кругу бегали — но в сутки примерно с тонну стали у меня получалось сделать. По качеству скорее гвоздевой, хотя пару раз — чисто на пробу — я и инструментальную сделал, что-то вроде У12.

Кстати, выяснил попутно, что «работа домны с перерывами» не стала моим ноу-хау. В деревушке неподалеку от моего самого северного поместья стоял чугунолитейный завод, причем уже с полвека так стоял — и каждый год работал. Я про него ещё и от Витькиных

единопсихов слышал, что вот, мол, в деревеньке демидовский завод стоял. О Демидовых в деревеньке никто не слышал, заводик Ханинский принадлежал семейству Засыпкиных — и в год они из своей домны извлекали до десяти тысяч пудов чугуна. Даже до двенадцати тысяч, вот только домна у них была раза в три больше моей и выдавала больше трех тонн в сутки — в те сутки, когда работала. И чуть меньше двухсот тонн чугуна в год, потому что на моей памяти самая длительная «кампания» у них продолжалась две с половиной недели. Потом они тоже ждали пока домна остынет, потом ее чинили — и все по новой. Но не потому, что портилась домна быстро, а потому что уголь кончался...

Засыпкины, уже на меня глядя, тоже попробовали чугунами заняться, причем у них и опыт в чугунном литье был немалый, они одних печных колосников многие тысячи в Москву отправляли, а на заказ и чугунные ворота отлить могли. Но с чугунами у них вышел провал, после чего я окончательно успокоился по поводу конкурентов в этом бизнесе: нынешние печи просто не перегревали чугун достаточно, чтобы он успевал залиться в тонкие щёлки больших форм. И в вагранках с накопителями металла сбоку от шахты печи он успевал остыть, так что...

Пара «молодой мужик — спокойная баба» успевала за день изготовить до десятка чугунковых форм. Или — для совсем мелких, литра на полтора чугунок — два десятка, несмотря на то, что мелкие требовали большей точности (стенки у них тоньше были). В переводе на деньги такая пара формовщиков (мужик колотит формовочный песок в форме, баба аккуратно части форм собирает вместе) подготавливала мне добычу примерно двенадцати рублей. Ну и крепкий мужик возле вагранки успевал отлить в эти формы за день до сотни изделий. У соседа был завод чугунолитейный, и давал ему этот завод чуть больше четырех тысяч рублей дохода в год — это на почти две сотни работающих там преимущественно однополых тружеников, сиречь «душ». У меня же полсотни строго разнополых (у литейщиков бабы тоже трудились, на прокорме, опять же стирать одежду часто требовалось) выдавали двести пятьдесят рублей в день. А так как я героям труда за героический труд еще и по полтине в день выдавал в звонкой (и совершенно не медной) монете, то за лето, например, двадцать третьего года литейка у меня не работала всего три воскресенья. А в году двадцать четвертом я ее вообще перевел на непрерывный режим работы: «круглосуточно и без выходных». Чему работники в самой литейке только радовались: рабочий день был установлен по девять часов в «дневные» смены и семь в «ночную» — включая получасовой перерыв на обед, еженедельный (и строго обязательный) выходной был установлен плавающим...

Я тоже радовался, потому что теперь литейка выдавала по примерно семьсот рубликов в день. Очень примерно, ведь теперь приходилось кучу мужиков (и лошадей) держать чтобы все эти килотонны очень хеви металла перевезти к местам оного потребления. А до Москвы телега с хорошей лошадейю полторааста больших чугунов везет, между прочим, неделю. И столько же времени назад пустая едет! А у меня только в Первопрестольную ежедневно нужно шесть телег отправлять!!!

Но это — уже не совсем мои заботы. Петр Петрович из своих знакомых сослуживцев собрал неплохую команду управляющих в «новые поместья», и они транспортную проблему решили. Потому что отставные офицеры работать могли очень хорошо — ну, если им платить за это соответственно. А Игнатьев смог очень профессиональную команду собрать — потому что внезапно выяснил, что и деньги я за работу плачу «профессиональные». Я все же, не смотря ни на что, до конца так и не освоился с нынешней странной денежной

системой, и когда Петр Петрович узнал, что я договорился с ним об окладе в две с половиной сотни серебром... Он-то от прежних владельцев оклад жалования в ассигнациях получал, и считал свою зарплату довольно высокой — а тут я, человек «в ассигнации не верящий» — понятно, что даже за полторы сотни в год «с жильем, столом и выездом» конкурс среди претендентов на завидную должность был более чем приличный. Среди очень приличных людей, между прочим. А чтобы они приличными и оставались, зарплаты я увеличил до тридцатника в месяц (а Игнатьеву за подбор качественных кадров установил месячный оклад в сто рублей).

Когда денег хватает — то есть когда одна лошадка за две недели привозит их достаточно, чтобы пять «французов» купить (то есть не совсем чистокровных, но все же першеронов) — такая задача оказывается вполне решабельной. К тому же из Москвы телеги всяко не пустые ехали, на них дрова везли. Березовые, которые у меня немедленно пережигались на уголь. Много в Подмоскovie берез... было, но теперь я и свою домну мог каждый месяц по неделе, а то и по две гонять. То есть опять не я лично, я занимался совсем другим делом «для моей пользы»: прикинув, что скоро дрель на батареях окончательно издохнет за исчерпанием ресурса батареек, я занялся изготовлением генератора.

Поначалу я решил, что для изоляции медного провода мне льняной олифы хватит, и для первого генератора ее и хватило — ну, чтобы обмотку из тонких хлопковых ниток ею обмазать качественно. Я же все же в институте много полезного изучал в части железнодорожостроения и как устроен генератор на тепловозе, помнил. И как генератором управлять, тоже помнил, так что получился у меня... в общем, если на мелкие детали внимания не обращать, камазовский стартер мощностью киловатт в семь. Вот только чем его крутить, я не придумал — то есть сразу не придумал. У соседа-чугунодела была неплохая плотина с водяным колесом, которое крутило воздуходувки на его чугунном заводике, а у меня как-то с речками было неважно. То есть речек много было — но текли они все, заразы такие, по такому ровному месту, там плотину толком и не поставишь. Так что генератор пока лежал себе у меня в комнате (на красивой подставке, украшенной бархатом!) и напоминал мне о том, что было бы неплохо...

Список «неплохого» я сначала на бумажке записать хотел, а потом сообразил, что нынешних тетрадок, что в тульских магазинах продавали иногда, мне для такого списка очень много потребуется, одному столько просто не поднять. Так что его я не записал, а осенью двадцать четвертого года совершил все же вояж на далекую Псковщину. С некоторым успехом: купил почти сотню мужиков, столько же баб (поскольку мужиков я все же покупал семейных) и человек двести детишек. Как эту толпу из-под Великих Лук к моим поместьям перегоняли — про это можно отдельный роман написать, причем роман ужасов. Но опять же, «прапорщики военного времени» числом в пять человек и с этой задачей справились, причем почти уложились в месяц на всё путешествие. Впрочем, про «ужасы» они мне уже потом рассказали, я все же предпочел время потратить с большей пользой. В Ригу даже успел скататься, с народом тамошним (и не тамошним) пообщаться. Узнал много нового и интересного.

Настолько интересного, что уже в августе года двадцать пятого я отправился «за мужиками» еще дальше в глубь Псковщины. С довольно большой «свитой» — а второго сентября с борта корабля под названием «Святая Ана» (именно так корабль назывался, с одной буквой «н») на берег в столице нашей Родины сошел иностранный дворянин, приехавший из далекой Канады. С супругой.

На Ану с одной «н» иностранец сел как раз в Риге, а туда его доставила лодка рыбака, успевшего спасти семейную пару, дрейфовавшую в шлюпке без весел в районе Виндавы: их-то кораблик потонул где-то, и они, бедолаги, уже неделю так и дрейфовали...

С супругой иностранцу пришлось путешествовать потому, что в купленном мною прошлом году канадском паспорте было написано «с супругой» так, что подчистить документ не получалось. Точнее, я просто не рискнул — так что роль «супруги иностранца» пришлось исполнять Алёне. Ей, потому что Матрена «нашла свое счастье» с каким-то Мишей Гастевым — одним из нанятых в Туле учителей. Оказывается, Свиньин ей не просто вольную выписал, но и оформил девку как «мещанку города Одоева», к тому же и приданое неплохое за ней дал, а Миша этот был сиротинушкой, звания отнюдь не дворянского — и счел, что мелкая зараза ему вполне подходит. Ну, парень, прими мои самые искренние сочувствия...

А Алёна девушкой была вежливой, спокойной, по французски говорила хотя и с акцентом, но скорее не «рязанским», а каким-то североевропейским, да и в английском я её поднатаскал. Пришлось, потому что самому записывать на бумажке всё, что в телефоне полезного сохранилось, у меня ни времени, ни сил не было — а там на форин ленгвидже дофига интересного нашлось. Так что супруга иностранца из нее вышла неплохая. Да и ростом она Матрёну заметно переросла к семнадцати-то годам, а для меня и это было достаточно важно: у солидного иностранца жены-шмакодявки быть по определению не может!

А иностранец был человеком безусловно солидным, в достаточно молодом возрасте дослужился до подполковника: в паспорте было написано «lt. Sir такой-то», но на сэра я ни рылом, ни проносом не тянул и исправил sir на col. Вот и получился лейтенант-колонель, сиречь подполковник, но уж лучше так: сэров наверняка всех в какие-то официальные списки занесли и рисковать мне не хотелось.

«Иностранец» в Риге вероятно встретил каких-то знакомых, денежкой разжился неслабо так — и в Питер въехал, демонстрируя неоспоримое превосходство всего импортного (в Риге же и купленного, причем непонятно когда) над всем отечественным. Снял квартиру неподалеку от Казанского собора. Небольшую — всего в семь комнат, но уютную. Купленные в Риге шмотки, плотно упакованные в полдюжины немаленьких кофров, с причала на двух извозчиках везли. И еще на простой телеге узлы разные кучей, так что пришлось соседей по дому беспокоить, слуг просить, чтобы они все добро в квартиру затащили.

Волновавшиеся поначалу соседи вскоре успокоились: семейка не буянила, вечеринок не закатывала. Супруга иностранца с утра отправлялась за покупками, а затем — уже после обеда — шла гулять по магазинам, каждый раз возвращаясь с прогулки в сопровождении нескольких мальчишек, несущих купленные ею товары. Сам же иностранец днями просиживал в разных ресторанах — или ходил к кому-то в гости. Причем поначалу именно просиживал, а где-то со второй декады октября больше по гостям шастал.

Пришлось мне по ресторанам действительно посидеть, но оно того стоила. В таком (к слову сказать, довольно гнусном) заведении я встретил некоего Петра Григорьевича — обнищавшего дворянина, ничего вообще делать не умеющего (его и из армии выгнали за мошенничество, причем неумелое), но амбициями буквально переполненного и остро желающего «перевернуть мир». Ну, я пару раз его покормил и напоил, так что где-то через неделю после знакомства я вошел в круг его «друзей». Забавный такой круг, наполовину

состоящий из людей в целом как бы приличных, а наполовину — из подобной Петру Григорьевичу озлобленной дворянской гопоты. То есть из «либерально настроенной интеллигенции».

Главное, что нужно делать в общении с либералами всех времен — это просто им не перечить. А иногда — если очень хочется, чтобы они тебя за своего считали — просто говорить «да, это верно» и «да, несомненно», как нас учили Петров и Васечкин. А если им еще и обеды оплачивать... Хотя вру, на обеды велись далеко не все. Хотя даже вполне обеспеченные князья, когда я в каком-нибудь ресторане кошель доставал, жест мой повторить не спешили. Ну и ладно, мне для «лучших людей державы» все же относительно скромных денежек не жалко. Мне для них вообще ничего не жалко...

Вот чем плоха современная металлургия? По мне — так отсутствием цинка. Самовары приходилось из чистой меди делать, а ведь из латуни они бы и покрасивее были, и потехнологичнее. И не только самовары.

Первой из «старинных тевтонских книг» было сочинение широко известного в узких кругах австрийца Крисофа Пихлера. Мужик в подробностях описал (поскольку предварительно сам все процессы ручками выполнил) как с использованием технологий восемнадцатого века и из соответствующих эпохе материалов изготовить Глок-17 с магазином на тридцать три патрона. Но ему в Австрии хорошо было, там латунь еще с времен Римской империи водилась — а мне пришлось гильзы бронзовые делать, и я на каждую по полдня тратил. Ну, поменьше, сотню гильз я где-то за месяц изготовить успел, да и пули к ним за это же время сделал. То есть пули мне все же один тульский мужичонка делать помогал, самоварных дел мастер — потому что пули тоже медными были. А на все вместе, если и время изготовления пороха считать, у меня почти год ушел. Все же спасибо школьной химичке, притащившей на урок брошюру Менделеева нашего Дмитрий Иваныча с подробным описанием процесса выделки пирокolloдия...

Еще мне — уже другой тульский мастер — изготовил крошечный штампик. Так что на дне каждой моей гильзы красовалась по кругу забавная надпись: RIP 9 x 19. Причем RIP было не латинским пожелание покойнику *requiescat in pace*, то есть «покойся с миром», а вовсе даже аббревиатурой от термина *radically invasive projectile* — радикально проникающий снаряд. Впрочем, и римская расшифровка термина будет подходящей: шансов выжить у словившего такую пулю было крайне мало.

В принципе, я даже сделал один магазин на тридцать три патрона, но с ним стрелять мне не очень понравилось, так что с собой я просто взял два пистолета с обычными магазинами на семнадцать патронов каждый. Еще четыре запасных магазина — и на этом мой запас патронов закончился. Однако я надеялся, что мне и этого хватит — и, как выяснилось, не ошибся. То есть ошибся, но в другую сторону.

Мы ждали-ждали, и, наконец, дождались. Тринадцатого декабря Петр Григорьевич позвал меня на очередное сборище, на котором, как оказалось, собравшиеся обсуждали как правильно свергнуть царя. И как правильно солдат в тех полках, где служило примерно половина из собравшихся, оболванить. Точнее, обсуждалось предложение отсутствующего в столице Павла Ивановича сообщить солдатам, что стоять нужно за жену «незаконно свергнутого» Константина по имени Конституция. И, что меня удивило, большинство офицеров эту идею бурно поддержали.

Однако обстановка на собрании была довольно нервной: по неизвестным причинам не пришел приглашенный на собрание сэр Чарльз Багот, хотя он «обещался точно быть». Я-то

знал, что британскому послу на собрание придти будет очень непросто — да и вообще куда-либо придти у него вряд ли выйдет. Нет, я не зверь какой, но так нагло пытаться отыграться за то, что просрал переговоры по разделу Америки... Алёна Александровна — после подробного обсуждения с Натальей определенных свойств дикой природы Среднерусской возвышенности — была абсолютно уверена, что упомянутый сэр как минимум неделю с толчка слезть не сможет, я же надеялся, что он в толчок вообще целиком смоеется — но тут уж как повезет. Или не повезет...

В общем, даже искать его было бесполезно, поэтому для собравшихся уже я стал «официальным представителем Соединенного Королевства». И когда собравшиеся, обсудив наиболее животрепещущие вопросы обратились ко мне «за поддержкой», пришлось вмешаться в дискуссию:

— Господа, мне кажется — хочу, правда, отметить, что это лишь мое личное мнение — что ваша затея удачно не кончится. Потому что все же идиотов в России не очень много, и, хотя половина из них здесь и собралось, вторую половину тоже несложно будет ликвидировать.

— Вторую? — возмутился было Петр Григорьевич.

— Вы уж извините за откровенность, Петр Григорьевич, но у вас мозгов маловато, а вскоре и совсем их не останется... — вот чем все же хорош Глок, что его достал — и сразу можно стрелять. В комнате собралось шестнадцать человек, все причём довольно кучно разместились, подойдя ко мне поближе с целью подискутировать мне в рыло за такие оскорбления — так что мне одной обоймы хватило. Причём я старался стрелять так, чтобы ценные гильзы, ударяясь о поставленную мною рядом ширму, падали прямоком в корзину для бумаг. Закончив стрельбу, я гильзы аккуратно собрал, упаковал в захваченный полотняной мешочек: на их выделку сил потрачено немало, а так я и переснарядить патроны смогу. Выйдя из комнаты, я мимоходом заметил поднимающемуся по лестнице камердинеру, что «пока господа заняты и просят не беспокоить», а встретив уже у дверей «вечно опаздывающего» поручика Ростовцева, сказал ему, что до приезда Бенкендорфа в комнату никого пускать не надо и особенно не надо хватать бумаги, лежащие на столе. Этот Ростовцев из всей кофлы мне единственный нравился, он был офицером честным — настолько честным, что доложив о заговоре жандармам он и заговорщикам сообщил, что все о них жандармам рассказал. Наивный юноша, его на собрании, на которое он опоздал, некто Рылеев приговорил к смерти. Если я верно помню (а восстание декабристов среди реконструкторов обсуждалось очень часто и в мельчайших деталях) его спасло лишь то, что «в прошлой жизни» он на это собрание вообще не пришел...

Выйдя из дома я сел в сани, которые заботливо подогнал мне Аким. Заехал еще в гости к князю Сергею Петровичу. Тот был таким же мерзавцем, какими были и большинство его подельников, но вдобавок еще и патологическим трусом. Когда я сообщил камердинеру, что его ждет де Фендер со срочными новостями, он — вероятно с испугу — не стал ждать меня в кабинете, а сам к двери бросился бегом меня встречать. Ну и встретил...

Сани у меня были неприметными, лошадка обыкновенная. Во дворе в квартале от дома Трубецкого в сани кучером сел Авдей, а я уже на других санях с Акимом поехал в небольшой домик в пригороде, где меня уже второй день ждала и Алёна. У нее работенка была все же не самая простая, но она справилась: за полтора месяца незаметно вынесла под юбкой содержимое шести больших чемоданов, сами чемоданы (предварительно порезанные на куски), все вещи, которые в квартиру в узлах затащили и всё, что в магазинах понакупали. Не

знаю, как быстро жандармы отыщут квартиру, которую снимал канадец де Фендер, но там они точно ничего не найдут. Ни малейших следов того, что в этой квартире последние пару месяцев хоть кто-то жил...

Вообще-то забавные правила действовали в столице. Въехать в город после часов девяти вечера было практически невозможно: дороги перекрывались какими-то «рогатками» и стоящие возле них городские просто никого не пропускали. Выехать тоже было нельзя, но если очень хочется... Посты с рогатками стояли только на главных дорогах, а если через пару домов в пригород шла не «дорога», а просто «улочка», то по ней можно было и въезжать, и выезжать — причем в любое время и на глазах у тех же городских. Просто потому что по этим «проулкам» шастали лишь мужики...

А «крестьянин Никита сын Алексеев» все это время шастал по псковским поместьям, скупая крестьян. На самом деле таких «Никит» там шастало восемь человек: я раздал точно такие же «свидетельства о праве на торговлю» всем сопровождавшим меня «прапорщикам военного времени», так что точно определить, в каких поместьях я провел эту зиму, было довольно затруднительно. И никому не интересно, ведь еще в декабре по Московскому тракту, ведущему из Петербурга пошли целые караваны мужиков. Всего было куплено около тысячи душ (и столько же лошадей и саней), а дорога эта была выбрана потому, что она была все же дорогой, а не «направлением». Конечно, в столицу мужиков из Псковщины никто не таскал, всех отправляли через Новгород (куда сани доезжали всего за двое суток что из Питера, что из Пскова), а потом еще трое суток — и вот она Первопрестольная! Правда дальше было хуже, но все равно и до моих поместий народ по заснеженным и относительно укатанным дорогам суток за трое вполне себе доезжал — а там их распахивали по заранее выстроенным домишкам.

Такая забота мужиков очень радовала, ведь их и по дороге неплохо кормили, и сразу жильё предоставили, по их понятиям, практически царское: «общежитие» с комнаткой четыре на четыре каждой семье. Но их радость была вообще ничем по сравнению с моей. А я радовался вовсе не тому, что так метко пострелять получилось, а совсем другому событию. Хотя и сопровождаемому серьезной такой печалью. Печалью от того, что Александр Григорьевич Свинын отдал богу душу. Но перед тем, как её ему отдать, огласил свое завещание. В котором просил передать мне давно заготовленные им бумаги, подтверждающие мой дворянский статус и — как мы когда-то и договаривались — передавал мне поместье Свиныно. Оказывается, он все бумаги для меня выправил еще недели через две после нашей первой встречи, но вот отдать из мне он не спешил. Этот старый алкоголик мне даже письмо написал, в котором рассказал, как он надо мной издевался: «Был я воистину восхищен, сколь достоверно вы представляли из себя мужика. Но гораздо интереснее мне было наблюдать как вы, работы черной не чураясь, своими руками не просто восстановили родовое поместье, но и столь значительно семейное богатство приумножили. А еще хотелось мне увидеть, сколь скоро надоест вам мужика из себя играть — но вы так вжились в изображаемую вами роль, что по прошествии некоего времени мне просто неудобно стало вам в развлечении вашем препятствовать...»

Ну не скотина ли? Я думаю, что все помещики в губернии, с которыми я дела имел, были в курсе развлечения отставного поручика и, заключая со мной разные сделки, вслед мне хихикали... Но нет, все же не скотина. Наверное он и на самом деле думал, что я развлекаюсь таким манером — ведь все бумаги, позволявшие мне делать практически всё, что хочется, он очень быстро готовил. И даже когда я попросил сразу восемь «свидетельств»,

он и спрашивать не стал зачем мне это нужно, а просто с кем-то там в Одоеве договорился и бумажки эти сам мне привез...

Вот интересно, со мной он разговаривал всегда на «ты», а в письме он исключительно на «вы» ко мне обращался. Наверное, это особенности нынешнего этикета, мне неизвестные и вряд ли доступные. Но тогда и моя многолетняя «игра в мужика» в глазах «общества» будет мне служить неким прощением в случае несоблюдения какого-то из правил нынешнего этикета. Ну, не знаю. Знаю одно: памятник я поручику поставлю такой, что и генералу было бы не обидно иметь.

Впрочем, все это лирика. Официальный статус дворянина дает мне некоторые дополнительные возможности. Очень приятные, но еще больше этих возможностей дает мне то, что я уже натворил под крылышком отставного поручика. Конечно, доход в тысячу рублей здесь и сейчас даже особо большим назвать сложно — но это все же чистый доход после вычета всех расходов. И если его тратить не сразу, то может набежать довольно приличная сумма, ведь эту тысячу я получал за день, а миллион получится меньше чем за три года. Но с другой стороны мне сейчас каждый взрослый крестьянин любого пола приносит в год по сотне — то есть полностью себя окупает даже если его не на Псковщине покупать, а здесь и вместе с поместьем. То есть через год мои доходы — если их правильно тратить — удвоятся, через два года — учетверятся. А через шестьдесят четыре года денег у меня будет больше, чем атомов во Вселенной! Интересные, однако перспективы открываются...

Очередное лирическое отступление

В котором Герой рассуждает о сияющих перспективах и о том, как не просрать все полимеры.

Отставной поручик в своем завещании указал еще один мелкий пункт, на который я внимания вообще поначалу не обратил. То есть я прочитал его, но счел слишком незначительным: Александр Григорьевич отпустил на волю всех своих детишек, их матерей и нынешние семьи упомянутых крестьянок, причем всех отпущенных записал в «мещане Одоевского уезда». Ну, позаботился мужик о своих подругах — молодец. Однако чуть позже до меня дошло, что в поместье Свиньино крепостных крестьян осталось ровно два человека: дед Михей и его жена, старая Марфа, которая занимала должность «ключницы» у покойного поручика.

По факту положение этих «мещан» не изменилось, все как в деревушке жили, так и продолжили жить — просто потому что больше жить им было негде, да и делать они, по большому счету, ничего, кроме привычной работы в полях, хлевах и огородах, не умели. Для меня же проблемой — хотя и мелкой — было теперь то, что юридически я за этих крестьян никакой ответственности больше не нес, а сами они эту самую ответственность нести не умели. Просто не знали, как это делается, и обучить их было некому. Я в какой-то степени чувствовал за них ответственность моральную, только вот точно не мог их научить жить в новом статусе — потому что и сам не знал что они теперь делать обязаны и на что имеют право. Поэтому, собрав всех «вольных мещан», я предложил им «пока жить как прежде», а там что-нибудь, да придумаем, и народ согласился.

Но это было мелочью, в Свиньино вместе с грудными младенцами и убеленных... нет, убеленных не было, младенцев было много, так вот всех вместе насчитывалось чуть больше восьмидесяти человек. А с Псковщины приехало уже четыре с половиной тысячи человеко-рыл, и возник вопрос: а что с ними делать? В смысле, для получения от них максимальной выгоды. Нет, я заранее всё продумал, вот только выяснилось, что продумал я далеко не всё. Поселить в домах тысячу семей — дело не очень дорогое (если заставить их самим себе дома строить), но возникает вопрос: а где? Все мои поместья — это примерно сто тридцать тысяч десятин, из которых «пахотными землями», то есть пригодными для любых посевов, было процентов десять. На самом деле больше, но вся земля была давно выпажана, истощена — так что половина хоть как-то пригодных для сельского хозяйства земель всегда стояла под залежью (то есть лет на пять минимум выбывала из оборота), а половина оставшейся — под парами. А при нынешней урожайности на прокорм человека (причем любого пола и возраста) требовалась десятина посевов. А если иметь в виду и использование в рационах хоть какого-нибудь мяса, то уже минимум две десятины. До закупок на Псковщине у меня уже собралось около тысячи семей, прокорму подлежащих, так что из примерно двенадцати тысяч десятин земли восемь можно вычитать. А еще четыре тысячи можно вычитать потому что там подсолнух растет...

А еще ведь следует учитывать и такую «мелочь», что одна лошадка, без которой поля не вспахать, за сезон потребляет тридцать два центнера хотя бы овса — то есть урожай с двух десятин в хороший год. У меня уже было больше трех сотен лошадей, так я еще тысячу прикупил... Даже если я половину лошадок продам — ну хотя бы на мясо — то земли на всё

не хватит даже если все залежи распахать. То есть хватит если пахать новыми плугами на глубину в четыре вершка да еще в поля удобрений натаскать откуда-то, причем плуги (стальные литые) у меня уже имелись в количествах вполне достаточных — но такой плуг даже по уже распаханному ранее полю мог тащить лишь першерон или две обычных савраски, а уж после вырубки кустов и деревцев на залежи его и четверка першеронов хрен протащит по корням...

Насчет першеронов у меня все тоже несколько неожиданно вышло. Рязанский уездный город Михайлов был, вообще-то, центром гужевого тракта их Воронежа в Коломну, а потому там насчет лошадей народ понимал конкретно. И неподалеку от города отставной капитан-артиллерист Арсеньев, из числа бравших Париж, держал небольшой конный заводик, на котором он как раз першеронов и разводил. Заводик был небольшой совсем, а лошадки у него очень недешевые получались и особым спросом не пользовались — так что еще в двадцать четвертом году он мне продал и поместье, и конный завод. Продать-то продал, но от дел не отошел: за полторы сотни рублей в месяц он с удовольствием остался заниматься у себя же в (бывшем) поместье любимым делом. С огромным удовольствием, поскольку я (и тоже с радостью) выделил денег на закупку им сотни кобыл-битюгов, которые должны были принести очень неплохих рабочих лошадок от его десятка жеребцов породы «большой першерон». Он, правда, думал, что я таких лошадей собираюсь в армию продавать пушки таскать, но те лошадки, которых он раньше вырастить успел, намекали, что в роли тракторов эти звери больше выгоды мне принесут. Правда, если их правильно кормить: каждый такой «русский першерон» жрал примерно втрое больше крестьянской савраски, причем корм ему требовался высококачественный. Однако в любом случае могучие лошади в моё народное хозяйство начнут массово поступать года через два, а проблемы с прокормом требовалось решать уже сейчас.

Вариантов решения проблем я видел ровно два. Первый — срочно прикупить земли, на которой этих крестьян (хотя бы частично) с их хилыми лошадками можно будет расселить. Второй — это уже того же порядка, что и «прилетят пришельцы с Альдебарана и всё сделают» — почву удобрять. Мысль, без сомнения, неплохая, вот только с удобрениями в России было не очень хорошо. Навоз — это, конечно, тоже удобрение, однако лошадки с коровками просто «возвращают» часть съеденных веществ, причем далеко не всё возвращают, а удобрений химических — о них никто еще вообще не слышал. Так что выбора практически и не остается...

Кстати, об удобрениях. Азот в почве, как нам в школе на уроках биологии рассказывали, восстанавливают микробы, живущие на корнях гороха и клевера. Не очень быстро, но пара лет под клевером — и азота уже хватит. С фосфором хуже, но его много в шлаке, который у меня в избытке из конвертеров лезет (я стенки доломитом в них выкладывать велел), так что тоже есть определенные варианты. А вот по поводу калия, который из почвы буквально выносят свекла, тыква и тот же подсолнух — то тут все вообще странно. Ведь калий — пятый по количеству металл в Земле, его всего процентов на десять меньше чем натрия. Но натрия — полные океаны, а вот с калием что?

Калий и натрий тоже — они из недр появились. Точнее — из полевого шпата. Но шпаты с натрием быстро разрушаются, натрий вымывается и стекает в моря и океаны, делая их солеными. А шпаты с калием — они покрепче будут, калий оттуда плохо достается. Но если подумать, то в обычном красном граните на тонну приходится калия от тридцати кил и больше, так что для удобрения полей на гектар нужно всего лишь пару тонн гранита

раскидать. В виде пыли, чтобы калий все же доступным был. Немного выходит, слой в одну десятую миллиметра пыли — и все счастливы два-три года подряд.

Однако, раз уж молот в пыль килотонны гранита у меня в планы не входило, можно и проще поступать. Ведь растения — они калий из почвы выносят, а почва у нас что? Тонкий слой поверх земли. И если пахать поглубже, то невынесенный в предыдущую посевную корнями калий снова появляется в прямом доступе к корням. Временно, до следующего «выноса» — но хоть что-то. В древесной золе калий как раз и появляется, когда корни деревьев его из глубины земли достают... Правда, чтобы «глубоко пахать» нужно сначала получить то, что можно пахать, но это проблема решается все же попроще.

Петр Петрович (который Игнатъев), выслушав мои пожелания, тут же начал «просветительскую работу среди помещиков», главным образом в той же Тульской губернии. И добился определенных успехов. Но именно что «определенных»: пару поместий прикупил по разумной цене, но там уже крестьяне имелись, причем в количествах, определяемых «производственной мощностью» приобретаемой земли. Конечно, «старожилов» и потеснить можно, в особенности, если использовать «прогрессивную сельскохозяйственную технику». Глубокая вспашка с оборотом пласта сама по себе увеличивала урожай процентов до двадцати... на некоторое время увеличивала, но тем не менее. А с плугами у меня уже совсем все хорошо стало, настолько хорошо, что изрядная часть финансовой подпорки у меня возникала от продажи этих нехитрых девайсов на сторону. Причем плуги мои вовсе не были для пользователей «золотыми». И даже «серебряными» не были, а продавались эти нехитрые устройства весом в три пуда всего-то за двадцать рублей.

Охренеть как дешево, ведь пуд ржи на рынке стоил в пределах двадцати-двадцати пяти копеек, пшеницы — на треть дороже. Одним плугом (причем с парой не самых хилых лошадей) можно было вспахать в посевную максимум шесть десятин, с каждой собрать пудов до тридцати зерна — а с плугом и до тридцати пяти! То есть за год плуг приносил выгоду в пять рублей максимум! И при этом в полную негодность придет лет за десять...

Самое забавное, что за этот плуг я получил премию от Вольного экономического общества в размере аж ста двадцати рублей в золоте. Буквально в золоте, а не золотыми пятерками: это была медаль диаметром в три дюйма. Которую я мог, конечно, обменять на равную по весу кучку золотых денежек — но что-то мне не захотелось с такой медалькой расставаться. Денежек-то много, а медалька — она одна. Хотя может скоро и две будет: мне еще такую же пообещали если я «придумаю, как такой плуг в иных заводах изготавливать». Ага, щяз! У меня плуг был стальной литой, причем в единой отливке объединялись подошва, лемех и отвал. Как сделать форму для отливки этой конструкции, я, конечно, мог кому угодно рассказать и даже показать. А вот как сталь расплавить до такого состояния, чтобы она в эту форму залиться могла — хренушки. Поскольку это было, с моей неискушенной точки зрения, сугубо стратегическим ноу-хау. Быстро и дешево делать из расплавленного (и хреноватого) чугуна перегретую (и высококачественную, по крайней мере по нынешним временам) сталь — это знание зарубежцам явно лишним будет...

Однако несмотря на легко просчитываемый «невыдающийся финансовый результат» плуги у меня тоже покупали довольно шустро, и причину этого мне Игнатъев изложил, на «собственном опыте» причем исследованную:

— Если с августа поля распахивать, сразу после сбора урожая новую пахоту учинять, то на плуг можно до двадцати десятин полей добавить. Потому как с осени распаханное поле

по весне можно и с вашей же сеялкой пройти без повторной вспашки, так что деньги потраченные плуг за год вернет. А если его с сеялкой брать, то третий год уже с изрядной выгодой выйдет.

Сеялки я тоже делал, пятирядные — и их толкал уже по тридцатнику. Исходя из простого расчета: каждый сельхоздевайс должен мне прибыли давать рубликов по пятнадцати — а сеялка в производстве заметно дороже обходилась. И в сумме стальное литье приносило мне по шесть сотен в сутки — вот только чугун на тульском рынке начал дорожать, уж слишком активно я его скупать стал. И это меня несколько напрягало — ровно до тех пор, пока тот же Игнатъев не пришел ко мне с «благой вестью»:

— Никита Алексеевич, вы давеча говорили, что неплохо бы было на Дону поместье присмотреть, так узнал я, что князя Волконские имеют намерение поместье Студенец свое продать. Неплохое, восемь тысяч десятин, из них семь с половиной — земли удобные.

— А это где?

— Тридцать верст от Ельца, сорок от Липецка. На середине пути из Ельца в Липецк.

— И что князя хотят?

Игнатъев уже привык к моей манере речи, поэтому переспрашивать не стал, лишь усмехнулся, но скорее не над вопросом, а над своим ответом:

— Хотят по сто рубликов за десятину. Но это воронежские Волконские, им и триста тысяч довольно будет. Если вы не спешите, то, думаю, и за четверть миллиона сторговать выйдет.

— Не спешу, потому что у меня сейчас и трехсот тысяч нет. То есть погоди, Липецк, говоришь?

— И я о том же. Казенный завод чугунный там уж лет тридцать как остановлен, а император, я слышал, деловым людям изрядно потакает. Если вы возжелаете там железное дело возродить...

Возродить «железное дело» в Липецке — дело хорошее. Вроде и руда там имеется, вот только с углем что-то делать надо. Леса там еще при Екатерине свели, до донецкого угля из Липецка далековато. Впрочем, реки в России пока еще не обмелели, можно, наверное, и по Дону уголька навозить. Мысль мне эта очень понравилась, тем более что в себя в поместье я испытывал больше проблем с рудой, чем с углем. Хотя и с углем было не все понятно.

Вообще-то самым удивительным в тульской металлургии было то, что большую часть дерева в Тулу возили из Московской губернии. То есть не очень удивительно, потому что в губернии уже Тульской все березовые леса практически вывели, но меня удивляло то, что в Московской березы не кончались никак. Возили дрова главным образом зимой, так как по снегу лошадка может тянуть гораздо больше груза — ну а я возил круглый год, просто потому что круглый год лошадки таскали в Москву кучу тяжелого металла, так не возвращаться же им порожняком! Однако дрова эти были именно бревнами, то есть толстыми — а вот кучи веток, очевидно, просто гнили на подмосковным лесосеках. И мне это было очень обидно — в особенности обидно потому, что внезапно выяснилось, что этот «мусор» для меня является очень востребованным топливом. Не для чугуна, конечно, а для парового котла.

Котел я сделал довольно простой, паротрубный. С перегревом пара само собой (я же «железнодорожник», зачем перегрев для паровозов нужен, понятие имел). И зачем перегрев нужен для паровых турбин, тоже сообразил — а для вращения своего генератора я как раз турбину и построил. Не очень-то и большую, но уже после того, как начал ее испытывать,

понял, что генератор мой для этой турбины маловат будет. То есть если в котле держать давление в районе атмосфер примерно четырех, то в самый раз — но котел-то я проектировал атмосфер на двадцать. И вот, глядя на то, как котел поглощает специально для него нарубленные мелкие деревяшки, я с грустью думал о простых древесных пеллетах — которые из всякого «мусора» и делаются. То есть делались. В будущем делались...

Радовал одно: вопрос с электричеством я — в глобальном плане — вроде как решил, осталось лишь накопленный опыт масштабировать. Но за этим не заржавеет, нужны только металлы подходящие (турбину я бронзовую сделал, из третьей пушки) и... и деньги. Много денег, которые очень-очень нужны чтобы делать еще больше денег. Одна проблема, причем огромная: чтобы все это обеспечить, мне нужно скататься в столицу. В город под названием Санкт-Петербург. В город, где довольно много народу в лицо знали некоего канадского подполковника...

По инструкции нужно обязательно вставить часть «Развитие действия». А то читатель не поймет, что в романе-то творится. Поэтому мы инструкцию соблюдем, и в «развитии» герой будет воплощать (ну, пытаться воплощать) то, что он наразмышлял, когда лирически отступил.

Вообще-то станков у меня было ровно два, один можно было назвать токарным, а один — если смотреть очень издали и в глубоких сумерках — фрезерным, и оба станка крутила небольшая паровая машина. Еще один станок — для изготовления нарезов внутри ствола — я даже станком не считал: так, приспособа, совершенно ручная и малопроизводительная и очень «узконаправленная», а два станка — они, в теории, были как бы универсальными. Эти станки я сам сделал для того, чтобы детальки к сеялкам точить и резать — и они, в общем-то, помогали. Но внезапно я понял, что опять некий попаданец очень долго дурью занимался — сразу после того понял, как посетил Тульский оружейный завод. Причем меня его посетить руководство завода пригласило на предмет поговорить о поставках качественной стали: похоже, им понравились плуги (или топоры), которые вообще-то были куда как лучше любых «конкурентов». И вот руководители завода — вероятно считая свой завод «премиальным рынком», а потому сами ко мне ехать посчитавшие ниже своего достоинства — меня и позвали «пообщаться».

Ну мне-то интересно было посмотреть как в лапотной России ружья клепали... Оказалось, что производство там было очень даже современным: я от вида используемых на заводе станков буквально офигел. Например, для сверления ружейных стволов использовался станок (горизонтальный причем), который веке так в двадцать первом было бы не стыдно назвать «полуавтоматом». На мои «наводящие вопросы» туляки сказали, что станки для завода они сами делают, но «на сторону» их не продают потому что «самим не хватает». Ну не хватает, так не хватает, не очень-то и хотелось. В смысле, не очень-то и хотелось покупать станки на казенном заводе за деньги. Поэтому я обстоятельно побеседовал с мастером цеха, в котором эти станки ваялись...

Обстоятельно беседовать с ним сразу не получилось, но мужик принял уже мое приглашение «посмотреть современные станки». И вот когда он увидел мой практически токарный станок, разговорчик-то и состоялся. Да, станок у меня был... он даже рядом не стоял с теми, которые мастер Дьяков для тульского завода строил. Но Никанору Васильевичу хватило взгляда на обычный трехкулачковый патрон, который я сделать сумел. Так что разговаривали мы с ним весь день, а уже на следующий день я поймел еще один — и еще более обстоятельный — разговор с руководством ТОЗа.

Все хорошо, что хорошо кончается: мы все же в процессе разговора морды друг другу не разбили. И вообще, ТОЗ мне даже продал шесть станков — те, на которых они себе станки раньше делали. А вместе со станками они не то чтобы продали, а так, «в аренду передали» все население станкостроительного цеха. Все же ТОЗ — это предприятие если не градообразующее, то наиважнейшее, и городские власти не бегом, однако распоряжения директора исполняют. Совсем не бегом, а прям-таки вприпрыжку исполняют — и довольно близко к ТОЗу мне продали (по «застроечной» цене, то есть практически бесплатно) участок в пару десятин. На котором мои мужики немедленно начали строить всякое. То есть

главным образом цеха нового станкостроительного завода, а на еще одном участке, уже десятин в шесть — разнообразные жилые дома и учреждения социальной сферы. За все это пришлось пообещать изготовить для ТОЗа за следующие пару лет шесть станков бесплатно, а потом еще три года их заказы исполнять в приоритетном порядке — но два десятка квалифицированных станкостроителей того стоили. И хотя Тульский станкостроительный заработать мог где-то через год, меня такое (получившееся весьма недешевым) приобретения радовало. Впрочем, этот завод сейчас был где-то на самом краю кома навалившихся проблем.

Говорят, что женщине — чтобы сделаться неузнаваемой — достаточно умыться. Может быть, я не проверял. Но вот мужчине, чтобы коренным образом изменить внешность, достаточно две недели не бриться — и в этом я смог убедиться лично. Меня даже Петр Петрович не узнал, когда я к нему в очередной раз заехал пообсуждать Липецкие перспективы.

Правда жена была сильно против бороды и усов... ах да, я тут еще и женой обзавелся. Просто когда в Питере я свои дела сделал и напряжение меня отпустило, оно и Алёну отпустило (знала она, что сэру в рюмку подливала) — ну мы слегка так и расслабились. А потом, когда срок положенного траура по Александру Григорьевичу истек, мы с Алёной быстренько посетили церковь в Одоеве.

Благодаря свежееобретённой супруге я узнал много нового о жизни современных крестьян. Просто венчание произошло как-то буднично, я скатался в Тулу и купил там готовые кольца, а вот какого-то особого подарка Алёне — не сообразил (вероятно, от волнения). И когда — уже после свадьбы — я спросил жену, какой она хотела бы получить подарок, она меня ну очень удивила, сказав, что хочет получить от меня хорошую скрипку.

— Скрипку? А зачем?

— Я на ней играть буду.

— Но, насколько я знаю, это очень непросто. Надо учителя найти, а где здесь учителя такие водятся?

— А я умею. Не очень хорошо, конечно, но вот у Ямонтовой четыре скрипача хороших играют, да и сама Ирина Васильевна, думаю, не откажет мне в дополнительных уроках.

— А она умеет и на скрипке играть? — эта старушка, насколько я знал, очень неплохо «бацала на фортепьяно», но все же больше занималась разведением разных экзотических культур вроде сахарной свеклы и неплохо преуспела в деле выведения наиболее «сахарных» сортов.

— Она изумительно играет! Да и всех своих скрипачей она же учила, поэтому ее квартет считается лучшим в губернии. А в остальных — мужики больше самоучки, играть научились, а вот нот читать не умеют.

— Мужики на скрипке? А кто же мужикам скрипки-то покупает?

— Да сами они. Есть и вовсе дешевые скрипки, они совсем чуточку домры дороже. Но раз уж ты мне сам предложил выбрать, то я хочу скрипку хорошую. Не Батова, конечно — его скрипки тысячи стоят, но...

— Два вопроса: кто такой Батов и где скрипку хорошую купить можно ты знаешь?

— Батов скрипки делает, говорили, что в Петербурге живет. Но купить можно и в Туле, есть там мастер, Митрофан Порфирьевич. А ты в самом деле мне скрипку купишь?

— Конечно. Только вот в чем проблема: я не различу, какая скрипка хорошая а какая

плохая. Ты знаешь, кто мне в этом деле помочь может? Если я Ирину Васильевну попрошу...

— Я и сама выберу, если ты, конечно, не против.

В Туле я уже выстроил себе дом. Не чтобы жить, а чтобы было где остановиться, если туда по делам приеду. За домом следила семья стариков из Свиныно (то есть мужик лет так тридцати пяти с женой на год его моложе), там они со всеми детьми малыми жили и в доме всегда всё было готово к моему приезду. Или к нашему, так что на следующее утро мы с Алёной отправились «в губернию». А на следующее утро после приезда (до Тулы мы все же ехали почти шесть часов и изрядно устали) отправились в небольшой магазинчик, где нас встретил угрюмый и какой-то включенный мужик, явно мне кого-то знакомого напоминавший:

— Что господа желают? — и, не дождавшись от нас ответа (Алёна мне инициативу передала, а я просто дико озирался в этом полутемном магазинчике), уточнил: — Или просто погреться зашли? За три копейки предложу вам чаю с сахаром, китайского, а ежели пряников пожелаете, то могу послать в лавку за ними...

— Вы скрипки продаете? — наконец разродился я идиотским вопросом. Идиотским потому, что вдоль стены было развешено с десятков скрипок (точнее, инструментов, скрипку напоминавших) и очень много других, ни на что мне знакомое, не похожих. Деревянных, из которых я опознал лишь домру — да и то, потому лишь что видел ее в оркестре, выступавшем у кого-то из помещиков.

— Пожалте, — мужичонка кивнул на развешенные инструменты. — Любой гудок за рубль, а саксонского виду или итальянского рубля за три, — и, увидев на моем лице явно читающееся сомнение, поспешил уточнить: — на ассигнации.

Сомнение у меня вызвали предложенные скрипки. Некоторые по виду были просто выдолблены из половинки бревна, некоторые напоминали гитары-недомерки, и лишь две по форме относительно соответствовали моим представлениям о скрипке — но, что меня удивило больше всего, все они были сделаны из свежеструганной доски. Да и пахли они именно напиленными досками...

В лавке было натоплено довольно прилично, а мы, несмотря на наступающий март, обелись в дорогу в тулупы. И в них же отправились в лавку, так как другой верхней одежды с собой не захватили. Однако париться я не захотел и тулуп распахнул — после чего разговор с мужичком мгновенно перетек в другое русло:

— Никита Алексеевич? Извините, не признал сразу. Вы кому скрипку приобрести желаете? В оркестр свой или в подарок кому?

— Жене. Она, думаю, и выберет, если найдется из чего выбирать.

— Примите мои искренние поздравления! А супруга ваша... — он перевел взгляд на Алёну.

— Алёна Александровна.

— Уважаемая Алёна Александровна, вы на эти дрова даже не смотрите! Позвольте пригласить вас... — он распахнул дверь, ведущую куда-то вглубь дома, крикнул: — Васька, присмотри за лавкой! — Позвольте вам показать настоящие инструменты...

Мы вошли в дверь, за которой оказалась настоящая мастерская. На нескольких верстаках были разложены многочисленные детали, а в углу стояла здоровенная балка, увидев которую, я понял, почему мне мужичок показался знакомым. Дом в Туле, точнее, близко к центру, оказалось выстроить не очень просто: все места были заняты. Так что я купил какую-то развалюху и ее сначала снес — а именно этот мужичонка приходил тогда и

просил ему несколько старых досок и бревен продать. Дом был довольно старый, бревна подгнившие — я мужику разрешил хоть все дрова забрать, причем бесплатно. Конечно, доски я бы от других старых досок не отличил, но потолочную балку с надписью «пол» я запомнил...

Вдоль стены в мастерской висело несколько скрипок, и мастер предложил выбрать любую. Но меня смутило то, что и эти скрипки были свежеструганными:

— Я почему они такие... лысые? — поинтересовался я.

— Так я их осенью и зимой только сделал, лаком крыть — так солнышко нужно. Но вы по звучанию выбирайте, я вашу скрипку как пожелаете лаком покрою, — и с этими словами он вытащил откуда-то две скрипки. — Хотите желтую сделаю, а хотите — красную.

Алёна взяла в руки протянутую ей скрипку, взяла смычок — и к моему величайшему удивлению, сыграла, если я не путаю, первые такты из «Весны» Вивальди. Постояла, как бы проигрывая в мыслях мелодию, покачала головой.

— А вы не знаете, может кто-то продает скрипку Батова? — наивно спросил я, глядя на недовольное лицо супруги. Мастер аж встрепенулся:

— Да я могу инструмент и лучше сделать! — потом вздохнул, постарался успокоиться перед лицом потенциального покупателя, и уже тихим голосом продолжил:

— Просто здесь никто настоящих денег за приличный инструмент платить не желает, вот я попроще да подешевле делаю. А настоящий инструмент... — он выбежал из мастерской и через полминуты вернулся с небольшой скрипкой в руках. Темно-коричневой, которую он протянул Алёне:

— Вот, опробуйте. Я её не продаю, а показываю, какой инструмент сделать могу. Это моя первая настоящая скрипка. Пожелаете, так я вам даже лучше сделаю...

Эта скрипка Алёне понравилась, даже очень понравилась. Так что договорились, что Митрофан Порфирьевич изготовит для Алёны «настоящую скрипку», правда за ней нужно будет заехать уже ближе к концу июля. И всего-то за инструмент я отдал пять сотен серебром. Сразу отдал, точнее, мы с Алёной вернулись домой и я уже потом съездил и отдал мастеру деньги. Один съездил, потому что предложил ему набрать пару десятков учеников и возглавить новенький завод по выпуску музыкальных инструментов. Так что оплата затянулась почти на час: мне Митрофан Порфирьевич объяснял, что для работы завода потребуется столько всего редкого и дорогого! Всё закончилось тем, что я предложил ему зайти в Тульский городской банк, где я открою для него (и будущего завода) счет, с которого он будет все это оплачивать, не забывая себе голову низменными финансовыми вопросами. Разошлись на том, что он подумает об этом, а ответ даст летом, когда я за готовой скрипкой приеду...

А заодно я поинтересовался, какие же инструменты народ сейчас покупает, и с удивлением узнал, что среди мужиков наибольшим спросом пользуются скрипки и домры, а про балалайки... Балалайки уже народу были известны, и он мне даже одну показал: прямоугольная коробка с грифом и двумя струнами. Но он их не делал — ему ту, что мне показал, местный извозчик в ремонт принес, с выделкой балалаек мужики с такими изысками сами справлялись, а вот скрипки — без них не обходился ни один деревенский праздник, так что в каждой деревне имелось несколько скрипачей. И это давало мастеру возможность не помереть с голоду. Конечно, очень не все мужики могли сыграть Вивальди... правда, Алёна сказала, что и она больше первых четырех-шести тактов «пока не умеет», да и это освоила когда Свинын своих мужиков пытался обучить (безуспешно). Но

вот собрать скрипичный оркестр, оказывается, сейчас вообще не проблема.

Идей я оркестром Алёне понравилась, а я долго думал над тем, что очень дофига чего из истории государства нашего не то что в школах не преподавалось, а вообще замалчивалось. И что всё это приводит к тому, что простому попаданцу не попасть впросак становится практически неподъемной задачей. Так что мне еще крупно повезло, что несколько лет я прожил под видом крепостного мужика. Прожил, но все равно овердофига чего «общеизвестного» так и не узнал...

Зато кое-что не очень общеизвестное узнал. Например то, что на моей продукции отдельные купцы умудряются наварить по сотне процентов прибыли. Почти случайно узнал, поехав по делам в Москву и зайдя в какую-то лавку, где торговали моими чугунками. Обдумав такую «новость», я решил, что хрен им, а не прибыли — и распорядился свои магазинчики в Первой Столице открыть. Причем разные — и «Хозтовары», и «Продукты». Ну, пока в столице только пяток небольших лавок мои «прапорщики» обустроивали, зато в Туле...

В Туле я поступил не просто, а очень просто: город относительно небольшой, довольно старый, французом не сожжен — и получилось довольно много очень старых домов практически рядом с центром купить за весьма вменяемые деньги. То есть практически по цене дров, после чего я просто объявил, что все желающие заполучить дрова совершенно бесплатно могут их собственно заполучить путем самовывоза (и саморазбора), а затем на освободившихся местах выстроил дома уже «современные». Все же у меня, как ни крути, в городе уже два завода работало... то есть на двух заводах работали люди, которые, как правило, хотят жить в уюте. Вот я уютные (и трехэтажные) дома и выстроил, причем с квартирами лишь на втором и третьем этажах — а на первых этажах в домах были устроены магазины разные. И не только магазины, но «не только» были оставлены «на потом».

Собственно, таким манером я перестроил всего две небольших улочки. Но «в пешеходной доступности от центра», и в магазинах этой «пешеходной доступности» продавались любые (из выращиваемых в губернии) продукты, а так же любые (из изготавливаемых на моих заводах и фабриках) промтовары. Причем все продавалось по «стандартным» моим ценам, почти что вдвое дешевле, чем у любого другого купца или лавочника. В общем, всего через три месяца в Туле не моих магазинов осталось ровно три: писчебумажная лавка, магазин церковных принадлежностей от какого-то монастыря и ювелирный магазин, принадлежащий купцам из Петербурга...

Отставной поручик напоследок смог еще один «подарочек» оставить. После того как Мартёна замуж выскочила, а точнее после того как она с мужем в Москву уехала, он решил, что теперь пусть о ней муж заботится — а вот о второй дочери решил позаботиться сам. Выписал на нее вольную и... и еще он свою собственную дочь удочерил. Официально удочерил, и стала она не мещанкой, а дворянкой Свинойной. В каком качестве и пребывала почти два месяца...

Ну а теперь ей моя борода не понравилась. А если всерьез, то ей не понравилась сама идея поездки в Петербург, причем в этот раз без супруги. Понятно, что Алёну сколько ни умывай — она не изменится, так как косметикой отродясь не пользовалась, так что ей в столицу точно нельзя. Да и вообще ей теперь нужно дома сидеть, режим соблюдать и кашку по расписанию кушать. Ну а мне — мне все же ехать надо.

Вот с погодой мне точно повезло: сентябрь выдался немного прохладным, но

достаточно сухим чтобы дороги не превращались в грязевые реки, и до Питера я умудрился доехать меньше чем за неделю. Там остановился в недорогой гостинице и приступил к намеченным делам. То есть дело у меня было одно, просто путь к достижению цели был несколько... ступенчатым. Тем не менее спустя всего неделю я удостоился беседы не с кем-нибудь, а с генерал-лейтенантом Карнеевым — человеком очень занятым, так что на аудиенцию мне отвели всего пятнадцать минут.

— Добрый день, Егор Васильевич, поскольку времени мне отвели крайне мало, сразу изложу мое предложение. Мне было бы весьма интересно получить от казны землю в окрестности казенного села Нижний Студенец, а лучше если казна мне это село просто передаст.

Генерал-лейтенант поглядел на меня как на умалишенного. Но я не смутился и продолжил:

— В моем поместье в Тульской губернии я, силами двух сотен принадлежащих мне мужиков, каждый божий день отливаю из сваренного этими же мужиками чугуна двести пудов чугунных котлов, именуемых нынче в народе чугунками. А еще полста мужиков из стали, выделанной по моему рецепту из того же выплавленного первым мужиками чугуна выделывают двадцать пять пудов плугов стальных и чуть меньше выделывается там же и теми же мужиками сеялок, применение коих урожаи в полях увеличивает без малого на четверть. Мужики у меня еще есть, но нет возможности руды больше копать — а в земле возле указанных сёл руды имеется изрядно. Настолько изрядно, что получив оное во владение или хотя бы в распоряжение лет на двадцать, уже через три года выплавку чугуна я смог бы довести до миллиона пудов в год. А лет через пять, то есть еще через два года после первого срока, и до двух миллионов пудов, причем половину тут же пустив на выделку недорогой, но весьма качественной стали. И стальных изделий, например тех же ружей.

Генерал давно уже служил по гражданскому ведомству, да и изначально, скорее всего, тупым солдафоном не был, поэтому ответил вежливо — настолько вежливо, насколько можно послать человека в пешее эротическое, не употребляя табуированной лексики:

— Я восхищен полетом вашей фантазии и тронут заботой о приумножении урожаев...

— Благодарю, — я постарался сделать вид, что посыла не понял. — Отмечу лишь, что прибавка урожаев еще и прибавку казенных доходов даст немалую. Однако я на сии средства претендовать и не собираюсь, от возглавляемого вами Департамента горных и соляных дел я жду лишь небольшой помощи в оформлении потребных бумаг. Если же еще и материально вы мне поможете, то буду отдельно благодарен, и не от себя, а от лица жителей государства Российского, точнее от нынешних казенных крестьян села упомянутого. Формой благодарности будет поставка на казенные нужды указанных объемов металлов по себестоимости. А не исполню обязательств, так пусть казна обратно отберет землю себе, причем вместе со всем, что я там выстроить успею.

— Да вы просто благодетель! — не удержался от сарказма директор департамента, — и в железных делах дока, и в земельных, как я погляжу, да и бессеребренник изрядный.

— Истину глаголите. Разве что насчет бессеребренника ошиблись: выгоду свою я блюду — но в саване карманов нет, а на жизнь мне хватает. Восемь лет тому я из загранич вернулся, в спаленное дотла родовое поместье размером менее пятисот десятин, а нынче поместье мое уже занимает полностью Одоевский уезд и изрядной частью в соседние уезды расширяется. Что же до объявленной благодарности, то она будет исключительно благодарностью за сэкономленное мне время. Я ведь и без этого за десять лет всех

металлистов в стране разорю и заводы их скуплю, а так — сэкономлю уже лет пять. Судите сами: нынче в Туле пуд чугуна идет по тридцати копеек и заводчики с этого пуда имеют прибылей копейки три, много четыре. У меня же пуд чугуна встает в двенадцать копеек, и это при том, что мужикам я плачу за каждый пуд еще и серебром премии по три копейки за пуд. Верхний Студенец я весной всяко у Волконских выкупаю, уже и задаток внесен — так что через три года пуд чугуна на рынке будет стоить максимум двадцать копеек. Конкурировать со мной нынешние заводчики не смогут, я их заводы за бесценок скуплю. Перестрою заводы на мой способ выделки чугуна и дальше...

— Допустим, я вам поверю...

— При чем на выкуп заводов не доходы от продаж чугунных и стальных изделий пушу, а как раз доходы с полей моих. Этим летом только масла подсолнечного я намерен на рынок поставить семьдесят тысяч пудов, а то и поболее...

— Так масло сие вы делаете?

— И не только масло, но... А верить мне не надо, вы просто пошлите инспекторов грамотных, пусть они сами на мои заводы посмотрят. Кстати, раз уж про масло разговор зашел. В Тульской губернии, да и в других тоже, нынче стали много свеклы сахарной выращивать, заводов сахарных вокруг понастроили. Вот только земля после свеклы этой — как и после подсолнуха, просто после свеклы это сильно заметнее — лет на пять, а то и более, почти бесплодной становится. Причины мне известны, и знаю, как беде этой помочь. Но чтобы помощь такую селянам оказать, было бы хорошо мне на Каме пару шахт выстроить, камень плодородия копать. Дело в целом нехитрое, но есть две проблемы. Не денежных, скорее технических — но ваш Департамент они тоже могут касаться. Чтобы камень сей плодородия почвам добавлял, его поначалу очистить надобно... — я посмотрел на генерала, который весь сарказм, казалось, запихнул себе глубоко... в общем, глубоко запихнул и слушал меня уже с интересом. Так что я вздохнул неглубоко и продолжил:

— Отходом после очистки камня будет соль. Обычная поваренная соль. Тоже вещь не лишняя, а проблема вот в чем заключается. Чтобы поле оставалось плодородным, на десятину — на каждую десятину полей и огородов — нужно его внести шесть-семь пудов в год. Немного, вот только десятин в России весьма немало, и даже если всю державу не рассматривать, а лишь поля в моих поместьях считать, то отходов выйдет более полумиллиона пудов. Полмиллиона пудов чистой соли.

— Желаете получить привилегию на ее продажу?

— Мне столько не продать, и я бы был благодарен, если казна эту соль просто заберет и куда-то денет. А вот частью использовать соль эту для иных, сугубо личных, нужд беспощинно я бы не отказался. Да, кстати, совсем забыл. Еще одним отходом — если очистку верным образом организовать — будет калийная селитра. Казна сможет у меня забрать семьдесят тысяч пудов селитры в год?

Генерал задумался. Точнее, у генерала мозги переклинили, и он на некоторое время впал в нирвану. Но генералы — в отличие от прапорщиков советского времени — славятся умом и сообразительностью. Не все, конечно, но Карнеев, как я уже упоминал, дуболомом не был, так что уже через минуту, даже меньше, он мне выдал свое решение:

— Завтра... да, завтра, к вам подойдет полковник Дорофеев. Адрес ваш в Петербурге вы оставили, он к вам прибудет часам к девяти. И с вами отправится осмотреть ваш заводик, как вы говорите, в поместье вашем. Вы на дилижансе?

— Упаси Господь! — я даже руками замахал. — Даже у моего управляющего три

выезда, дабы дела вовремя делались, а я свое время дороже ценю. Свой экипаж, и свои подставы на каждой станции, так что через неделю этот Дорофеев вам результаты осмотра доложит.

— Огромное спасибо! Да, кстати, чтобы вам снова не надоедать визитами... Ломоносов, помнится, говорил, что Российское могущество прирастать будет Сибирью. Но для освоения сибирских богатств потребуется прежде всего то же железо в изобилии. Если я не ошибаюсь, академик Георги нашел возле Нерчинского Завода и изрядно руды железной, так не позволите ли там мне еще один железный завод поставить? Петровский завод выделяет много если пятьдесят тысяч пудов чугуна, столько на всю Сибирь ну никак не хватит, а я бы в Нерченском Заводе поставил завод, чтобы миллион пудов в год выделять...

— А от Горного департамента что вы получить хотите?

— Исключительно разрешение, все прочее я из своих средств обеспечу.

— И вы знаете, сколько этого прочего потребно будет?

— Знаю. А попутно и сереброплавильный завод многим обеспечу гораздо дешевле, чем оно сейчас обходится: сами понимаете, тот же провиант возить на десять тысяч мужиков или на пятнадцать — разница невелика.

— Интересные у вас мысли рождаются... однако по Нерчинскому заводу я вам сейчас не отвечу, тут все продумать надобно.

— Это я и сам понимаю. А мне когда от вас ответа ждать?

— Когда мне Дорофеев результаты осмотра ваших заводов привезет... Через неделю, говорите? Ну мы-то люди служивые, все по уставу делаем. И в Москву на дилижансах ездим, так что... Но вы же всяко до весны стройки свои не начнете? Да и поместье Волконских, как я понял, лишь весной выкупите. Так что... рассказали вы всё очень интересно, и до Рождества ответ получите. А если не наврали сильно, то со всеми нужными бумагами. Только я вас попрошу отдельно на бумаге ваши предложения по селитре мне отписать. Лично мне, договорились?

Договориться-то мы договорились, вот только с полковником Дорофеевым мне не по пути оказалось. То есть он-то поехал, причем в моем экипаже — а мне пришлось остаться. Похоже, Егор Васильевич, несколько ошарашенный моими планами, пообщался с Егором Францевичем, и посыльный от последнего легонько мне намекнул, что от предложений поговорить с министром финансов отказываться неприлично. А его интерес был мне совершенно понятен, ведь казна огромные суммы тратила на закупку всякого железа (причем не только внутри России, но и в зарубежье), и озвученные мною цены не могли его не заинтересовать.

С Канкрином разговор получился более предметный — в том числе и потому, что министр финансов уже собрал довольно много информации о тульском дворянине, скупившем практически целиком два уезда. На самом деле ему было очень интересно выяснить, откуда у меня появляются такие деньги — но выяснив, что я их не ворую (торговля, конечно, тоже вид воровства, но вполне законный), интерес ко мне потерял. Однако лишь до тех пор, пока Карнеев не рассказал ему о возможной (хотя и скорее всего невероятной) экономии госбюджета. Но раз уж Егор Францевич представлял, из чего и как я делаю деньги, невероятность его не смутила, а лишь «разожгла любопытство».

— Мне сказали, что вы желаете казне железо продавать гораздо дешевле, чем другие промышленники, причем, если я ваши обещания узнал без искажений, вы готовы вообще все

казенные нужды покрыть. Насколько я знаю, у вас выделка железных изделий действительно заметно дешевле обходится, но я не могу понять, что вами движет в стремлении на казенных заказах без прибылей работать?

— Жадность, Егор Францевич, обычная жадность. Ведь нужду в металлических изделиях испытывает не одна казна, а держава, получающая от меня весьма заметную экономию в расходах, причем в совершенно необходимых расходах, вряд ли будет мне мешать разорить тех, кто на казенных заказах лишь наживается и казну эту бессовестно грабит, и уж тем более не будет мне мешать их вообще по миру пускать, заметно снижая цены на рынке. Державе это выгодно, мне — так как я скуплю заводы конкурентов за гроши — тоже выгодно, народу, который получит нужный ему товар дешевле, опять выгодно. Причем моя выгода тут будет двойная: у народа останется больше денег, те же мужики купят больше товаров, а чтобы больше товара изготовить, промышленники побегут покупать у меня станки — за деньги покупать...

— А если держава не захочет разорения промышленников?

— Помешать она сможет лишь одним способом: покупая у них товар втридорога. Но, насколько я знаю, состояние государственного бюджета нынче отнюдь не радостное, так что этот способ неосуществим. И я всех конкурентов разорю, причем довольно скоро разорю. Если же мне держава поможет, причем поможет не деньгами, а, по сути, не будет мне мешать в развитии промышленности и, главным образом, в получении сырья для этой — моей — промышленности, я их разорю гораздо быстрее. Но — прошу обратить особое внимание — я разорю лишь тех, кто занимается первым переделом этого сырья, и занимается — что вы можете на примере моего завода увидеть — совершенно бездарно. Вам ваши инспекторы говорили, что у меня на пуд стали угля тратится вчетверо меньше, чем на демидовских заводах? Нет? В том же Липецке чугунный завод остановили потому что все леса вокруг вырубил, а у меня в поместье уже через шесть-семь лет пропадет нужда в привозе дров для выделки угля, поскольку свой лес, специально для этой цели, кстати, и высаженный, уже все потребности обеспечит.

— И потребности для Липецка?

— Для Липецка нет, но там я рассчитываю уже использовать уголь каменный. Или еще что-то, если мне привилегии на добычу каменного угля держава не выдаст. Правда в последнем случае сталь у меня на треть подорожает, но все равно конкурентов по цене у меня не будет.

— А вы уверены, что иные заводчики ваши методы выделки чугуна и стали не переймут?

— Сразу видно, что разговариваю с человеком думающим, что на самом деле приятно. Я давно уже ждал этого вопроса, и ответ на него тоже давно готов. В этом я абсолютно уверен, уверен просто потому, что для использования моих методов нужно переобучить всех мастеров и всех рабочих. Но в первую голову переобучить самих промышленников, что в принципе невозможно.

— Вы считаете всех дураками?

— Я не могу считать дураками людей, зарабатывающих миллионы. Они не дураки, но они вопиюще необразованны! Приведите мне хоть одного заводчика, который сможет вам объяснить, что такое метиленидифенилдиизоцианат... ладно, хоть одного, который сможет на пальцах рассказать как работает турбодетандер — и я возьму свои слова обратно. Мои мужики, которые на заводе зарабатывают мне по пятнадцати рублей в день, начали

обучаться работе будучи десятилетними парнями и девками, и они работают ровно так, как я их научил. Но я их учил работать именно на этой печи, а если их поставить к другой, они просто работу делать не смогут. Чтобы они смогли работать просто на подобной, но другой печи, нужно им еще года три-четыре обучаться, а чтобы они смогли понять, что же собственно они делают, учиться нужно еще лет десять. И мне потребны именно обученные всем премудростям дела специалисты-мастера, а простые мужики мне вообще не требуются!

— И именно поэтому вы простых мужиков сотнями скупаете?

— Тысячами, уж если быть откровенным. Однако повторю: мне мужики без надобности. Но вы, верно, в курсе, что в моих деревнях — во всех деревнях — обустроены школы, в которых всех детей мужицких возрастом от шести лет обучают грамоте и прочим наукам?

— Что-то слышал, но не придавал особого значения. Сейчас стало модным мужицких отроков чему-то учить.

— Я этим не по причине моды занимаюсь. Из этих детей всего через десять лет вырастут рабочие для моих заводов, каждый из которых мне будет дохода давать... да хоть по пятнадцати рублей, но их будет уже не десятки, а тысячи. А еще лет через пять из этих тысяч вырастет и десяток-другой уже ученых или инженеров, каждый из которых мне доходы обеспечит в тысячи рублей за день.

— Ну насчет тысяч рублей с человека — это, скорее, ваши мечты радужные. Но даже пятнадцать рублей в день с тысячи человек...

— С четырех, сейчас в школах у меня четыре тысячи детей.

— Четыре тысячи, это выходит по шестьдесят тысяч в день?!

— Да, чуть больше двадцати миллионов в год. И половину дохода я готов буду отправлять в казну, причем сугубо на нужды армии.

— Только на армию? А почему, позвольте спросить?

— Не хочу, чтобы мои заводы захватили жадные иностранцы.

— Разумно рассуждаете. А мы найдем, куда сэкономленные средства направить, так?

— Ну уж в этом я не сомневаюсь, — я широко улыбнулся. — Но — через десять лет, не раньше.

— А через три года вы обещаете из Липецка поставлять в казну миллион пудов чугуна... по двенадцать копеек за пуд.

— И стали.

— Хорошо. Раз уж вы денег от казны не просите, то... За Верхний Студенец будете эти три года выплачивать в казну по шести тысяч рублей, это нынешний доход с земли этой. Если вы через три года свое обещание сдержите, то я свою вам поддержку сохраню. А если нет, то уж не обессудьте.

— Не обессудю. Или как там правильно? — и мы оба рассмеялись.

Интерлюдия 2

В которой опять посторонние люди обсуждают вопросы, в которых они ничего не смыслят.

Николай Алексеевич Тургенев с презрением в голосе объяснял своему сыну:

— Если ты денег просить приехал, так не дам я тебе ни копейки. У жены проси, она у тебя богатая. А если корить пришел, то я тебе так скажу: мне уже семьдесят восемь. Я поместье мое устроил, полвека его устраивал. Когда-то удачно, а теперь оно в упадок идет. И я прожился, и земля истратилась — а мне больно было бы смотреть как дело жизни моей насовсем развалится. Так что если дал мне Господь случай пожить по царски, так грех не пользоваться сей случай.

— Тоже мне случай: ни с чем остаться.

— Ты в мой дом пришел, так скажи: много ли ты столь хороших домов повидал? Да в столицах таких хором не найти!

— Так дом-то не твой.

— А у тебя, Сережа, своего вообще ничего нет. Мундир — и тот, поди, из средств супруги построил. Надоест ей твои похождения терпеть — и пойдешь ты по миру с голым задом. А я в доме сем до конца жизни жить буду, и всё у меня свое во время это будет. И выезд, и верховые лошади, и вообще всё что пожелаю.

— Ну а все же: за сколько ты поместье-то продал?

— А сиё тебя вообще не касается. И давай, до свидания уже: мне в театр пора. Там нынче труппа госпожи Ямонтовой дает новую пьесу господина Грибоедова. Посетить не желаешь? За вход просят рубль серебром всего... ах да, у тебя же денег нет. Ну тогда до свидания, я пошел, а тебя дворецкий проводит.

В соседнем доме в это же время разговор происходил более мирно. Илья Петрович Засыпкин расхаживал по дому в сопровождении трех сыновей и рассказывал им о сияющих перспективах:

— Денег у нас теперь изрядно, дом отделать можем так, что и графы с князьями завидовать будут. Но это дело неспешное, а ваши дети таперича в гимназиях обучатся, большими людьми станут, может и сами в графья выбьются.

— Ну куда уж в графья-то!

— Думаю и сие возможно. Нынче чин какой за заслуги получить немудрено, а даже и вы сами заслуг сотворите немало. Опять же, в соседях нынче одни дворяне, глядишь — и породнятся ваши детки-то с соседями.

— Старики одни в соседях, с кем родниться?

— У стариков сих и внуки имеются, а я так думаю, что с гимназиями нынче много к ним внуков сих понаедет. Миллионщиков в губернии не избыток, а ежели за гимназию платить не надо, то кто деньгу сберечь-то не пожелает?

— Про детей это ты, батя, верно отметил. Вот только не нравится мне, что мы в разлуке с семьями подолгу жить теперь будем.

— Не подолгу. Поначалу замечу, что никто не запретит в день воскресный домой вам воротиться. Сие, конечно, не особо радует — но обещают, что уже весной от дома до завода

дорога полчаса займет. Я, конечно, про полчаса не верю, но кто знает? Машину-то вы ведь все видели?

— И как машина нам поможет?

— А как она помогла ему выпуск чугуна вчетверо против нашего увеличить?

— Не знаю...

— И я не знаю. Но ведь помогла! И тут поможет. Наверное поможет, да и если не полчаса, а час дорога займет... Посмотрим, я уже всяко внуков в гимназии да в школы записал.

— Дык ведь их нет еще!

— Весной и нашего дома не было. А я вас чего собрал-то? Мать ваша нынче спрашивала: мебель старые повезем или в магазине новые покупать будем? Ежели старые, то сей же час и ехать надо, а если новые, то рубликов сотни две потратить придется. Но, опять же, деньги у нас есть...

Продолжение развития

Где Герой наш обрastaет если не соратниками, то попутчиками, которые помогают ему делать то, что он делать собрался. Правда, пока еще никому неизвестно, что именно Герой затеял. А возможно, что Герой и сам этого еще не знает...

Договориться с Волконскими о продаже поместья получилось не сразу, хотя предложение я им сделал выгодное. Просто они очень не сразу осознали, что я выгодное для них предложение сделал, наверняка думали, что я их облапошить желаю. Но после долгих и не очень простых для меня разъяснений они осознали, что предложение мое на самом деле выгодное — так что облапошить их вышло даже круче, чем я вначале предполагал.

За все поместье я заплатил деньгами двести тысяч рублей серебром — то есть даже меньше, чем считал достаточным Петр Петрович. Но поместье, по моему мнению, больше и не стоило: крестьян там было чуть больше двух тысяч душ, а поместья обычно так и продавались: по сто рублей с души. Почему-то размер угодий на цену особо не влиял (поскольку угодий этих, как правило, и на простой прокорм «душ» едва хватало), так что запрашиваемая ими цена изначально не имела шансов найти реального покупателя. И вообще я думаю, они просто такую цену выставили чтобы поторговаться в надежде получить чуть больше рынка — но не обломилось им. Тем более не обломилось, что мне в торговле с князьями сильно помог министр финансов. Не знаю уж, насколько умышленно — но когда князья в очередной раз сунулись в Государственный заёмный банк за кредитом, их там вежливо (или не очень — я там не присутствовал), ... в общем, им в кредите просто отказали. А расходы у князей большие, им же обязательно нужно балы всякие устраивать, постоянно модную одежду заказывать — а с доходами от поместий (ну, если ими плотно не заниматься) выходило как-то не очень. Так что в какой-то момент мое предложение стало для них безальтернативным.

Канкрин, впрочем, вовсе не ради меня с Волконскими такой трюк проделал — кредит воронежские князья еще до моего к нему визита не получили, им даже до того, как я с ними о продаже поместья говорить стал. Да и не только они, минфин начал очень серьезно госрасходы контролировать и дворянам всей страны стало весьма трудно перехватить в банке червонец до получки. А потребность в деньгах росла, в том числе и потому, что в очередной раз подушный налог увеличился, немного, на семнадцать копеек в год — но когда у тебя есть лишние крестьяне, то сумма может оказаться для помещика неприятной. Причем даже выгнать на волю таких лишних крестьян помещик не мог. То есть право имел, а вот с технической возможностью были проблемы: только для оформления бумаг требовалось уплатить три пошлины, четыре раза (минимум) пообщаться с губернским предводителем дворянства (тоже момент чаще всего не бесплатный) — так что в сумме набегало до двадцати рублей на крестьянское человеко-рыло. Вдобавок и процесс этот занимал время от полугода и до бесконечности, так что то, что Свинын смог почти всем своим крестьянам вольную дать, я счел почти чудом (правда, все же основанном на моих ему постоянных выплатах). А вот у Волконских чуда не случилось.

А еще больше чуда не случилось в поместьях родного уже Одоевского уезда и некоторых смежных. Но тут уже я смог всем — действительно всем — помещикам дать очень вкусную конфетку. Одоев — город уездный, не заштатный, но в городе каменных зданий было ровно

два. Мужской монастырь и просто сама по себе церковь. А в остальном город напоминал большую деревню — которая хуже маленькой тем, что улицы шастающий транспорт размесил так, что после дождя по ним пройти было трудно, а проехать вообще невозможно.

Но лучше деревни город был тем, что городу принадлежало почти шестьсот десятин земли, а хоть чем-то застроено было меньше ста. Из незастроенных десятин я двадцать быстренько купил как раз «под застройку». На самом деле мне это почти ничего не стоило, так как в Одоеве, как и в любом другом городе России, действовал «послевоенный» закон царя Александра: за «участок» примерно в треть десятины (в разных городах размер варьировался, а в Одоеве он был такой же, как в Москве) в казну города выплачивалась символическая сумма (конкретно здесь — двенадцать рублей), после чего «покупатель» был обязан выстроить на участке дом определенной стоимости и доплатить остаток стоимости земли (в Одоеве этот остаток был в районе рублей шестидесяти). Причем выстроить сарай и заплатить подрядчику за него сто рублей — не прокатывало, стоимость дома определялась городской комиссией «по аналогии». На строительство отводилось три года, и если ничего не построено — участок возвращается в собственность города. Но я ждать не стал...

Первым был выстроен «сельский клуб проекта 2-06-41»: у меня его чертежи в телефоне были и я их успел перенести на бумагу (имея в виду в дальнейшем прослыть крутым архитектором, если ничего другого не подвернется). А чертежи оказались там почти случайно: у меня однокурсник из Балашихи был, и там этот клуб рядом с его домом стоял. Парень утверждал, что клуб этот еще дореволюционной постройки, а я не поверил и проверил. Ну как проверил: спросил у Витьки, он мне ссылочку и прислал. А я все это сохранил, чтобы осенью макнуть однокурсника носом в это самое... В общем, пригодилось — и здание мужики выстроили за три месяца. Цементных-то печей у меня теперь работало уже три, а гипс я в нужных количествах покупал у какого-то купца в Алексине.

Что же до кирпича — то с ним вообще проблем не было. Когда есть много глины и много угля... Конечно, мне угля едва хватало для домны, но не зря меня так волновали «древесные отходы». То есть пеллеты я делать пока не стал, а вот мелкий уголь из всяких веток теперь имелся в изобилии. Потому что он у меня и был «отходом» от совсем другого производства.

Когда есть своя сталь в любых потребных количествах, то никто не мешает сделать для выжигания угля стальные реторты. Во-первых, в них уголь при перегонке не сгорает, а во вторых попутно получается овердофига очень полезных древесного спирта, уксуса и ацетона. Серебро вполне доступно, так что метанол я сразу перегонял на формальдегид, уксус сам по себе спросом пользовался (хотя я знал, как и самому его с пользой применить), а ацетон — это вообще штука очень полезная. Правда я пока не придумал, что с ним делать — и он просто сжигался в печах для получения угля. Однако если в реторту положить не поленья, а мелкий хворост, то метанол, уксус и ацетон все равно образуется, а вот мелкий уголь — его как раз после брикетирования на выделку кирпича я и отправлял.

После постройки клуба (точнее, еще когда он строился) я приступил к строительству жилых домов на новенькой улице. Сначала был выстроен особняк для уездного предводителя дворянства, прямо рядом с моим. А потом — началась постройка уже двух десятков особнячков. Очень уютных и очень современных: с бетонными перекрытиями, с чугунными батареями и собственными котельнями. Кстати, чтобы в домах появилась вода для этих котелен (ну и для прочих нужд) была выстроена и водонапорная башня, а рядом с ней — «классический медленный фильтр» для воды. Уж его-то каждый мой современник видел,

если хоть раз посмотрел «Призрака оперы»: там как раз призрак по такому фильтру в подземелье на лодке и плавал, только я водопроводную станцию поскромнее размером поставил.

Впрочем, этим строительством я все же не лично занимался. Еще в Петербурге договорился с одним тамошним архитектором, Александром Андреевым, о том, что он мне слегка поможет со всем этим строительством. Причем поработать уговорил его буквально «за еду»: пообещал его научить делать перекрытия в домах не из дерева. Конечно, бетонных перекрытий он в жизни никогда не видел, ведь, если мне склероз не изменяет, настоящий портландцемент еще не изобрели. Мужик реально охренел от открывающихся перспектив в архитектуре и «нарабатывал опыт» больше полугода, вкалывая на стройках с рассвета и до заката. Самое смешное, что как делается этот цемент, он даже не спрашивал — ну а я и не капал ему на мозги лишними знаниями, однако все двадцать четыре особняка (практически голые коробки, без внутренней отделки) парень выстроил.

Очень кстати мне эти домики успели: в них очень быстро переселились из своих поместий окрестные помещики. У меня условие было простое: хочешь удобный красивый дом в перспективном развивающемся городе — продай мне ненужное поместье. А ведь поместья многим и в самом деле были не нужны: доходу с поместья крохи, сил на поддержание его хоть в минимальном порядке уходит много. Кстати, начет доходов: оказывается, величина оброка серьезно регулировалась законом, и в среднем помещик-дворянин с одной «души» получал денег около четырех рублей. В год, при этом подушных платя в казну больше полутора этих самых рублей. Ну еще сколько-то мог выручить, продавая то, что крестьяне вырастили — но это если лично этим заниматься. А такого понятия, как «честный управляющий»... впрочем, тот же Игнатъев был честным, но даже с ним в условиях тульской выпаханной земли пятерку чистыми с рыла получить было непросто. А тут — и шикарный дом, и денег много и сразу! Да еще куча практически бесплатных развлечений...

Клуб, в котором почти сразу начали давать представления «домашние труппы» большинства помещиков, был не самым привлекательным из развлечух. На самом деле очень многие помещики реально «развлекались», придумывая всякие улучшения в хозяйстве. Селекцией занимались довольно активно — по возможности, конечно, но вот с возможностями у них раньше было не густо. Потому что «текучка заедала», а я их от «текучки» как раз и освободил. А для «полезных хобби» специально выделил полсотни десятин рядом с городом, в выкупленном таким же нехитрым способом поместье Ламино. Из проявивших особый интерес к таким «развлечениям» мне понравился древний старик по фамилии Тургенев: во-первых, у него был неплохой сад с удивительными яблоками, а во-вторых, он довольно серьезно занимался селекцией кур. Яблок его яблони давали очень мало, да и были они чуть побольше куриного яйца — но, когда созревали, они были ярко-желтыми и прозрачными. Не как стекло, а как мутноватый янтарь, даже семечки слегка просвечивали. И были они очень сладкими. А кур он разводил по принципу «чем больше тем лучше», и средняя курица у него весила килограмма четыре (а петухи и за пять перерастали), причем курицы до таких размеров отъедались где-то за полгода... ну, за год точно отъедались. Правда и жрали как не в себя — но с кормом проблему я в принципе решить мог. А вот что делать с яблонями, было не совсем понятно: поместье старика находилось в соседнем, Черненском уезде, там возиться с селекцией было некому, а привить на местные деревья — наверное, поздновато: старику уже под восемьдесят было. А ездить ему туда —

так это побольше полусотни верст...

Впрочем, про версты у меня уже возникли некоторые идеи. Причем не на пустом месте: удалось удачно прикупить соседский чугунолитейный заводик в Ханино. Вообще-то для владельцев завода Засыпкиных прошлый год вышел как бы и очень неплохим: выплавить они смогли уже четырнадцать тысяч пудов чугуна, да и цена на металл из-за моих крупных закупок поднялась уже копеек до тридцати за пуд. Но Москва уже после войны практически полностью отстроилась, так что спрос на их основную продукцию (то есть на печные колосники и дверцы) резко снизился, и прибыли у них получились всего лишь чуточку больше двух тысяч рублей. С завода около двух тысяч, а с сельского хозяйства, которым занималась в основном жена старшего Засыпкина, они получили еще тысячу с четвертью. Конечно, прибыль — в любом случае не убыток, а год на год не приходится, но я им сделал предложение очень выгодное.

Засыпкиных я уважал за то, что мужики там всей семьей вкалывали всерьез. Выпуск чугуна из печи всегда проводил кто-то из сыновей, Илья Засыпкин — отец семейства — из литейного цеха не вылезал. В общем, «железное дело» они знали и работать не ленились, а то, что начали в рыночек не вписываться, так это дело поправимое. То есть я знал, как дело поправить — и предложил им простую сделку. Суть ее заключалась в том, что поместье и завод я выкупаю, младших Засыпкиных нанимаю на постоянную работу с окладами по сто рублей в месяц, старшего — Илье Петровичу было уже за пятьдесят — с окладом в две сотни ставлю начальником формовочного цеха. За поместье плачу «по рыночным ценам», то есть за две с небольшим сотни рыночных «душ» отваливаю пятнадцать тысяч рублей серебром.

Правда сначала я им предоставляю «неоплачиваемый отпуск» до лета — пока я перестраиваю их завод. То есть одного человека (пусть сами выберут кого) с зарплатой в шестьдесят рублей на это время я нанимаю «по отдельному контракту» наблюдать за копаньем руды и рубкой дров — но это если они сами захотят. Илья Петрович «захотел», причем, как я понял, не из-за денег, а чтобы поближе к заводу быть и разобраться, что я буду перестраивать. Ну да мне не жалко, пусть смотрит.

Три сына у меня «временно пристроились» на обучение: парни умные, грамотные, просто знаний им не хватает — вот я им знания и давал по возможности. Дом в Одоеве я себе выстроил трехэтажный, просторный — вот одну комнату на первом этаже под «учебный класс» и отвел. Правда поначалу парни в классе просто бамбук курили, но когда я им рассказал про химию процесса превращения руды в чугун, глазенки у них загорелись.

Сильно так загорелись, но по-разному. Старший, Николай, начал копать в сторону способов увеличения производительности домны за счет выбора наилучшего сырья, средний, Егор, серьезно заинтересовался улучшением «моих» кауперов, а Михаила — младшего — спустя три месяца Авдотья начала срочно обучать французскому языку: парень всерьез увлекся химией как таковой и я решил, что ему будет крайне невредно скататься до городу Парижу, поскольку во Франции много народу всерьез химией занимались и вот у них чему-то полезному научиться будет очень неплохо. Чтобы ему не очень скучно в загранице было, в помощь ему Авдотья начала срочно готовить еще полтора десятка парней из гимназий и реальных училищ: если получится, то человек десять весной отправятся перенимать передовой зарубежный опыт.

Еще в городе строились сразу две гимназии (мужская и женская) и две школы «для простолюдинов» — ими занялся, за соответствующую плату конечно, тульский архитектор Евгений Нежданов. И вот с ним у меня чуть до драки не дошло: здания он спроектировал

красивые, но просто не желал понять, как можно дом без печей зимой отапливать, а еще никак не мог воспринять идею ватерклозетов. Но когда я ему это смог в конце концов объяснить (и показать живьем в только что выстроенном клубе), товарищ так вдохновился, что пообещал все школы (и обязательные для них в небольшом городке общежития для учащихся) выстроить до осени. И обещание свое выполнил.

Все это было хорошо, вот только Алёне очень не нравилось то, что я как бы и дома сидел, но ни на нее, ни на дочку внимания почти не обращал — ну, она так думала, на самом деле я каждый день и с дочкой играл, и с женой обсуждал всякое — да и не только обсуждал. Однако женщины — существа непредсказуемые, если что в голову себе вобьют — хрен выбьешь, и пришлось с этим просто смириться. Конечно, воспитание не позволяло ей вот так прям в глаза мне претензии свои высказать, но я же чувствовал. И решил ее слегка от тяжелых мыслей отвлечь, предложив устроить в Одоеве типографию и начать выпускать городскую газету. Алёна идею обсудила с другими помещицами, совместными усилиями те прикинули, кто их соседей делу помочь сможет (скатавшись быстренько в заграницу чтобы купить потребные машины) — и это Алёну заняло где-то на месяц. А потом я ей торжественно пообещал, что с обучением чужих людей я завяжу как только завод в Ханино заработает. Честно пообещал: когда завод заработает мне просто некого учить станет.

Перестройка завода закончилась в конце апреля. За это время старую домну я просто снес целиком (большой частью ради неплохих кирпичей, пошедших на постройку новой), на ее месте выстроил новый «доменный цех» с тремя такими же кауперами, как на моей домне. Где «выхлопом» этих кауперов еще и вода грелась для паровой машины.

Да, паровую машину — первую паровую машину — я сделал еще когда только собирался конвертер соорудить. Ее изготовил из остатков первой и целиком из второй пушки, прямоточную (она конструктивно попроще обычной «двойного действия» и КПД у нее почти вдвое выше), мощностью сил примерно в десять. Она и качала воздух в конвертер — потому что никакими мехами потребные три или четыре атмосферы не накачать. Я же не просто так из первого чугуна, в домне выплавленного, отлил цилиндры для воздушного насоса, а когда паровая машина все же заработала, то удалось и «цирк с конями» прекратить, и закачку воздуха в домну сделать действительно непрерывной.

Потом я уже чугунную машину сделал, немного побольше — она получилась уже под сорок сил мощностью и весила чуть меньше тонны. Эту — вторую — я приспособил для кручения токарных станков. Совсем хреновых, но уж всяко лучше, чем любой из существующих. А когда есть токарный станок, то становится очень просто выточить валки для, например, прокатного стана. Не такого, как по телевизору показывали, а совсем уж примитивного: на вертикальной раме их несколько рядом друг с другом ставится и железяка через одну пару валков за раз и пропускается — именно такие сейчас в «развитых странах» и использовались. Чтобы железяка не просто так каталась туда-сюда, ее нагреть надо — и поднялись рядом со «станом» две длиннющие нагревательные печи. Они уголек тратили со страшной силой — но из стана выходили очень полезные железяки. Например, стальной прут, который вполне годится в качестве арматуры для железобетона — без которого хрен бы я чего построил в Одоеве. И вообще где бы то ни было...

Ну а когда я прикинул предстоящие поступления неплохого металла, мне пришла в голову светлая мысль о том, что металлопрокат бывает разный. И что на стане можно не только проволоку-катанку гнать, но и рельсы например. То есть рельсы я и раньше уже наделать успел, у меня теперь по рельсам катались разливочные ковши от домны до

конвертера и в литейных цех, но там всех путей было метров сто. А если проложить рельсы от нового завода до города, а потом и дальше пути кинуть...

Игнатъев в очередной раз пережил повышение оклада жалования, на этот раз до пятисот рублей в месяц, и приступил к покупке всех поместий по дороге от Черни до Липецка. Конечно, дело это не быстрое, да и не дешевое...

В конце лета, когда в Верхнем Студенце уже завершалось строительство первой домны, Карнеев прислал мне бумаги о праве собственности на Нижний Студенец. С оговоренным условием об уплате в казну шести тысяч в год в течение трех лет — а вот тот момент, что «если завод не заработает, все обратно взад вертать», там не упоминался. Видно не зря полковник Дорофеев в этой деревне три месяца просидел, по несколько раз в неделю навещаясь на стройку. Вероятно, он действительно был неплохим специалистом — если не по металлургии, то уж по общим хозяйственным вопросам, поэтому именно с его подачи (мы с полковником этот вопрос несколько раз обсуждали) мне было предоставлено право «выкупать для казенных нужд за свой счет» землю и крестьян-однодворцев, чье село лежало как раз между Студенцами. Формулировка такая использовалась не просто так: «для казенных нужд» означало, что хозяина никто спрашивать не будет и цену установит казна. То есть Канкрин, который за казенную копейку любого сожрет и не заметит. Понятно, что платить предстояло мне, а не казне, и с ценами было не все так сладко — но вот отказаться продать мне то, что я пожелаю купить, эти мужики не могли.

Ну да ладно, мне пока и того, что есть, хватит. С учетом полученного (правда за деньги) небольшого участка на Северском Донце, в том месте, где позже появился город Донецк (и не тот, который Юзовка или Сталино). Сейчас там находилась казачья «бродячая станица» со странным названием «Гундоровская», а территория вроде как относилась к землям Войска Донского, так что по моему поводу был издан специальный рескрипт царя о том, что этот участок, размером в пятьсот десятин, выделяется в особую «казенную собственность» и передается в пользование мне «в пользование ради развития производств железных». Станица была «бродячей» потому что за лет десять она уже четыре раза переносилась с места на место, и каждое новое оказывалось ничуть не лучше предыдущих и в половодье все равно ее затапливало. Не знаю, насколько казакам понравилось то, что у них еще кусок земли отрезают, но никаких гадостей от них я не почувствовал. Да и то, земля была паршивенькая, урожаями совершенно не баловала — к тому же и пахать ее было сущее мучение. Но я там ничего пахать и не собирался. Мне вообще не до того было...

Интерлюдия с ретроспективой

В которой некоторые посторонние люди все же делают что-то, приносящее пользу Герою.

Николай Павлович оторвался от открывающихся за окном видов и повернулся к сдавленно хихикающему полковнику Дорофееву:

— Николай Сергеевич, позвольте поинтересоваться: что это вас так рассмешило?

— Да вот, Алёна Александровна опять в своем репертуаре, — полковник протянул Императору газету, которую он перед тем внимательно читал. — Она местную газету редактирует, ну и сама заметки пишет, весьма, я бы сказал, забавные иногда. То есть почти всегда забавные, я даже слышал, что многие в городе газету сию выписывают исключительно ради того, чтобы почитать очередной её опус. Ну а вчерашний выпуск мне особенно понравился...

Николай взял протянутый листок, вверху которого большими и какими-то вычурными, на его взгляд, буквами красовалось название «Известия» и чуть ниже буквами помельче пояснялось «Одоевского и Черненского советов». Совсем мелкими буквами и обычным шрифтом была приписка «Цена газеты полкопейки, по подписке на год 1 рубль». А заглавная статья называлась (причем здесь шрифт был какой-то непривычно-рубленый) «Визит Императора». Николай давненько не сталкивался с тем, что в газете о его визите писали заранее, поэтому он с интересом довольно небольшую заметку почитал:

«Сообщаютъ, что къ намъ заѣдетъ Государь Императоръ с целью осмотра заводовъ. Въ связи съ этимъ приказываю: челобитныхъ Государю въ руки не совать, съ прошениями къ нему не приставать, автографы не выпрашивать, а будетъ кто, то я свой автографъ пропишу такому. Если у кого къ Императору просьбы, сдавайте ихъ в письменном виде въ Канцелярию вашего Совета, все таковыя прошения Императору передадутъ.

Съ работы на улицы ради встрѣчи с Императоромъ не убегать, на улицахъ не толпиться. Всехъ замеченныхъ в этомъ отправлю въ рекруты. Включая мѣщанъ и дворянъ. Особъ женскаго полу отправлю на Кавказъ, въ Магаданъ и продамъ туркамъ въ рабство.

Если Императоръ возжелаетъ кого-либо спросить о чемъ угодно, отвечать безъ лукавства, подробно, исчерпывающе, но кратко: минута времени Его Императорскаго Величества дороже золота, что вы за всю жизнь не заработаете. При отвѣтахъ на вопросы отъ работы оторваться можно и нужно, но потомъ немедленно къ ней вернуться: ружья сами себя не сделаютъ, а генераль-фельдмаршалу графу Ивану Фёдоровичу Паскевичу-Эриванскому безъ нихъ надрать жопу подлымъ ляхамъ, которыя на Государя бочку катятъ и земли Российскіе отторгнуть желаютъ, будетъ труднее.

Для малограмотныхъ повторяю:» — далее шел тот же текст на французском, немецком и английском.

— Это кто же мещан и дворян в рекруты сдать собирается? И при чем здесь автограф? А Магадан — это вообще где?

— Я же говорю: Алёна Александровна, это супруга Никиты Алексеевича. И все ту знают, что никого она в рекруты сдавать не будет и продавать никого не станет. Про автографы вообще анекдот случился, когда по приглашению Алёны Александровны в Одоев господин Пушкин приезжал. А про Магадан, еще про Воркуту какую-то — это, мне кажется,

что-то вроде местной детской пугалки, вроде как у черта на куличиках. Она дочь помещика Свинына, но воспитывалась среди крестьян, так что в речах ее, как Никита Алексеевич говорит, иногда заносит.

Николай вопросительно взглянул на сопровождавшего его предводителя Одоевского дворянства Бачурина, и тот немой вопрос Императора уловил:

— Позволю себе несколько поправить Николая Сергеевича, он у нас часто бывает, но все же наездами, да и гостем. Про автограф — когда господин Пушкин приезжал и девицы автографы в альбомы у него выпрашивать бросились, прописала она им всем свои — вожжами по... — предводитель замялся.

— По жопе, я понял, — ухмыльнулся Николай. — Продолжайте.

— Кавказ и Магадан с Воркутой — это дальние усадьбы, там старые господские дома в полное уныние и разруху давно пришли. В Одоеве да Черни все господские дома на деле-то собственность Никиты Алексеевича, и помещики, что усадьбы ему продали, тут, почитай, по милости его живут. То есть он обещал им дома в пользование пожизненное предоставить, но вот какие... А туркам в рабство — тут давеча армян какой приезжал, хотел девок пригожих купить да в Турчетчину их перепродать, так Алёна Александровна, о том прознав, велела его на площади городской плетью пороть пока кричать не перестанет...

— И что?

— Монаси его пороли, а они весьма крепки телом и поношения христианства не стерпели... Так что в устах Алёны Александровны угроза сия означает, что наказание людям церковь определит, и определит весьма строго.

— То есть её все боятся, я так понял?

— Нет, не боятся, совершенно напротив её все здесь буквально боготворят, причем не одни лишь крестьяне, дворяне в большинстве своем ее не просто уважают, а даже, я бы сказал, любят. Мало что она газету ежедневную издает, она еще и театром городским изрядно управляет, и в обеих гимназиях директорствует, и в реальных училищах тоже. И народными школами заведывает. Опять же, музыкальная фабрика Хотминского ей принадлежит.

— В обеих гимназиях? Их тут не одна? Я вообще подумать не мог, что в уездном городишке... сколько же тут народу живет?

— Гимназий тут две, мужская и женская. И два реальных училища — это в городе. Да, Одоев — город небольшой, но гимназисты и учащиеся реальных училищ со всей округи собраны, для них и жилые дома специальные имеются, общежитиями именуемые. А в уезде, точнее в двух уездах еще и народных школ десятка два — это по деревням из тех, что побольше. В Черни еще училище, в коем учителей для народных школ обучают, и училище музыкальное. Пока учителей, конечно, не хватает, но обещают, что года через три указ о том, что все должны минимум четыре года обучаться...

— Тут даже указы свои? Это что, вообще отдельная страна, не Россия уже?

— Россия конечно, но... тут всё еще сложнее. Два уезда — Одоевский и Черненский, за исключением собственно Одоева и Черни — это всё одно поместье Павлова, а по поместью указы издавать он в своем праве. В городах — я Одоев и Чернь в виду имею — больше половины домов тоже Павлову принадлежит, так что... Сюда же в поместье входит и почти четверть уезда Ефремовского, и ходят слухи, что в следующем году и тот в поместье почти целиком войдет: в Ефремове господин Павлов нынче две улицы особняками застраивает, а театр и две гимназии уже выстроил. И всем почти сие нравится, поскольку жизнь стала куда

как приятнее. И дворянам, и мещанам, и мужикам тоже. Вы, Ваше Величество, в Липецке когда будете, просто зайдите в дом любой, сам все увидите.

— Хорошо, найду.

Снова повернувшись к окну, Николай вспомнил начало своего визита в эту удивительную провинцию...

Две недели назад, когда он только собирался провести «ревизию» Тульских заводов, к нему с докладом прибыл директор Департамента горных и соляных дел Карнеев, заодно решивший отчитаться и за свою ревизию Луганского завода. И его предложения по исправлению на заводе дел Николая очень удивили:

— Вы на самом деле считаете, что отдать ему казенный завод будет благом?

— Совершенно верно. В Липецке он завод за год поднял буквально в чистом поле, и, как обещался, в год отдает в казну миллион пудов железных изделий, причем на два года ранее обещанного. И не простого железа, а именно что готовых изделий, кои в армии и во флоте весьма высоко оценены. В особенности в армии довольны его стальными пушками: на треть легче чугунных и стрелять могут гораздо дальше поскольку прочнее и усиленный заряд прекрасно держат. Иван Фёдорович насчет пушек этих особую благодарность Павлову высказывал. Морское ведомство тоже довольно, железный приклад для кораблей у него куда как лучше, чем все, что ранее для флота закупалось. И опять отмечу: казна за все это не платит ни копейки лишней, почему и Егор Францевич предложение мое всецело одобряет.

— Егор Францевич что угодно одобрит, если это ему копейку сберечь может.

— Тут не о копейках разговор, стальные детали его выделки до двух миллионов экономии только по армии дают. А если еще и обратить внимание на ружья, кои он для заводской охраны выделывает...

— Этим пусть Артиллерийское управление занимается.

— Позвольте дополнить, — в разговор вмешался сидящий ранее молча в углу кабинета Александр Христофорович, — тут уже я хочу отметить, что ружья те весьма изрядны. И то, что на них Егор Францевич внимание обратил, более чем понятно: с калибром в четыре линии заместо семи только на пулях они экономию свинца втрое дают. Со своей же стороны скажу, что если солдату способно будет втрое больше пуль в походе с собой иметь, то в бою сей солдат над противником изрядное преимущество получит.

— А что же мне никто о ружьях тех не докладывал из генералов штаба?

— Тут дело иное, — Александр Христофорович тяжело вздохнул, — обязательства свои, что писанные, что устные, Никита Алексеевич исполняет дотошно. Обещал поставлять без излишней оплаты, по своей стоимости, чугун литой и сталь кованую, их он и поставляет. А ружья — сие есть предмет механический, изделие, как он говорит, прецизионное, так что за них он деньги просит немалые. По двадцати семи с полтиной серебром, и это если, как у него в спецификации написано, с рубленным прикладом.

— Это как?

— Это когда приклад ружейный действительно как топором рубленный из полена. Солдат, конечно, под себя его и подстрогать может, но по уму требуется его и лаком верным покрыть дабы от воды не вело его, и вообще... И это для дульнозарядных ружей, а какие с казны заряжаться могут, то за те вообще по сорок рублей с полтиной просит.

— Это что же у него за ружья такие? И кто их покупать-то будет?

— Да много кто покупает. Те же казаки, что по уряду на Кавказ едут: говорят, что они

вдвое дальше против нынешних стреляют, причем довольно метко. Генерал Паскевич из своих средств в Польшу таких изрядно заказал, хвалил очень, вот и я решил посмотреть сам, что это такое. И что за ружья — так могу и показать, мне как раз вчера парочку привезли.

— Так давайте завтра и посмотрю, на стрельбище. Но для армии за такие деньги...

— А насчет завода в Луганске каково ваше решение будет? — снова задал вопрос Егор Васильевич.

— Я пока не решил. Одно дело ружье хорошее выделать, а завод... Как вы говорите, он сказал? Там ничего улучшать не надо, а надо все снести и?... слово забыл.

— И по-людски построить. Вот, пусть полковник Дорофеев подтвердит, что предложение сие выглядит вполне разумно.

— Ваше величество, — тут же высказался означенный полковник, — Мне думается, что если вы сами его заводы увидите, то и решение верное сразу примете. А посмотреть на заводы эти будет вам весьма интересно, там одни машины новейшей конструкции будут интереснее, чем все заводы Демидовых. Вы же всяко в Тулу ехать решили, а там до его заводов и езды-то полтора часа. Опять же, не в упрек Тульскому голове скажу, гостевые апартаменты в Одоеве гораздо уютнее, а уж кухня там — просто объедение.

Царский поезд в Тулу из Москвы доехал к шести вечера, и — по настоянию Дорофеева — было решено немедленно отправиться в Одоев. Николаю было просто интересно самому посмотреть, каким волшебным манером можно за полтора часа семьдесят верст «с большим комфортом» проехать. Поэтому царский поезд — все восемь экипажей — сразу же подъехал к выделявшемуся из всех прочих построек красной черепичной крышей двухэтажному белокаменному зданию. Пройдя через него, Николай увидел несколько очень больших закрытых повозок с огромными стеклянными окнами, возле которых стояла, пыхая паром, какая-то машина. Вообще-то паровые машины Николай уже видел, так что он удивился лишь тому, что машина была совершенно белая, а на конце явно котла имелась большая звезда красного цвета.

— Вот, Ваше Величество, извольте: сия машина и есть паровоз, о котором ранее рассказывал, — проинформировал Императора Дорофеев. — А это вагоны, в которых все и поедут в Одоев. Ваш вот этот, белый, это личный салон-вагон Алёны Александровны. Для господ генералов синие вагоны, для лейб-гвардии зеленые. А бело-голубой, впереди поезда поставленный — это кухня и буфет, оттуда можно заказать что пожелаете.

— А цвета разные — это чтобы офицеры не путали, в каком вагоне едут? — рассмеялся Николай.

— Отнюдь, внутри вагоны весьма различны. В синем кресла кожей обиты оленьей, мягкие, а зеленом — сиденья деревянные и теснее стоят. А в салоне — он снова указал на белую повозку, — вроде и место для сна имеется, и стол для дел каких или же для обеда. Ну и ретирадник куда как лучше отделан. Мне в нем ездить не доводилось конечно, но рассказывали.

— Ретирадник в вагоне?

— В каждом есть, просто в каком покрасивее, а в каком попроще. В Липецк-то поезд семь часов идет из Тулы, как же без ретирадника?

— Понятно, — протянул Николай, хотя, откровенно говоря, он пока еще ничего про поезд не понял. — Но выходит, что я поеду в женском вагоне?

— Что вы, государь! Просто сей вагон Никита Алексеевич супруге презентовал, но она

на нем и не ездит никуда. Посему люльки, что для младенцев были в нем поставлены, убрали, и сейчас его именуют просто «вагон для почетных пассажиров».

— Полковник, вы, гляжу, уже все тут знаете, так что поедете со мной, будете рассказывать что там и как.

В вагоне Николая очень удивила огромная кровать — такая, на которой и ему было можно вытянуться, и он даже поинтересовался у Дорофеева:

— А это Алёна Александровна что, такая же дылда как и я?

— Да нет, женщина она, конечно, высокая, но всяко не выше Натальи Николаевны Пушкиной. Ну, разве что на полвершка. А если вы про опочивальню — так у Павлова давн заведено, что в любом постоялом дворе должно быть место, и для императора годное: мало ли, говорит, куда император по делам приехать пожелает, так ему везде место для... как он там говорил, ну да, для плодотворного отдыха должно найтись.

Когда поезд тронулся, Николай с любопытством разглядывал в окно проносящиеся мимо просторы. Почти такие же, какие были видны и из окна экипажа. Неожиданно, после очередного поворота, в окне он увидел очень странную деревню:

— Полковник, а это что такое?

— Это мы въехали уже в поместье Павлова, тут все деревеньки теперь такие. Поначалу, конечно, выглядит непривычно...

— Это Павлов что, сумасшедший?

— Определенно нет. Дома сии ему встают даже дешевле обычной рубленой избы, а мужики у него болеют меньше и, следовательно, работают больше и лучше.

— Дешевле? А колонны перед входом он ставит чтобы еще дешевле дома сделать?

— Именно так. Колонны у него на бетонном заводе льют, лучше вас самому увидеть как. И обходятся они не дороже пары дюжин кирпичей, к тому же служат опорой для перекрытий бетонных, сиречь каменных, очень тяжелых но совершенно негорящих, и крыши черепичной. Что тоже изрядную экономию дает, ведь в такой деревне пожаров опасаться не приходится...

Осмотр металлургического завода в Ханино много времени не занял, но все, что для себя отметил Николай из интересного, свелось к паровой машине, да и то, лишь потому, что ему сказали, что «точно такая же и на паровозе стоит». А еще такая же стоит и на другом заводе, в Одоеве — и вот там царю очень понравилось смотреть, как делаются заинтересовавшие его «колонны для мужицких изб». То есть, как ему пояснили, их и для изб использовали — а вообще-то их отливали (в вертящихся на хитрой машине формах) из какой-то «серой каши» много для чего, и главным образом для железнодорожных станций: там на таких ставилась крыша над платформами, где пассажиры в дождь могли в вагоны садиться не боясь намокнуть. Но все «самое интересное» императору пообещали показать на заводе в Липецке, так что Николай решил еще на день задержаться, благо из Одоева в Липецк по рельсам можно было добраться меньше чем за пять часов.

Когда поезд остановился возле очередной станции («для пропуска встречного поезда», как подсказал Дорофеев), внимание Николая привлек яркий щит, установленный у дороги в том месте, где она ныряла в лес. «Мужики, берегите природу — мать вашу!», гласила сделанная на фоне нарисованных зеленых деревьев и голубого неба большими белыми буквами надпись на щите, но внимание Николая привлекло не это. Он повернулся, подтолкнул сидящего в кресле и что-то увлеченно читающего Бенкендорфа, и, указав на щит, спросил:

— Александр Христофорович, тебе это ничего не напоминает?

Главжандарм Российской Империи усмехнулся:

— Тут даже цензурной комиссии придаться не к чему будет.

— Вот именно, и придаться не к чему. Но если всё написано цензурно, а читаешь написанное матом...

— Думаете, опять канадский подполковник? У него тоже все написано было русским языком, хотя и сплошные ошибки, и из-за них, думаю, там многое воспринималось как матерщина... а здесь ошибок-то нет!

— Здесь и мужик лапотный ошибок бы не наделал, негде просто.

— С этим соглашусь. Прикажете за этим Павловым повнимательнее проследить?

— Нет. Наверное нет. Я подумаю... завод его в Липецке посмотрю, тогда и решу.

Продолжение развития

Где Герой догадался, наконец, что он, собственно, хочет сделать, и как. И приступает к реализации своего проекта.

Чтобы совсем уж подружиться с тульскими властями, я в городе выстроил (на что всего-то четыре месяца ушло) «передовой инфраструктурный объект». То есть я его выстроил большей частью из-за того, что от заводов до домов, для рабочих выстроенных, было далековато, а мне уставший в дороге рабочий возле станка был нафиг не нужен. Конечно, мало кто мог за полчаса устать — но я решил не рисковать и выстроил в городе трамвайную линию. Ну как трамвайную, конку конечно, но назвал ее именно этим словом. Причем в Туле рельсы уложил в полутораметровую колею: подумал, что если в вагон народу лишку набьется, то упитанные работяги на узкоколейке его и перевернуть смогут.

Правда, чтобы построить трамвайные пути, годные для конной тяги, пришлось еще немножко поднапрячься. В селе Стрелецкие Выселки возле Михайлова (это была уже Рязанская губерния) пришлось поставить четыре цементных печи и цех по выпуску бетонной плитки. И выстроить все это было несложно, а вот заполучить село в собственность... Официально оно никому не принадлежало, там жили лишь однодворцы. Бедно жили, можно сказать нищенски (земля была уж совсем убогой, урожаи часто едва покрывали расходы зерна на посев), но народ за эту землю держался буквально зубами. Мне с огромным трудом удалось уговорить лишь одного мужика на продажу земли (причем лично к нему пришлось ехать), но после этого все стало проще и через год мне всю землю вокруг села продали. Потому что первому мужику я выстроил «стандартный сельский дом», выдал «казенную» (то есть мою все же) лошадь с телегой и нанял его же за нормальную зарплату на работу. Простую, возить известняк и глину с карьеров — однако доходы мужика сразу выросли втрое (и это при том, что он еще и жить стал в «настоящих хоромах»). И если раньше мужики мотались в Михайлов в надежде подрядиться на перевозки каких-то грузов, то теперь они дома зарабатывали больше...

Но чтобы делать много цемента, то нужно и гипса много. Где его взять — я в принципе знал, проблема была в том, что село Княгинино принадлежало Бобринским, у которых выкупить кусочек земли было делом практически невозможным. Точнее, в принципе невозможным: это село, как и несколько других, для моих целей подходящих, составляли майорат — то есть эти земли вообще нельзя было продавать целиком или частями, или даже в аренду отдавать. Однако все же знают: если нельзя, но очень хочется, то можно.

В Российской империи было кое-что такое, какое ни при каких обстоятельствах не могло стать частной собственностью. Это были «федеральные» дороги: и сама дорога, и некая «полоса отчуждения» принципиально были государственной собственностью. А Йоган-Каспар-Михаил Трейблут «за определенную мзду» записал дорогу в Бобрики и еще одну, из Бобриков куда-то в сторону Скопина, как раз в «казенные». Мзда была, с моей точки зрения, довольно скромной, причем выдал я эту мзду тульскому губернатору еще до того, как гипсом озаботился: в Туле мною была выстроена губернская больница. А еще одну мзду, на этот раз уже живыми деньгами (и в сумме сто двадцать тысяч рублей) пришлось отдать Бобринским за то, что у этой «федеральной трассы» полоса отчуждения была нарезана аж в сто сажень при «традиционных» десяти-двенадцати. Моя хитрость

заклучалась в том, что на полосе отчуждения губернские власти могли делать что пожелают. Обычно там строили какие-то постоянные дворы, трактиры для проезжающих — а я начал строить шахты. Причем — очень незаметно стал их строить: выкопанную землю высыпал на строящуюся «шоссейную дорогу», так что никакие отвалы или терриконы суть стройки (проводимой за высоким забором) не выдавали. А сами Борбринские — в поместье своем они и не появлялись, а управляющим было на все, что у дороги творится, вообще начхать. Откровенно говоря, относительно «не начхать» на шахту было лишь одному человеку: Андриюше Юреневу. Этот парень успешно закончил гимназию в Одоеве в прошлом году и пристроился на работу по постройке гипсовой шахты. Начальником стройки, так как других грамотных людей на эту должность не нашлось — и он очень старался не ударить в грязь лицом...

Алёна в конце концов меня достала. Не в смысле надоела, а в смысле заставила сделать для неё нужный механизм. Не только ей, конечно, нужный — но нужный именно ей в первую очередь.

Вообще-то с портными разного рода и разного уровня мастерства всё было очень неплохо, но жене надоело объяснять, в какую именно одежду ей хочется одеть дочку, и, главное, почему. По её единственно верному мнению дочь следовало одевать красиво — но вот понятие о красоте у Алёны было несколько... оригинальное. Когда еще она занималась переписыванием разного рода текстов с телефона на бумагу, мне пришлось её с телефоном обращаться научить, а ведь там не одни лишь тексты были. Там были еще и фильмы...

Фильмов, правда, было немного: мои любимые «Сватовство гусара», «Ханума», «Ах, водевиль, водевиль», «Дуэнья» и «Собака на сене». А когда я ей объяснил, зачем она занимается переписыванием текстов — мол, скоро девайс сломается и больше ничего из него извлечь не выйдет — она лишь уточнила «почему сломается» и, выяснив, что исключительно «от времени», фильмы эти пересмотрела раз по сто. По моему, она их просто наизусть выучила — но и представление о «красивой одежде» у нее сформировались... кинематографические. Однако с изобразительным искусством у нее пока не сложилось (хотя она и наняла себе парочку учителей рисования), так что ей было проще самой сшить что хочется. А ручками шить — это занятие для очень терпеливых граждан, к коим супруга моя драгоценная не относилась.

Поначалу я Алёне сделал однострочную ручную машинку, которая «умела» цепным швом шить. Очень оказалась полезная игрушка — но цепной шов, если нитка посередине порвется, целиком расплзается. То есть сметать что-то им можно, ну или зашить что-то по быстрому в полевых условиях — но всерьез ее использовать все же нельзя.

Короче, я стал для нее изобретать «нормальную» швейную машину. Основным принцип я понимал: игла с ушком на остром конце, челнок, нитку цепляющий с иглы и всё такое — но вот с кинематической схемой пришлось изрядно помучаться. Но все же незаконченное инженерное кое-что дает в плане разработки экзотических конструкций, так что всё я придумал. И даже воплотил — вот только качество воплощения оказалось не очень. И однажды, когда я с использованием разных идиоматических выражений пытался механизм заставить работать, ко мне подошел нехилый такой мужчишка.

Вообще-то «механическая мастерская» на Дворянской улице в Одоеве была открыта для всех желающих, и народ разный там постоянно шастал. И многие сами что-то делали, невзирая на титулы и звания: скучно же ничего не делать. Раньше кто по дереву вырезал, кто

картинки малевал — а тут появилась возможность и в металле что-то «увекочечить». Так что появлению верзилы я не удивился, но пока еще я его здесь не встречал...

— Позвольте полюбопытствовать, а что это вы тут делаете? — спросил он, а когда я к нему повернулся, пытаясь изобразить приветливую физиономию, он представился. Оказалось, что Зиновий Васильевич — не просто любопытствующий прохожий, а дипломированный морской офицер. В отставке, причем служил он всего с полгода, а в отставку вышел поскольку его вусмерть укачивало даже в Маркизовой луже. А будучи человеком довольно небедным, он, службу оставив, занялся придумыванием разных полезных в морском деле приборов, однако не преуспел — и осталось ему лишь «безобидное хобби», коим стала астрономия. Вот только просто глазеть в небо ему было скучновато, и он придумал телескоп с часовым механизмом, который сам поворачивался вслед за светилами небесными...

Придумать — придумал, но воплотить его не смог, поэтому и хобби забросил. А тут, заехав в гости к дяде, Андрею Ивановичу Гераскину, узнал, что рядом прекрасная мастерская есть, где любой что хочет делать может. Вот и зашел, ознакомиться с обстановкой.

Сразу видно, что человек своими приборами всерьез занимался: выяснив, чем я занимаюсь и почему у меня лицо потенциального убийцы, он на мой механизм посмотрел внимательно и выдал заключение:

— Вам, как я гляжу, нужно вот эту зубчатку двигать вверх и вперед, а прежде чем назад двигать, ее опустить нужно. Мне кажется, что если тут вот такую кулису приспособить, то выйдет и проще, и надежнее. Я, конечно, не настаиваю, просто с подобным сталкивался и мне как раз такое решение подсказали.

— Спасибо, выглядит интересно. Обязательно попробую... но не сейчас. Просто сегодня у меня времени уже нет.

— А вы вообще что изобретаете?

Я Зиновию Васильевичу идею свою вкратце изложил, показал как работает ручная машинка, пояснил что в ней хорошо и что плохо...

— А вы не будете против, если я к вашей работе присоединюсь? Ведь если механизм сей хотя бы для пошива формы приспособить... Знаете, матросу одну робу на три года выдают, поскольку их просто шить не успевают...

— Да знаю я, просто руки до всего не доходят. Машинку швейную можно за пару недель придумать и сделать, а я уже с ней четвертый месяц корячусь поскольку других дел полно!

— А вы знаете, у меня как раз дел никаких сейчас и нет, и помочь я вам без какого-либо ущерба для себя смогу. А дело, вижу, и важное, и интересное... вы не думайте, я в товарищи вам не напрашиваюсь, и привилегий каких требовать не стану, я ведь из интереса одного!

— Зиновий Васильевич, вы, я гляжу, человек неглупый и в механике разбираетесь. Если сможете машинку до ума довести — в ножки поклонюсь. А то жена уже надо мной смеется: обещал, мол, машину сделать, а до сих пор не сделал.

— Я у вас в Одоеве на месяц думал задержаться, если со скуки не помру. А сейчас, вижу, смерть от скуки мне уже не грозит. Договорились, постараюсь машинку вашу, как вы сказали, довести? Но опять скажу, мне и одну выделывать интересно будет, но не будет ли больше смысла их в количествах немалых выделку наладить? Я, думаю, смогу и товарищей, капиталом располагающих, подыскать...

— Мысль интересная. Давайте так: как вы машинку доведете, поговорим об этом более

обстоятельно.

Головастым товарищем оказался Зиновий Васильевич Гераскин, машинку он — в уже работоспособном состоянии — мне дней через десять принес. При «обстоятельном разговоре» и Алёна поприсутствовала, так что закончился он тем, что Гераскин согласился завод по производству машинок и выстроить, и возглавить. Ну, в принципе согласился, а чтобы все наши разговоры воплотились в суровую реальность, я закончил разговор, выдвинув, вероятно, уже «стандартное» предложение:

— Одоев, сами видите, городок небольшой, здесь люди больше учебой да культурой занимаются. Поэтому завод предлагаю выстроить в Туле. Вам там дом поставим, примерно такой же, как всем прочим дворянам здесь выстроили, для рабочих тоже жильё постоим и всю необходимую социалку тоже.

— Я бы согласился, но найдутся ли те, кто во всё это капитал захочет вложить? Завод — это понятно, а вот дома... социалка эта ваша — кстати, а что это такое?

— Сами увидите. А капитал... пусть Алёна Александровна финансами по проекту этому занимается.

— А у вас, Алёна Александровна, денег хватит ли?

— Конечно хватит, — Алёна рассмеялась. — Мне муж дает столько, сколько потребуется. Никита, завод строить мне Нежданова звать или ты Андреева из Петербурга приглашать будешь?

— Обойдемся местными кадрами, Андреев только дворцы строить горазд. А пока Нежданов всё это строит, ты подумай что-то вроде швейной фабрики организовать: Зиновий Васильевич прав в том, что дешевой одежды лишку не бывает. И школьников приоденем, а заодно уж и форму железнодорожникам сошьем...

Выяснив, что в поместье из конца в конец можно доехать примерно за сутки — и это если не считать «удаленных анклавов» в районе Липецка — я приступил к постройке транспортной сети. Железнодорожной, понятное дело, ведь я по образованию почти готовый железнодорожник, а уж по знаниям и опыту — вообще лучший на планете. По недолгим размышлениям дорогу я решил строить узкоколейную, в семьсот пятьдесят миллиметров — просто потому, что такая дорога обойдется мне много дешевле, а грузооборота, способного окупить широкую колею, у меня пока не просматривалось. Что же до дешевизны, то я решил рельсы класть легкие, типоразмера Р-33. Исходил я из того, что стали у меня много, а такие рельсы, хотя на узкоколейках применялись не часто, массово использовались на рудниках и в шахтах — а у меня изготовление оснастки для прокатного стана (то есть тех же валков прокатных) обходилось очень дорого и, что было даже важнее, требовало ужасно много времени. А качество этой оснастки все равно было весьма хреновым, так что вместо задуманного мною типа в результате получился рельс весом в тридцать пять почти килограмм на метр. Решив, что марка «Р-35» тоже выглядит гармонично, «доводить» валки я не стал и дорогу начал класть тем, что получилось.

Не сразу стал, потому что сначала нужно было и сами рельсы запасти, и подкладки под них наделать (точнее, наладить отливку стальных подкладок), и со шпалами разобраться. Последнее меня больше всего волновало, ведь как делать бетонные шпалы, я в общем-то знал, но избытком цемента меня мужики не баловали. Но уже в начале осени проблему получилось решить, причем довольно странным способом: специально посланные люди прочесали дровяные рынки Подмосковья, где нашли просто невероятное количество очень

подходящей для изготовления шпал древесины. В смысле, лиственницы, причём дрова эти (в качестве дров) стоили чуть ли не втрое дешевле березы. Что было понятно: наколоть из лиственничного бревна годные для употребления в печке поленья было задачей далеко не тривиальной, а рубилось этих деревьев много. Потому что росло их много в лесах. И не только в лесах, в Царском Селе лиственничные аллеи были оборудованы, и многие помещики с удовольствием такие же насадили, да и в лесах лиственничные плантации закладывали. Потому что, скажем, стропила из нее получаются даже лучше дубовых — ну а то, что мужики замучаются из бревен эти стропила вытесывать, никого не волновало: мужики на то и существуют, чтобы трудиться на благо помещиков. Вот только длинные (и тяжеленные) бревна возить было сложно, а короткие...

Был у лиственницы один недостаток, из-за которого в царской России ее для шпал не использовали: забитый в нее костыль выдернуть было уже невозможно. То есть если пару месяцев подождать, то невозможно — а потому ни рельс износившийся не заменить, ни шпалу треснувшую. Но я знал, как эту напасть побороть. В смысле, как ее побороть, когда труд мужиков бесплатен — и поэтому и поместье потянулись из Москвы подводы с двухаршинными лиственничными бревнами. Точнее, длиной в одну прямую сажень, около полутора метров...

Авдей, когда я предложил ему заняться изготовлением из этих бревнышек шпал, реально посмотрел на меня матом. Но мы же уже второй десяток лет вместе трудились, так что в вербальную форму он свое мнение переводить не поспешил, а, уточнив техзадание, вообще успокоился. Бревна обрезались на новенькой, только что изготовленной, паровой лесопилке, затем в каждой заготовке шпалы по шаблону сверлилось по шесть отверстий, в которую специально обученные люди забивали четырехвершковые отрезки дюймовых труб. Другие люди где-то через месяц в этих трубах изнутри нарезали резьбу — и на этом изготовление шпалы заканчивалось.

А подготовка к постройке рельсовой дороги только начиналась: совсем уже другие мастерские точили специальные шурупы-костыли, которыми привинчивались к шпале стальные подкладки и сами рельсы — и в результате получалось рельсовое звено длиной в десять метров и весом почти в полторы тонны. Просто рельсы у меня со стана выходили пока лишь десятиметровые, но для первой в стране железной дороги и такие сойдут.

Конечно, такие звенья в принципе и мужики класть могут — если нужное количество мужиков на работу поставить. Все равно по полгода они у себя в деревнях сидят на печи и плюют в потолок — но и плевателей нетрудно к полезному делу пристроить, так что первым делом я занялся изготовлением путеукладчика. Тоже парового, понятное дело...

А высвободившиеся мужики пошли ломать камень на щебенку: я знал, что по первости балласт в России песчаный делали, но зачем делать плохо если можно делать хорошо? А раз пошла такая пьянка...

Весной двадцать восьмого года по рельсам от Ханино до Черни пробежал первый паровоз с первым пассажирским вагоном. А осенью паровоз пробежал уже от Тулы и до Ефремова, через Одоев и Чернь пробежал. Потому что в Ханино металл варили уже четыре домны, а руду копали уже чуть меньше тысячи мужиков. Причем не в дудках, а в нормальных таких шахтах. Ну, для начала девятнадцатого века нормальных, так что суточная добыча медленно, но неотвратимо приближалась к сотне тонн неплохой руды. В Ханино и окрестностях приближалась, а в Липецке добыча превысила уже двести тонн в сутки.

Там же, в Липецке, заработал второй рельсопрокатный стан, а жадные до денег

лесоторговцы стали мне возить лиственницу непосредственно в Алексин, ведь за сажень я платил по полтине серебром, а обычная расшива за один рейс (то есть за пару месяцев) могла привезти и две сотни этих самых саженей — то есть возить «дрова» становилось не менее выгодно, чем, скажем, зерно: на камских лесосеках сажень лиственницы продавалась по пятаку, да и то если с погрузкой на расшиву считать. Так что в ноябре двадцать девятого паровозик дополз от Тулы до Липецка...

А летом тридцатого по этой дороге прокатился Император Всероссийский Николай. Посмотрел, что там и как, по заводам побродил. Вопросы позадавал — правда, большую часть вопросов задавали Егор Васильевич Карнеев и полковник Николай Сергеевич Дорофеев, но задавали они их так, чтобы Николай (который царь) понял, что тут, собственно, происходит и какая от всего этого польза для державы возникает. Умные профессионалы, так что после моих ответов Николай предложил мне и Луганским заводом «заняться». Ну а я, чтобы два раза не бежать, заодно попросил передать мне и «временно взятый под казенное управление» Кыштымский горнозаводской округ. Там-то полная задница наступила, после того как купец Расторгуев довел дела до восстания рабочих и разорился. И хрен бы с ним, но он и заводы на грань банкротства поставил, старовер неумытый...

Вообще-то я про Николая мало чего раньше знал, разве что помнил, что вроде он технологическому прогрессу благоволил. И, похоже, ему понравилось, что я за двенадцать лет буквально с нуля организовал производства, дающие России четверть чугуна и стали. И пообещал, изо всех сил делая честное лицо, за три года увеличить выпуск черных металлов минимум втрое. На самом деле мне это далось с огромным трудом, но я приложил все силы и не засмеялся. Ведь сейчас вся Россия выпускала чугуна и стали меньше двухсот тысяч тонн в год, а в Луганске я запланировал (уже) постройку шести домн, каждая из которых даст минимум пятьдесят тысяч...

Еще у меня в планах появились четыре небольших домны, такие же, как я в Ханино поставил. Только в Ханино их теперь две было, а четыре предстояло поставить аж в Нерченском Заводе: Карнеев выдал мне разрешение на добычу и переработку тамошней железной руды. После довольно долгих уговоров заняться пуском в этом глухом краю нового завода согласился Коля Засыпкин, ну а полсотни профессиональных мужиков из бывших своих крепостных он уже сам уговаривал. То есть как уговаривал: сообщил им, что берет их с собой новый завод ставить — и этим ограничился. А чего рассусоливать-то: крепостной — он крепостной и есть. Я же отправил с ним в Забайкалье еще две сотни молодцев — там же и жилье какое-то выстроить придется, и инфраструктуру наладить. Ну а с мужиками — четырех «управляющих» из бывших прапорщиков.

Причем молодцев я отправил без семей: сказал, что пусть сначала жилье выстроят, а там и семьи приедут. Потому что было у меня смутное подозрение, что в этом Нерченском Заводе избытка гостиниц не ожидается...

Но занимался я не только металлургией, пришлось удариться и в машиностроение. Потому что чугуний — это, конечно, хорошо, но сам по себе он всего лишь черный металл. Из которого можно сделать много чего полезного — но лишь при наличии подходящих станков. Поэтому маленький заводик в Павловке теперь работал круглосуточно, и каждую неделю из ворот заводика выкатывалась новенькая паровая машина. Прямоточный сорокасильник, который ставился отнюдь не на одни лишь паровозы. То есть на паровозы ставилось по две таких машины, но я планировал паровозов делать по три-четыре штуки в

год — это чтобы с запасом паровозов у меня было. А в основном эти прямоточники крутили насосы или станки. На которых много чего делалось.

Заводом теперь управлял Ванька, родной брат мелкой заразы и старший сын Авдотьи. За прошедшее время я парня поднатаскал, так что он теперь не просто у станка стоять мог, но и разработать что-то механическое умел. Например, он смог прямоточник облегчить на пару центнеров, сам (правда, после моей подсказки) придумал и воплотил шнековый погрузчик топлива в топку парового котла, ну а чуть позже совместно со мной придумал и разработал еще одну очень нужную Алёне машину.

Наталия Филипповна примерно через год сидения в новом доме в деревне «передумала» и попросила переселить её в Одоев. И там поселилась в доме через улицу от нашего — а когда у нас родилась дочка, она всячески бросилась помогать Алёне. Ну, мелочи всякие — типа постирать или сготовить — все же дворовые девки исполняли, а Сорокина — она Алёну учила всякому. Как себя вести в «обществе», или как крестьян заставить прокормить себя и не только себя. После того, как и наш сын уже своими ногами пошел, Алёна решила всерьез заняться вопросами сельского хозяйства, ведь кормить нам требовалось уже под тридцать тысяч человек. Однако кормить для этого еще и десятков тысяч лошадей ей категорически не хотелось — и мы с Ванькой придумали трактор. Паровой и гусеничный.

Котел на тракторе (как и на паровозах моих, и на фабричных машинах) был водотрубный, а точнее паротрубный. В таком очень быстро пар получался после того, как топку разожгли, но в моей «прошлой истории» на паровозах их не использовали по той простой причине, что при большой мощности небольшой (по площади) топке было крайне трудно в таком котле регулировать давление пара. Но у меня-то было всего сорок «лошадок», топка «достаточная» и кочегар справлялся — а вот расход топлива оказывался гораздо меньшим.

Да, пришлось все же еще и производством пеллет, на которых теперь работал тракторный котел, озаботиться — но хворост на дровяных рынках вообще копейки стоил, так что девайс получился очень экономичным. Ну да, чтобы он в поле работал, еще пару лошадей к нему приставить требовалось, чтобы возить пеллеты и воду. Зато это почти трехтонное чудище за день успевало вспахать до двенадцати десятин, причем с использованием «двухъярусных» плугов, переворачивающих верхние сантиметры двадцать пять почвы и рыхлящих нижние тридцать пять. Вроде бы пустяк, но после такой пахоты урожаи зерновых вырастали на треть, а уж про морковку и говорить было смешно.

Когда-то — мне лет двенадцать было — я прочитал у Витькиной матери книжку «Энциклопедия огородника», причем книжка была переводной английской. Там было много интересного: например, советовалось в начале марта уже картошку сажать. Но мне понравилась идея двойной перекопки земли под грядки: на штык земля с грядки снимается, потом внизу на штык перекапывается, а затем верхняя земля обратно на грядку насыпается. Я попробовал, примерно метра полтора квадратных так вскопал, а потом на этой грядке посеяли морковку. И выросла морковка не круглая, а квадратная: огромные морковины просто сминали друг друга — так интенсивно они на этой грядке росли. Причем эффект сохранялся года три, на этой грядке все росло как бешеное. Вот только лопатой так копать было ну очень тяжело. А трактором, да специальным плугом — почему бы и нет?

Сейчас я раздумывал о том, как бы увеличить мощность Павловского завода, но так, чтобы сам завод не разрастался в размерах. А вот увеличивать производство на заводике в Одоеве я не собирался. На этом заводе делались ружья «новейшей конструкции», причем все

считали, что моей конструкции. Но на самом деле это была разработка двух, если я не путаю, поколений реконструкторов, моя же доля была совсем небольшой. На заводике делали капсюльные ружья калибром в четыре линии, довольно обычные для нынешнего времени — то есть гладкоствольные. Но все же в четыре линии вместо «традиционных» семи-восьми и под пулю Минье, из-за чего стреляло ружьишко чуть ли не вдвое дальше «конкурентов». Впрочем, других достоинств у ружья не было, разве что цена радовала. То есть радовало, что мне за каждое десять рубликов чистой прибыли выручить удавалось — но, по большому счету, это были копейки. Потому что заводик мог сделать три ружья в сутки.

Но и это было неплохо: благодаря ружью я познакомился с очень интересным человеком, графом Паскевичем. Он для своих солдат, участвующих в Польской кампании, заказал у меня таких ружей пятьсот штук. За свой счет заказал: уж очень ему понравилось, что пуля достает врага лютого за километр. Ну это если повезет, ведь прицельная дальность у гладкостволок была в районе сотни метров — но если стрелять в толпу... А поляки именно толпой почему-то и шли русских солдат воевать. И благодаря этим ружьям шли крайне недолго.

Еще Паскевичу понравились мои пушки. С ними я вообще ничего не придумывал, а просто отлил стальные по образцу чугунных, разве что немного толщину стволов уменьшил. И получилась обычная нынешняя пушка, просто на треть легче чугунной, но в походах это, оказывается, очень важно. Однако всего было сделано таких пушек с полсотни, потом артиллерийские начальники решили от них отказаться: мол, ржавеют быстро. Как говорится, не очень-то и хотелось...

С ружьями (да и с пушками) все было просто: для них нужна именно хорошая сталь. А я только в двадцать восьмом смог купить небольшое поместье возле Никополя, и накопать там пару тонн руды. На телегах возить руду по сельским дорогам почти за тысячу километров — спорт для сильных духом, а из голого железа легированную сталь сварить ну никак не выходит. Так что решил отложить это развлечение на будущее. А вот на сколько далеким это будущее окажется, было пока не очень ясно...

Еще одно лирическое отступление

Где Герой вообще ничего не делает.

Денис Васильевич сидел на крыльце своего дома и думал о прекрасном. То есть о том, что завтра с утра отправится на охоту, причем в этот раз и Ваську с собой возьмет — все же уже скоро восемь лет сыну будет. А потом, когда они привезут дичь — ну хоть какая-то дичь должна же попасться — то будет он с младшими детьми играть... Но светлые мечты его прервала подъехавшая к дому карета. Не коляска, а именно карета, хотя и вида весьма необычного. Поначалу самым необычным в карете ему показались очень большие стеклянные окна, а затем — очень тонкие и явно железные колеса, в которых спицы были не толще линии. Денис Васильевич лишь теперь сообразил, что из-за таких спиц ему вначале показалось, что карета просто летит по воздуху.

Но и это, как выяснилось, было не самым удивительным. Когда карета остановилась и кучер спрыгнул с облучка, Денис Васильевич понял, что карета была просто огромная, но этого не замечалось из-за того, что в нее были запряжены очень большие лошади. Выйдя к карете, он понял что эти гнедые красавцы (точнее красавицы) в холке были выше его хоть и не великанского, но вполне достойного роста...

Дверь кареты открылась, и из нее вышла необычного вида женщина. То есть вида-то обычного, но было в ней что-то такое...

— Добрый день, Денис Васильевич, меня зовут Алёна Александровна, помещица Павлова. Извините, что без приглашения, но у меня дело к вам очень важное и срочное...

— Ну, заходите, — было видно, что генерал-лейтенант как-то растерялся.

— Мне муж мой много о вас рассказывал... а дело в следующем. Я, кроме всего прочего, работаю художественным руководителем Одоевского театра, и супруг мой сказал, что лишь вы можете мне помочь.

— С театром? Откровенно говоря, я к театрам отношения никакого не имею, раньше, бывало, посещал, но нынче... А, вам деньги для театра вашего потребны?

— Спасибо, но нет. С деньгами я сама кому угодно помогу, а вот с репертуаром...

— Уважаемая Алёна? — он дождался подтверждающего кивка гостьи — Александровна, сразу вам скажу: пьес никогда не писал и даже ни разу в жизни об этом не думал, так что...

— А мне не пьеса нужна, а водевиль. В стихах, и называться он будет «Сватовство гусара».

— Ну про гусаров я рассказать могу, — широко улыбнулся Денис Васильевич.

— Так я и не сомневаюсь. Сюжет пьесы прост и незатейлив: молодой гусар любит дочь мелкого ломбардщика, который жаден и скуп, как жид, а гусар же небогат. И когда ломбардщик просит за дочь две тысячи рублей, гусар придумывает, как и своего добиться, и денег не потратить. То есть как ломбардщик ему деньги даст чтобы за дочь заплатить, а помогут ему в этом его друзья-сослуживцы...

Денис Васильевич слушал гостью приоткрыв рот от удовольствия, а когда она закончила, он тихонько поинтересовался:

— Я думал, что вам что-то из жизни гусар вызнать нужно или про битвы истории, а вы мне тут весь водевиль так рассказали, что я словно его уже и посмотрел... в театре. Может

вам с мундирами гусарскими помощь нужна?

— Нет. Муж сказал, что все это же, но стихами только вы сможете выразить. Я пробовала, но только несколько стишков... несколько песен осилить и смогла.

— А слышать их можно?

— Ну, раз вы просите... только... представьте, что это все же гусары поют, а не слабая женщина. Это когда они деньги Налимову собирают. Гостья встала, набрала побольше воздуха...

Голос у Алёны Александровны был неплохой, но на это поэт вообще внимания не обратил. Когда она закончила, он тихо пробормотал про себя «умри гусар, но чести не утрать», затем встал:

— Вы не соизволите у меня до завтра остановиться?

— Благодарю, но я обратно к себе на пароход поеду. Саму пьесу, в прозе только, я вам оставлю... — с этими словами она вытащила из сумочки небольшую тетрадь. — А вы, если согласитесь попробовать пьесу стихами вашими изложить, напишите мне, я снова приеду.

— Если соглашусь? Да я нынче же и напишу всё! Прямо сейчас же напишу! Обождите пять минут... — генерал засуетился, подбежал у стоящему у стены бюро, схватил лист бумаги, перо — и начал судорожно что-то писать. Затем внимательно поглядел на написанное, покачал головой, что-то вычеркнул и написал пару фраз поверх вычеркнутого:

— Вот послушайте, как вам, подойдет?

— Денис Васильевич, вы прекрасный поэт, но в том, что вы никогда о пьесах и не думали, я верю бесповоротно. Вы описываете происходящее, но в пьесе происходящее не произносят, а показывают, произносят же слова действующие лица. И только их слова имеют важность: вы представьте, что эти люди здесь ходят, дышат, что-то делают — и что-то говорят друг другу и — иногда — зрителям, причем говоримое зрителем считается неслышным для прочих персонажей...

— Что? Да, я наверное понял, и... вас не затруднит еще пять минут обождать?

Спустя почти час, в течение которого в комнату несколько раз молча заглядывала Софья Николаевна и так же молча уходила, Денис Васильевич положил перо (уже третье) на стол, внимательно посмотрел на уже исписанные листы бумаги:

— Алёна Александровна, благодаря вам я вроде понял, как верно пьесу написать. Но, признаюсь, без ваших советов и поправок, безжалостных, но очень полезных поправок у меня бы ничего не вышло. Однако написать я смог — благодаря вам смог — лишь первую картину, и сдаётся мне, что остальное без вашей помощи мне просто не осилить. Еще раз попрошу вас остаться нынче на ночь у нас, а завтра мы уже пьесу и закончим, — он посмотрел на зашедшую в комнату в очередной раз жену: — Сонюшка, у нас обед готов ли уже?

— Давно готов, все только вас и ждут, — и она очень приветливо улыбнулась гостю.

— Ну хорошо, я скажу чтобы меня на пароходе не ждали нынче и еще денек у вас погощу. Но прошу извинить, однако от обеда откажусь: мне нынче есть дозволяется далеко не всё, так что буду придерживаться диеты, у меня все дозволенное с собой привезено.

Только тут Денис Васильевич сообразил, что показалось ему в госте не совсем обычным.

— А как же муж ваш в таком положении отпустил вас в столь дальнее путешествие?

— Да он уже большой мальчик, сам о себе позаботиться сможет. А в театре я премьеру на сентябрь уже назначила, как раз до родов успею. А с вашей помощью её ждет огромный

успех!

Продолжение продолжения развития

В котором Герой закладывает материальную основу такого счастливого будущего, каким ему его удалось придумать.

Будущее ковалось буквально на глазах. Но для того, чтобы это будущее было светлым, предстояло не только сильно потрудиться, но и изрядно потратиться. Например, чтобы вовремя купить очень нужные впоследствии земли.

Весной тридцатого года у испанцев я купил сильно поношенный кораблик под названием «Герой». Вообще-то когда-то это был французский линейный корабль, который испанцы захватили больше двадцати лет назад — но состояние его оказалось если не приличным, то вполне терпимым, и сто тысяч рубликов серебром, по словам осмотревших мое приобретение морских офицеров, были приемлемой платой. Из далекой Испании кораблик перегнали в Белое море, там его слегка подшманали — и получился неплохой такой морской транспорт, который был отправлен уже на Дальний Восток, точнее — в новенький город Николаевск. То есть никакого города там еще не было, его, собственно, народ, плывущий на корабле, и должен был основать. А это дело непростое, много чего для постройки города требуется — так что кораблик был нагружен разным барахлом по... в общем, сколько в него могло поместиться — а поместиться смогло примерно полторы тысячи тонн. Однако плыть будущим градостроителям было далеко, я предполагал, что рейс полгода займет... на всякий случай капитану я выдал еще сто тысяч на «непредвиденные расходы». Но, к моему удивлению, до цели они добрались менее чем за пять месяцев, да и денег почти не потратили — но об этом я узнал еще через полгода. Все же хреново жить в мире без связи электрической...

Но и без нее можно многое сделать. Взять хотя бы те же больницы — я выстроил их в каждом уездном городе в губерниях, куда дотянулось мое «поместье». То есть не в каждом, конечно, а лишь в тех уездах, где была купленная мною земля (ну и мужики, конечно), просто потому, что терять продукцию из-за больничных (плавно переходящих в похороны) было просто невыгодно. Да и не только крепостных мне терять не хотелось: тот же Иван Христофорович Трейблут (так звучало его русифицированное имя), подлечившись в тульской больнице, с еще большим энтузиазмом начал оказывать мне всестороннюю помощь в развитии губернии. То есть он периодически приезжал ко мне в Одоев, делился «планами на будущее», затем сетовал на то, что денег в губернии на реализацию его планов нет... и бил по рукам любому, кто мешал эти планы реализовывать уже мне. Он же познакомил меня и Илларионом Михайловичем Бибиковым, которого весной тридцать первого года царь назначил калужским губернатором — и у меня сразу все хорошо пошло и в этой губернии. Например, участок под постройку завода в Калуге я вообще бесплатно получил, как и участок под постройку «рабочего городка». Ну а новенькая больница в Калуге — это уж само собой вышло: оказывается, Николай ставил перед губернаторами задачу и о здоровье подданных позаботиться. А то, что больница эта стала «базовой» для фельдшерского училища — так это мелочь, о которой не стоит даже упоминать «в верхах»...

Еще в тридцать первом году — правда уже в конце сентября — Андрюша Юренев достроил гипсовую шахту (а потом долго у меня допытывался, как я «нашел» гипс на глубине в сто сажень). Пришлось теперь еще из Тулы в Михайлов железку класть, причем

мимо гипсовой шахты, но это окупалось, по прикидкам, вообще месяца за три. А так как от Ханино узкоколейка дотянулась почти до Калуги, то уже генерал Бибиков инициировал постройку моста через Оку. Причем этот мост он решил строить за казенный счет, чем меня очень порадовал. Потому что и без того расходы мои росли чуть ли не быстрее, чем доходы. То есть доходы быстро росли, но все равно их не хватало на все, что я хотел сделать, и мелкая экономия на мосте в Калуге оказалась очень не лишней...

Да, следует иметь в виду, что больницы я всего лишь строил, а «кадрами» их все же старались обеспечить губернские власти. Изюм всех сил старались, но получалось все равно хреновато: ну не было нужного количества врачей в стране. И для выстроенных больниц не то что врачей часто не находилось, но даже хотя бы по одному фельдшеру не во все найти удалось — так что огромное спасибо Бибикову за то, что он в Калугу сразу двух врачей нашел и всячески фельдшерское училище опекать стал. А я со своей стороны старался помочь чем мог, однако, по большому счету, помочь я мог лишь деньгами... хотя, если, скажем, не рассматривать хирургию, медицинских знаний у меня было скорее всего больше, чем у любого нынешнего врача. Много больше: я точно знал, что такое микробы и чем важна элементарная санитария и гигиена. И мог бы это врачам объяснить — но некому объяснять было. Так что пока я ограничился тем, что за отдельное спасибо направил дюжину выпускников Одоевской гимназии в московский университет на медицинский факультет и столько же — в Московское отделение Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Вообще-то последняя готовила врачей исключительно военных, однако известная сумма, выданная вполне конкретным лицам (как в Академии, так и в курирующих ее органах) давала возможность моих «стипендиатов» от армии оградить...

Вот только сумм разных требовалось все больше и больше — однако и «поле деятельности» у меня становилось все шире и шире.

В тридцать втором году население Баку превысило три с половиной тысячи человек, из которых три тысячи проживало в городской крепости — и были это в основном военные и их семьи. И столько людей в городе было уже много, хотя бы потому что в нем практически не было питьевой воды. Поэтому земли вокруг города стоили каких-то чисто символических денег, а продавались они — как местными баями, так и казной — с большим удовольствием. Казна особенно радостно продавала землю если ее предполагалось заселять привозимыми из России мужиками. Ну а мне-то что, мужиков в России много, а цены... в Псковской губернии за двести тысяч рублей у меня вышло прикупить тридцать тысяч взрослых и почти столько же детей. Но вот перевезти всю эту толпу на Апшерон было тем еще квестом.

Просто потому, что перевезти их было проще всего по воде, то есть по Волге — но какой-то лихой шотландец выторговал у еще предыдущего царя «эксклюзивное право» строить на Волге пароходы. Причем право имел, а пароходы практически не строил...

Я не удержался и скатался в Петербург, где — после довольно непродолжительного ожидания — встретился с Александром Христофоровичем. С ним слегка пообсуждал важность заселения Кавказа в свете защиты от возможных поползновений со стороны разных персов и османов, а затем пожаловался на возникшую проблему:

— Эта шотландская сволочь запрещает мне строить пароходы, на которых я могу весь народ куда надо перевезти. Не мне надо, а Державе — и лично мне кажется, что иностранец умышленно и целенаправленно действует во вред нашей стране.

— Привилегия есть привилегия...

— Именно поэтому я к вам, Александр Христофорович, и пришел. С целью уточнить

два вопроса: как выданная в семнадцатом году десятилетняя привилегия может действовать до сорок третьего года и что с этой привилегией будет, если обладатель оной случайно, скажем, отправится на аудиенцию к выдавшему ее Императору.

— Привилегия, если я верно закон понимаю, перейдет к его наследникам, — Бенкендорф ответил на мой вопрос с небольшой задержкой, вероятно не сразу проникнувшись не высказанной явно идеей. Но когда проникся, даже хмыкнул, но все же постарался ответить с серьезным лицом. И у него почти получилось...

— То есть на встречу с императором нужно будет отправить его вместе со всем семейством...

— Никита Алексеевич, вы прекрасно знаете, что я буквально восхищен вашими инженерными талантами, до сих пор не понимая, как вы умудрились всего за два года увеличить выпуск железа более чем вдвое. Но, мне кажется, вам отнюдь не следует заниматься иной деятельностью, которая может быть истолкована как... как противоправная.

— Я же просто спросил. А что наглому шотландцу уготовит судьба — сие никому пока еще неизвестно.

— Еще раз: не следует вам думать о деяниях противоправных, но вы совершенно верно с вопросами вашими ко мне пришли. Обещать не стану, но скорее всего завтра к обеду я попробую вам дать ответ на первый ваш вопрос. А если ответ сей вам не понравится... то есть если он не понравится мне... я думаю, что... давайте в пятницу вечером, часикам к шести пополудни вы ко мне снова зайдите — до пятницы я ответы точно получу — и мы вместе подумаем над прочими вашими вопросами.

Разговор этот случился во вторник, но до пятницы мне ждать не пришлось: Бенкендорф позвал меня уже в среду вечером:

— Должен сказать вам, Никита Алексеевич, что ваши мысли о деяниях противоправных меня несколько расстроили, и я поделился своим расстройством с Государем. Предварительно визнавав, что привилегия, о которой вы упомянули, истекла уже пять лет как. Так что — передаю вам ответ Его Императорского Величества дословно: по поводу постройки пароходов шлите этого Берда в жопу, — и, глядя на мое несколько удивленное лицо, рассмеявшись, добавил: — Я по должности почитываю газету, что издает супруга ваша, да и Император особо забавными экзерсисами супруги вашей не пренебрегает. Вот и набрались выражений соответствующих, вы уж не обессудьте. А шотландец, скорее всего, отныне казенных заказов более не получит, ну если вы за них возьметесь конечно. И если с ваших заводов потребное здесь вообще доставить можно будет. Да, кстати, раз уж разговор о заказах пошел: тут к Императору один австрияк приехал, с предложением железную дорогу выстроить от Петербурга до Москвы. И при этом желает получить привилегию на двадцать лет на всё строительство железных дорог в России. Император интересуется: а вы бы за такое строительство взялись?

— Шестьсот пять верст... это довольно много. Если однопутную дорогу класть, то потребуется... шесть миллионов пудов рельсов, если двухпутную — а иначе дорогу и строить смысла нет, то...

— То есть не возьметесь.

— То быстрее, чем за три года, я ее выстроить не смогу. А чтобы ее все же выстроить именно за три года, я попрошу у Императора кое-что, в деле строительства необходимое.

— Я понял, и во что вы оцениваете потребные затраты?

— Ну раз поняли, то слушайте, — я широко улыбнулся. — Возле Никополя, я потом покажу где точно, поместье в пять тысяч десятин: с тамошней рудой рельс прослужит не пять лет, а двадцать пять. Неподалеку от столицы, в устье Луги скажем, поместье десятин в тысячу: там я завод выстрою чтобы все потребное на месте делать, а не тащить подводами из Москвы. Еще, пожалуй, одно поместье в районе поселения с названием Кривой Рог, я тоже покажу где. И, последнее, на реке Кальмиус, где нынче слобода Александровка, поместье помещика Шидловского с окрестностями, поначалу, думаю, хватит десяти тысяч десятин — это чтобы железные заводы углем обеспечить.

— Однако аппетиты ваши... Ладно, с этим, думаю, помочь смогу. А в деньгах вы стройку во что оцениваете? Австриец обещает уложиться в сорок миллионов...

— Австриец врет, не уложиться ему никак в такую сумму. А вы серьезно о деньгах говорите? У Егора Францевича внезапно в казне завелись лишние деньги?

— То есть вы хотите сказать, что дорогу без денег из казны выстроить способны?

— Я не буду спрашивать, во что казне обойдется указанные мною земли забрать для передачи мне. Но если расходы будут меньше того, во что вы сами оцените дорогу из Петербурга в Москву, то, думаю, Канкрин сочтет дело очень интересным. Только один вопрос: а почему меня именно вы спрашиваете о дороге?

— На сей вопрос ответить совсем просто будет: Император именно меня назначил главой комитета, коему поручено вопрос о постройке такой дороги решить. Не скрою, семь лет назад о дороге такой в правительстве уже думали — но решили, что в зимнюю пору пользы от нее не будет. Однако у вас, насколько я знаю, дорога и зимой не останавливается и никаких препятствий к ее использованию вы не видите.

— Тогда считайте, что мы договорились. Три года с того момента, как я все указанные земли получу в собственность. И из казны на строительство я не беру ни копейки, но это условие — только для этой единственной дороги. Да, еще: паровозы и вагоны я казне за деньги продавать буду. Недорого, но не бесплатно.

— Никита Алексеевич, а вы к себе домой сильно спешите? Если, скажем, завтра вы моим людям точно на картах укажете, что вам надобно, то срок постройки можно будет с пятницы отсчитывать. И да, как я понимаю, мужиков вы опять купить во множестве пожелаете. Насчет казенных крестьян вы уж не обессудьте, а у помещиков на вывоз... я могу пару дюжин офицеров вам в помощь дать, вы им просто поясните, каких и сколько мужиков вам потребно будет — а они по поместьям прокатятся, все торги проведут. Могу гарантировать, что ни копейки лишней они платить не будут, так что в деньгах вы ущерба не понесете, а вот времени сэкономите изрядно... так вы до пятницы в Петербурге подождать сможете?

Ну, насчет «отсчитывать с пятницы» Александр Христофорович погорячился. Потому что одно дело — указы подписать, и совершенно другое — народ, на моей земле обосновавшийся, оттуда согнать, причем без мордобоя. Ну, совсем без мордобоя не получилось, однако в целом все произошло довольно мирно — вот только мероприятия по передаче мне нужных территорий закончились уже в конце ноября. Поэтому все стройки сдвинулись аж на начало апреля тридцать третьего года — что, впрочем, начальника жандармерии вполне удовлетворило.

К тому же «подготовительный период» благодаря активной деятельности Бенкендорфа позволил провести значительную часть именно подготовки к стройкам еще летом и осенью

тридцать второго: по специальному царскому указу была выделена земля собственно для дороги, на которой быстро-быстро было выстроено чуть меньше сотни «рабочих поселков». Самых что ни на есть примитивных: в каждом было поставлено полсотни домиков (землебитных, на «фундаменте» из просмоленных досок), и в них было перевезено примерно тридцать тысяч крестьян и членов их семей. Конечно, прокормить такую ораву было не просто. Это было очень просто: в деревеньки завезли около десяти тысяч тонн картошки, тысячи две тонн морковки и всяких тыкв по мелочи. Может показаться, что дофига — а вот нифига не дофига: на хорошо подготовленной земле морковка легко дает сто тонн с гектара, а картошка — тонн шестьдесят. Понятно, что для таких урожаев нужно серьезно потрудиться, но Алёна твердо следовала заветам Наталии Филипповны и с мужиков драла три шкуры. Причем давно уже не лично драла, в этом ей усердно помогали сотни две экспедиторов.

Так уж исторически сложилось, что большинство помещиков, проживающих в своих поместьях и занимающихся сельским хозяйством (причем подавляющее большинство) были людьми довольно пожилыми, но работающими от зари и до зари. Конечно, сами они не пахали, не сеяли и не жали — но вот заставить это проделывать крестьян было работенкой очень трудной. Тем более трудной, что часто эти помещики и знаний о том, как наиболее эффективно землю обрабатывать, не имели. А когда такие знания им просто стали на блюдечке выкладывать (хреновые знания, но уж всяко лучше, чем полное отсутствие оных), то и работенка эта стала полегче, и эффекта она давала гораздо больше — так что энтузиазма у людей прибавилось. Тем более прибавилось, что по результату у них и жизнь стала приятнее и в чем-то даже насыщеннее. Опять же, теперь задницы драть нерадивым мужикам можно было не самостоятельно: буквально в каждой деревне появились «специально обученные люди», причем к самой деревне отношения не имеющие и поблажек наказуемым по этой причине не дающие. Все очень просто было: в деревню самому экзекутору на такую же должность ставился представитель другой деревни, так что от односельчан к нему обид не возникало, а на то, что товарищ нещадно порол жителей другой деревни, этим односельчанам было... безразлично.

Меня в отечественном сельском хозяйстве больше всего удивляло то, что мужики, которых усердно порол на конюшнях, потом помещиков за это и благодарили. Не всех благодарили, а лишь тех, у кого зимой и особенно весной крестьяне не голодали. Тоже понятно, ведь получив розгами по жопе летом, они сыто сидели на печах зимой — но вот кто мешал им без плетей нормально работать? Тем не менее отношения между помещиками и мужиками были именно такими, и почему-то это всех устраивало.

Насчет всем «железнодорожным мужикам» обогреться зимой тоже проблем не было вовсе, ведь большая часть трассы проходила через леса, которые все равно нужно было вырубать. Ну они сами и вырубали, благо с топорами да пилами у них проблем не было. А весной у них не стало проблем с лопатами и грабарками, так что как только сошел снег, стройка закипела.

Ну а я приступил к строительству дороги от Кривого Рога до Луганска. С ней вообще все просто вышло, потому что Николай подписал соответствующий указ. То есть он просто не понял, что подписывает, ну а я не стал царю пальцем тыкать в ошибку. Тем более, что лично эту «ошибку» в текст указа и вставил.

Бенкендрофу я честно сказал, что для постройки такой большой дороги потребуется еще и несколько дорог поменьше выстроить: щебенку подвезти к трассе, шпалы те же, да много

чего понадобится может тяжелого. И Николай издал указ о том, что «земли, необходимые для прокладки железных дорог, подлежат принудительному выкупу без права обжалования таковых сделок со стороны прежних землевладельцев». То есть — любых железных дорог, которые я буду строить...

Дорога от Липецка до Луганска уже была проложена, и по ней со страшной силой возили уголь на Липецкий завод. Страшность силы заключалась в том, что паровозик мощностью в восемьдесят лошадок мог с заметной невооруженным глазом скоростью тянуть пяток вагонов с полусотней тонн груза. Так как Липецку хватало (пока хватало) сотни тонн угля в сутки, а поезд из конца в конец успевал пробежать часов за двадцать, на этой линии у меня работало пять паровозов (один, «скорый», с тремя пассажирскими вагонами, за сутки успевал даже обернуться) — и этого всем было достаточно. Причем хватало и Липецку, и Луганску — в который из Липецка возили относительно приличную руду, так как луганская была отвратительная. И все были счастливы — вот только для постройки дороги из Петербурга в Москву потребовалось стали куда как больше, чем могли эти заводы сварить.

Много стали — это очень много руды, а липецкие шахты и так уже выдавали максимум возможного — так что без криворожской руды весь проект мог накрыться медным тазом. То есть эта дорога была жизненно необходима для постройки дороги из Москвы в Петербург. Но и этого было недостаточно: чтобы рельсы на межстоличной дороге по прочности превосходили пластилин, к железной руде нужно было добавить и марганцевую, так что дорогу нужно было пустить еще и мимо Никополя. Но и это было несложно и даже не очень дорого: так как в указе отдельно оговаривался размер землеотвода в «полтора саженей для основных путей и сто саженей для вспомогательных дорог», то большинству «встречных» помещиков было проще со мной договориться и за вменяемые деньги поместье целиком продать нежели думать, как из одной половинки оставшегося в собственности поместья в другую перебираться. А так как трассы дорог отдавались «на усмотрение г-на Павлова», то изгадить участки несговорчивых помещиков труда не составляло...

Окидывая мысленным взором всё, что мне предстояло сделать, я все сильнее приходил к убеждению, что хрен я все это сделать успею. В смысле, в одиночку точно сделать не успею и десяти процентов задуманного — но если нанять много разных людей, способных некоторые части задуманного сделать без моего постоянного вмешательства, то шанс «всё успеть», появлялся. Вот только в реальной жизни таких людей, да еще и готовых впрячься в не совсем понятную им работу, было что-то маловато — и до меня дошло, наконец, что в ряде случаев (то есть примерно в девяноста процентах случаев) нужных людей проще самому вырастить. Что тоже дело малореальное, так как всех их обучить тому, что я знал (и тем более тому, о чем я даже не догадывался), у меня не получится. Лично не получится.

В результате всех моих раздумий пришлось мне слегка подкорректировать учебную программу Чернинского педагогического училища. Почему именно его — было понятно (мне понятно): учебные программы всех учебных заведений государственных (а так же частных гимназий) определялись государством. А исключениями были лишь частные (или муниципальные, что в моем случае было одним и тем же) училища сельскохозяйственные и ремесленные, и те, в которых готовили учителей для таких училищ. Понятно, что обучать инженеров в сельской школе было несколько... оригинально, а вот в педучилище — почему бы и нет?

Для организованной в Черни при училище кафедры химии я пригласил на работу талантливого, как мне сказали, выпускника Казанского университета. Что само по себе было

тем еще квестом: юный химик мечтал о покорении мировых научных вершин и единственное, чем я смог его соблазнить, была предложенная зарплата. Посулы организовать лабораторию и обеспечить ее любыми нужными Николаю Николаевичу приборами на этого гениального ученого практически не действовали, но вот двести рубликов в месяц серебром все же вынудили его подписать контракт. Хотя бы на три года — просто человек ученый в бюрократической казуистике слабо разбирался и пункты, превращающие его в моего вассала минимум лет на десять, он не распознал.

Поначалу не распознал, а спустя месяц после того, как он к работе приступил, ему стало на эти пункты вообще начхать. Он-то думал, что поедет в заграницу и там наберется самых современных химических знаний — и внезапно понял, что совсем еще дети, лет восемнадцати-двадцати, работающие в небольшой лаборатории при уездном педучилище, в химии разбираются куда как больше, чем самые знаменитые европейские «светила». Это когда ему парни показали, как они из соли делают соду...

Ну а когда я ему популярно объяснил, что я от него, собственно, жду...

В которой причастные люди обсуждают действия Героя.

Александр Христофорович хмуро оглядел собравшихся офицеров:

— Сегодня исполнилось ровно два года с того дня, когда Император насыпал первую лопату земли на будущей железной дороге. И за эти два года на дороге не появился ни один рельс. Император мне сегодня утром выразил сомнение в том, что господин Павлов в состоянии исполнить данное им обещание, и я с удовольствием выслушаю от вас, каковыми словами мне его успокоить.

— Со своей стороны хочу отметить, что за два года все же и сделано немало. Я уже не говорю о том, что по уверению Никиты Алексеевича почти все строения пути полностью подготовлены к укладке рельс, хочу лишь указать, что в Твери и недалеко от Москвы шпальные заводы не просто выстроены, но и работают, причем заводы эти работают по двадцать четыре часа в сутки, — первым высказался полковник Рерберг.

— Добавлю, — высказался следующий по чину подполковник Крафт, — что почти закончены и самые сложные в инженерном плане сооружения. Я имею в виду мосты, из которых сто восемьдесят уже закончены, а четыре наверно будут достроены к лету. Причем, смею заметить, что конструкции Никиты Алексеевича воистину невероятные, на мостах через Мсту и через Волхов господином Павловым поставлены пролеты из стали длиной по восемьдесят саженей! А эстакада возле Веребьинского оврага длиной в четыре с половиной версты заслуживает титулования восьмым чудом света! А уж сухопутная драга, которую он выстроил в развитие идей Бетанкура...

— Ну, насчет чудес, это вы, пожалуй, верно сказали, — слегка улыбнулся начальник государственного комитета по постройке дороги. — А вы что скажете, майор? — обратился он к младшему из офицеров. — Меня все же интересуют сроки...

— По моему разумению все нужные работы исполнены даже ранее, чем изначально оговаривалось. Что же до укладки рельсового пути, то тут я вижу единственную причину задержки: собственно рельсы. Насколько мне известно, у господина Павлова их сейчас просто нет.

— Именно это я и имел в виду. Господин Павлов, по сути прикрываясь постройкой дороги между столицами, успел проложить между своими именями дорог уже более тысячи верст...

— Нет, — ответил майор Мельников, сам слегка испугавшись своей решимости. — Я имел неоднократные беседы с Никитой Алексеевичем, и он постоянно пенял на то, что рельсы нынешние для дороги, для именно столичной дороги, негодны.

— И теперь он будет годные рельсы покупать за границей? Небось еще и за казенные средства? — физиономия Бенкендорфа снова стала серьезной.

— Отнюдь. Рельсы английские, с которыми я благодаря господину Павлову и ознакомиться смог, рядом с теми, что он делает, даже на металлолом не годны, но Никиту Алексеевича его нынешние по каким-то разным причинам сильно не устраивают. Тем не менее, я проблемы в том вообще не вижу. Насколько я знаю, в Луганске господин Павлов заканчивает постройку двух новых доменных печей, нескольких печей сталеплавильных и, что в нашем деле является самым важным, нового прокатного стана для выделки рельсов.

Новых рельсов, годных.

— Понятно. Сначала достроит печи, потом стан этот... Через сколько лет он там сможет выделывать годные, по его мнению, рельсы?

— Господин генерал, я, как вы знаете, в деле железном не разбираюсь. Но имел краткую беседу с полковником Дорофеевым, и тот говорил, что по всем расчетам — его, Николая Сергеевича, расчетам — каждая новая печь — каждая из двух строящихся — чугуна будет выдвигать не менее, чем все остальные чугунные печи России. И если печи эти, как господин Павлов обещал, заработают в мае, то к ноябрю завод в Луганске все потребные рельсы уже сделает.

— Это что же за печи такие?

— Вида, по крайней мере, весьма впечатляющего. Я думаю, что вам, господин генерал, было бы интересно самому на них взглянуть. Никита Алексеевич пообещал... то есть он меня особо приглашал, как человека интересующегося, на задувку печи первого мая. И нет у меня оснований сомневаться в том, что так и будет: печи, причем обе, уже в постройке готовы, а теперь ведется их сушка и проверка всех машин. Первую печь задувают первого мая, вторую — одиннадцатого. Мне кажется, что вам было бы наиболее интересно приехать в Луганск одиннадцатого, потому что Павлов упоминал, что перед задувкой второй печи сначала будет произведен выпуск первого чугуна из первой.

— А полковник Дорофеев где, вы не знаете?

— Здесь, в столице. Я с ним позавчера встречался, как раз передавал ему приглашение на пуск печей. Он, по словам Павлова, тоже очень интересовался, но дату пуска Никита Алексеевич только неделю назад определил.

Бенкендорф позвонил в колокольчик и прибежавшему адъютанту приказал:

— Полковника Дорофеева из Департамента горных дел найти и пригласить ко мне нынче же вечером, — а затем, оглядев собравшихся у него офицеров, как-то задумчиво произнес:

— Мне кажется, что Императору тоже будет интересно посмотреть на печь, которая одна удвоит производство чугуна в Державе.

Небольшая ретроспектива

В которой Герой срочно вспоминает о делах, которые послужат основой дальнейшего повествования, но про которые автор просто «забыл» рассказать вовремя. Ведь автор — отнюдь не баба Ванга, и не может заранее предвидеть, куда Героя занесет его необузданная фантазия. Собственно, для оправдания таких ляпов профессиональные авторы и придумали саму идею ретроспективы...

В металлургии я, конечно же, произвел фурор. Потому что внедрил самые передовые технологии выплавки чугуна и стали, о которых нынешнее население своим умом дошло бы лет так через сто. Но вовсе не потому внедрил, что был самым крутым металлургом — мне хватило и того, что я стал самым крутым железнодорожником. А про металлургию — это я просто последовательно воплощал то, что Витька в своей брошюрке по истории этой самой металлургии написал. Её я тогда на всякий случай и в телефон скинул, а когда жареный петух в нужное место клюнул — просто с телефона все перенес на обычную бумагу.

И вот этот процесс — переноса на бумагу — оказался очень непростым. Прежде всего, из-за отсутствия присутствия этой самой бумаги. То есть в природе бумага-то была, я и у Свинына дома видел целую пачку. Ну, не целую, и довольно небольшую — но факт остается фактом. Просто был еще один факт, позволивший мне понять, наконец, Плюшкина, который, согласно Гоголю, безуспешно пытался из четвертушки бумаги сделать осьмушку. Дело в том, что бумага стоила определенных денег. Даже не так: вполне конкретных денег. В Туле в магазине пачка самой паршивой бумаги (именуемой почему-то «соломенной») стоила в районе четырех рублей, причем исключительно на серебро: по каким-то причинам в писчебумажном магазине медные деньги и ассигнации вообще не принимали. То есть принимали, конечно, на них можно было купить всё из имеющегося в магазине ассортимента товаров — но кроме собственно бумаги. Пачка (тут она именовалась исключительно «стопкой») содержала в себе четыреста восемьдесят листов, или двадцать... слово не знаю как просклонять... в общем, одна десть содержала в себе двадцать четыре листа. И в магазине эта десть стоила не двугривенный, как можно было подумать, а уже четвертной — то есть двадцать пять копеек. Ну а если покупать отдельные листы, то цена вырастала до полутора копеек за лист — и это для самой хреновой бумаги, по сравнению с которой знакомая мне бумага газетная казалась роскошной. А относительно приличная (именуемая писчей) стоила уже раза в полтора-два дороже.

И снова я осознал, как плохо учил историю (и литературу, наверное) в школе: вопрос приказчика в магазине «Вам завернуть?» заиграл совершенно другими красками, ведь если вам покупку заворачивали (в совершенно оберточную бумагу), то цена автоматически вырастала минимум на пятак ассигнациями, а то и на гривенник...

Вероятно потому что у меня было много (по меркам нынешних мужиков) «самой дорогой» белой бумаги, пусть наполовину и испачканной буквами, все они (кроме мелкой заразы) естественно видели во мне именно «барина». Но в плане разжиться дополнительной бумагой мне это признание вообще ничего не давало. Почти не давало: мужики и взрослые бабы все же были (морально) готовы исполнять мои капризы — ну а я этим бессовестно воспользовался.

Естественно, что Аким и Авдей знали всех в Свиныно, и после переселения в Павлов

поддерживали с оставшимся народом прекрасные отношения. Ну и я им такие отношения поддерживать помогал, делая по мелочи всякие полезные для мужиков шуки на кузнице. Поэтому сначала я смог уточнить цены в тульских магазинах (меня дед Михей с собой взял, когда поехал продавать на рынке свои горшки «по первому снегу», а заодно продал и изготовленные мною серпы), а затем... Затем я снова с ним в Тулу съездил (мне тогда сказали, что только у Михея есть право торговать на рынке), где он продал пяток изготовленных мною из обломков французских сабель ножей (выручив за это почти рубль на ассигнации, причем медной монетой), а я смог продать в оружейной лавке отремонтированный мною трехшверд за сорок пять рублей серебром. Знал, что за полцены его продаю, но «очень деньги нужны» были, так что продал. Продав, прекрасно понимая, что там на ножнах, клинке и рукоятке одного золота рублей на тридцать, и это не считая работы...

И вот эти деньги я потратил на покупку бумаги. Хорошей, «слоновой» (она так называлась потому что была цвета слоновой кости и глянцевая), две полных стопки купил. По двенадцать рублей за стопку. Купил бы и больше, но в магазине больше просто не было. Еще купил почти полную стопку бумаги «александрийской» за восемь рублей, в ней, по словам торговца, не хватало всего двух дестей. И меня тогда удивило лишь то, что приказчик этот реально собирался все листы в этой пачке пересчитать...

Видимо в благодарность за то, что я послал его в пешее эротическое путешествие (ну, не сдержался, прикинув, сколько времени уйдет на пересчет) этот приказчик мне добавил бесплатно и две дести той самой дешевой бумаги — как он сам сказал, «на черновики». Она мне тоже пригодилась: я обучил письму Акима с Авдеем и обеих девок.

Забавно, что бумага стоила дорого, а, скажем, чернила — буквально гроши: пузырек (точнее, глиняный флакончик) объемом кубиков семьдесят-восемьдесят стоил шесть копеек медяками. А гусиные перья, там же продаваемые, полторы копейки за две дюжины. И вот обогащенный этим знанием, я сильно порадовался, что у меня с собой «захватилось» двенадцать неплохих ручек с толстым, практически «паркеровским» стержнем. Китайские, конечно, но очень неплохие. Их вообще-то Витькина мать набрала на какой-то конференции, где их раздавали в качестве сувениров, причем набрала именно как «запас стержней для паркеровской ручки», а когда выяснилось, что как раз к её Паркеру они не подходят, отдала мне, так как «студентам нужно много писать». Ну а я эту связку (шесть черных, пять синих, по одной фиолетовой, зеленой и красной) сунул в карман сумки и забыл про них. Думал, до осени забыл, а оказалось... до зимы, только вообще не «следующей».

Потом, конечно, то есть с появлением мощного источника денег, проблема с бумагой ушла на второй, или даже на третий план — но ощущения жабы остались. И вот эта жаба напомнила мне о «докторе марихуановых наук». Такое прозвище среди реконструкторов Владимир Георгиевич, вообще-то химик по специальности, получил за то, что во-первых, действительно был доктором наук, а во-вторых потому, что занимался разработкой каких-то специальных порохов, изготавливаемых из конопли. И вот он как раз и говорил, что из конопли получается такая замечательная целлюлоза. А еще он говорил, что для того, чтобы целлюлоза была еще замечательнее, то грядки с коноплей — сразу после того, как она отцветет и будет вырваны все мужские растения, дающие лишь хреновую посконь — нужно «удобрить» карбидом кальция из расчета, если не путаю, сто кило на гектар. И неторопливо выделяющийся при этом ацетилен увеличит урожай семян на треть минимум, на столько же увеличится выход волокна — да и волокно это по «пороховым» свойствам будет много

лучше. Ну и в других применениях конопляной целлюлозы — тоже.

Мужики конопли выращивали много, ведь это и одежда, и до недавнего времени основное масло, и веревки, в народном хозяйстве очень нужные. А доктор технических наук тем и отличается доктора, скажем, искусствования, что может даже школьнику про свою науку все объяснить простыми словами — и школьник всё поймет. Я кое-что про коноплю понял, так что карбидная печь у меня заработала еще до доменной. Ну а то, что пришлось сделать для этого турбогенератор на тридцать киловатт — мелочь, я ведь уже не первую турбину сделал. А вторую...

И оказалось, что Владимир Георгиевич насчет карбида и конопли был прав. А еще он был прав в том, что «даже при использовании сульфатного процесса конопляная целлюлоза будет получаться почти белой». Но вот чтобы в этом убедиться, пришлось сначала сделать еще один турбогенератор: может быть имелись и какие-то другие способы получения щелочи, но я знал только про электролизный. А нужная для этого дела соль... поначалу пришлось использовать дорогую «рыночную», но с недавних пор мне эту соль девать стало некуда. Мои надежды на то, что казна себе ее заберет, не оправдались: Карнеев, уточнив планируемые объемы выпуска «отхода калийного производства», мне просто выдал «привилегию на торговлю солью» и заморачиваться ей больше не стал. Ну да ладно, мужиков у меня много, а перевезти с Камы поближе к ярмаркам миллион-другой тонн стало как бы и не очень трудно.

Совсем нетрудно: Ванька все же придумал, как увеличить выпуск паровых машин и только за тридцать второй год в Алексине на воду спустили сорок два парохода. Совсем, конечно, небольших: там на верфи собирали «стандартные» малые расшивы тонн на двести пятьдесят груза и на каждую ставилось по две машины. Конечно, восемьдесят сил — это не очень-то и дофига, но кораблики шли «по стоячей воде» со скоростью в районе километров пятнадцати в час, а потому рейс от Березников до того же Алексина проходили примерно за неделю. Потому что плыли и днем, и ночью: не зря же я карбид-то делал, так что плыть по ярко освещенной ацетиленовым фонарем реке оказалось несложно. И «первая партия» пароходов в первый же год доставила в Алексин первые сто тысяч тонн соли...

Карнеев «выбил», причем специально «под меня», царский указ о том, что мне устанавливается акциз на продажу этой соли в размере половины от выручки, а вот цена была оставлена на мое усмотрение. Ну гулять так гулять, я «установил» розничную цену в копейку за фунт (то есть две с половиной за килограмм или сорок копеек за пуд), и тем самым вырубил самый прибыльный бизнес Строгановых: у них цена была раз в десять ниже, но на солеварнях Соликамска и «серебром», а у меня цена такая была непосредственно в Москве и «ассигнациями». Так что их «московская оптовая» цена в тридцать копеек за пуд серебром оказалась неконкурентной. Строгановы бросились было царю жаловаться, но тут уже Канкрин вмешался: оказалось, что Павлов платит в казну акцизных сборов с соли чуть ли не вдвое больше, чем Строгановы. А с учетом всех прочих от меня выгод...

Вообще-то нормальный человек в год съедает этой соли килограмма три, а во всей Московской губернии народу проживало чуть больше полумиллиона человеко-рыл. То есть всех от пуза солью прокормить хватило бы полторы тысячи тонн. А сотни тысяч тонн вообще на всю Россию почти хватит! И я сильно порадовался тому, что железные дороги мои уже достаточно широко раскинулись, так что половину доставленного удалось как-то распахать по разным торговым точкам. А другую половину пришлось использовать в сельском хозяйстве и промышленности: солонцы для скотины устраивать и соду делать для

производства стекла: так как аммиак пока возили с коксовых печей, возить соль по реке к железным дорогам оказалось дешевле, чем на месте добычи ее перерабатывать...

А Ванька уже лет несколько как был дворянином: его Наталия Филипповна усыновила. Сначала это проделать хотела Алёна: все же родич, почти что братец двоюродный, но Сорокина её отговорила. Поскольку-де неприлично родню усыновлять, а ей, Сорокиной, отрадой будет то, что фамилия в Родовой книге останется. Забавная мысль, но мы согласились — а через год уже все мелкие свиныхинские «мещане» резко знатность рода повысили: Одоевские дворяне из тех, кто жил на Дворянской улице, усыновили-удочерили всех детишек из деревни. Во-первых, потому что «это модно», а во-вторых, потому что за такие деяния жители улицы получали изрядные плюшки. И сразу — поскольку «Никита Алексеевич к этим детям особо благоволит», и в обозримом будущем — так как обучались почти все они в расчете на занятие престижных (и высокооплачиваемых) должностей. Ну, в принципе да: Филиппок Тургенев уже занял пост директора Алексинского судостроительного завода, а Прасковья Амонтова заняла должность главного редактора новенькой «Железнодорожной газеты “Гудок”».

Вот только все это было и уже прошло, а меня дела ждали, так сказать, «будущие»...

Тут уже пора как бы начинать кульминировать, но процесс предстоит небыстрый, так что поделим его на три части. И в первой Герой получит, наконец, причитающиеся ему за героизм плюшки.

Первого апреля тысяча восемьсот тридцать шестого года в девять утра первый пассажирский поезд отправился из Петербурга в Москву, а в девять часов и одну минуту второй поезд пошел из Москвы в Петербург. Где-то за год до этого «торжественного момента» Николай Павлович приперся на пуск второй «большой» домны в Луганск и был очень раздосадован тем, что выпуск первого чугуна из первой домны прошел за день до его визита — ну а я очень сильно порадовался его «опозданию». Потому что «все пошло не так» и из домны вышел чугун, сильно перемешанный со шлаком. Даже, точнее, шлак, слегка перемешанный с чугуном. Оно и понятно: только в зумпфе, как показали мои расчеты, должно было накопиться около тысячи тонн чугуна, а до этого светлого момента должно было пройти еще пара дней. Жаль только, что расчет я сделал уже после того, как через чугунную летку потек шлак. Опять же, народ к печи не привык, работу пока еще не полностью освоил — так что «в демонстрационных целях» в мартены залили чугун из «старых» печей. Которые на фоне «новых» вообще не смотрелись.

Я все свои печи строил по Витькиному руководству: первая, объемом четыре кубометра, соответствовала середине еще восемнадцатого века, вторая, на семьдесят два куба, выстроенная вместо двенадцатикубовой печки Засыпкиных, соответствовала как раз первой четверти века девятнадцатого (если не считать кауперов, конечно) — и была самой большой печью, которую можно было эффективно топить древесным углем. Третья — на триста тридцать кубов — была «американской конструкции» где-то конца семидесятых годов этого же века, и являлась, по крайней мере по словам Витьки, самой большой печью, которую можно было ставить с кирпичной оболочкой. А вот новые, большие (по тысяче с небольшим кубиков) были уже советского проекта годиков так пятидесятих двадцатого века, и были эти «стальные» печи диаметром метров в двенадцать и высотой около тридцати пяти — это не считая восьмиметрового фундамента, наполовину спрятанного под землей. Чтобы такая печка правильно работала, там стояло семь паровых машин мощностью от сорока и до двухсот сорока сил, а обслуживали ее смены человек по семьдесят. Четыре смены по семьдесят человек. И по шестнадцать человек в смену обслуживали кауперы. Правда, на кауперы и восьми было бы довольно, да и на самих домнах полусотни мужиков хватило бы — но как и где еще обучать подрастающую смену?

Зато — если печку кормить агломератом или окатышами и подкармливать кислородом и метаном — печка должна была выдавать по тысяче четыреста тонн чугуна в сутки. А вот так, поглощая простую (хотя и очень хорошую) руду и обходясь как без кислорода, так и без метана, печка спустя месяца три после запуска допыхтела до производительности в шестьсот ежесуточных тонн. Двести двадцать тысяч тонн в год, чуть больше, чем все остальные домны России (не включая, правда, мои «мелкие»). А уж две такие печки...

Тогда Николай Петрович слегка обалдел от увиденного, а когда все же пришел в себя, поинтересовался:

— Никита Алексеевич, вот вы, как я понимаю, нынче привели к разорению всех прочих

металлистов. Но ведь России далее железа потребуется куда как больше...

— Я в курсе, поэтому сейчас приступаю к постройке еще двух таких же печей. Здесь приступаю, но есть планы и в иных местах заводы новые поставить.

— Я как раз к этому и веду: что вам еще потребно для развития производств ваших? Земли, привилегии, что там еще понадобится может?

— Насчет земель я уже Карнееву докладную составил, но чтобы время не тянуть, вам же ее и передам сегодня же. Сдается мне, что у чухонцев есть места весьма перспективные в деле увеличения богатств земель русских. Но это на будущее, а нынче мне было бы очень полезно земли возле Оскола в работу взять. Здесь я уже могу выделывать почти тридцать миллионов пудов в год, года через три и до пятидесяти или даже шестидесяти миллионов производство доведу. А с Осколом — так и за сотню миллионов... через три года после землеотвода. Через четыре, а то мало ли что случиться может...

— Вы пуском двух всего печей разом позволили России догнать Британию в выпуске чугуна, а через три года ее обойдете вдвое или втрое...

— Британцы тоже лапу сосать не будут.

— Не сомневаюсь в этом. Но ведь вы всяко британцев обгоните в делах железных?

— По валовому производству безусловно, а вот если брать на душу населения, то все пока выглядит отвратительно, ведь у Британии народу пятнадцать миллионов, а в России уже около пятидесяти. Так что нам пристало британцев обогнать минимум втрое, да и тогда мы, считай, вровень будем.

— Ну если так считать... А если запрашиваемые земли вы получите, то сможете их и в подушном исчислении обогнать?

— Да как два байта переслать!

— Что, извините?

— Обгоню. Дайте мне земли и четыре года — и точно обгоню. Да, Ваше Величество, я еще вот что спросить хотел: у нас с германскими княжествами отношения хорошие?

— Неплохие. А ваш интерес тут в чем?

— Есть у них руды интересные, коими земли российские обделены — ну, или их не нашли еще. Если я с какими-нибудь немцами торговые договора заключу на поставку мне этих руд, сможет держава в случае неприятностей заставить немцев договора сии исполнять? Опять же, кое-что из техники германской мне было бы весьма полезно прикупить...

— Вам гарантии потребны от казны?

— Нет. Мне, возможно, будут потребны войска, чтобы объяснить кое-кому, что заключенные договора следует исполнять в срок и с должным качеством. Но это, конечно, я на крайний случай интересуюсь.

— Договора заключайте, ежели вам они столь нужны. А насчет таких гарантий... мы подумаем, как их обеспечить.

Тогда мое общение с царем на этом и закончилось, а теперь я его встречал в Москве. Был, конечно, соблазн на «техническом» рейсе припереться в Петербург и оттуда сопровождать Императора в Москву — но это, по моему мнению, было бы неприлично. Император должен быть первым пассажиром, и нехрен выпендриваться, а то царь и обидеться может.

Поезд прибыл в Москву точно по расписанию, не зря Ванька изобретал прямоточки

по полтора ста сил. Трехсотсильный паровоз по отличной дороге легко тащил шестивагонный поезд со скоростью до семидесяти километров в час, благодаря конденсаторам (и прохладной довольно погоде) воду пришлось доливать лишь на станции Бологое — да и то там больше ждали встречного поезда, чтобы Николай мог насладиться видом прибывающего эшелона. Так что ровно через десять часов после отправления из Питера поезд прикатил в Москву, а первый вопрос Николая ко мне прозвучал несколько странно:

— Никита Алексеевич, а зачем вы сделали промежуток между рельсами вдвое большим, чем на прочих ваших дорогах?

Ага, ни как я придумал стадвадцатипятиметровые мостовые пролеты, ни каким чудом была выстроена эстакада в четыре с половиной километра, ни кто проектировал прекрасные здания вокзалов...

Кстати, о вокзалах. В Москве и Питере вокзалы были выстроены по «моему» проекту: я просто нарисовал по памяти Ярославский вокзал, выстроенный Шехтелем, и отдал картинку специально нанятым архитекторам: мне просто Ярославский больше всего нравился, по крайней мере внешне. В обеих столицах вокзалы были выстроены совершенно одинаковыми, с той лишь небольшой разницей, что в Москве внутренние стены главного зала отделялись белым мрамором, специально закупленным в Карраре, а в столице использовался мрамор отечественный, бежевого оттенка с прожилками. Откровенно говоря, мне на итальянский для Питера денег было просто жалко. Три «промежуточных» вокзала первого класса — в Твери, в Бологом и в Малой Вишере — «повторяли» Рижский вокзал, четыре станции второго класса обеспечивались вокзалами, «идентичными вокзалу в Калуге», а на станциях четвертого класса ставилось здание, очень похожее на вокзал в Мытищах до того, как его «осовременили». Единственным отличием от «прототипов», сохранившихся в моей памяти (и памяти моего телефона, откуда я их, как смог, в свое время перерисовал) было то, что здания вокзалов трех первых классов снаружи отделялись камнем, а все вокзалы четвертого класса были снаружи оштукатурены и покрашены в разные цвета. Это, правда, только снаружи строения повторяли «прототипы из будущего», внутри я лишь частично знал планировку Калужского вокзала (той части, куда пассажиры могли попасть) и постарался ее повторить, а всё остальное нанятые архитекторы сделали по своему вкусу. Ну, с учетом моих разъяснений, что вокзалу положено иметь, и моих же достижений в части применения железобетона...

А еще все эти вокзалы в темное время свечами освещались, что оказалось делом нетрудным и недорогим. Я буквально случайно узнал, что какой-то француз придумал, как добывать стеарин из свиного жира — но сало с чесночком я уж лучше внутрь употребляю. Просто потому, что «как добыть стеарин из любого жира» было одной из популярнейших тем, обсуждаемых реконструкторами — а у меня масла подсолнечного стало уже вообще завались! А если масло омылить известью а потом из этого хренового «мыла» кислотой (например уксусом, которого у меня тоже теперь было овердофига) выделить искомый стеарин, то в отходах еще и дохренищи глицерина получается. То есть собственно дискуссии у реконструкторов шли в основном с ориентацией на глицерин, а он тоже лишним не бывает...

Причем масло у меня в избытке было именно «техническое»: ведь как семечки не отжимай, а процентов десять масла остается в жмыхе — но ведь жалко ценный продукт просто так выкидывать. А вот если их жмыха остатки экстрагировать тем же бензином... Ну

я же не зря Апшерон целиком выкупил! Выкупил и тихонечко, безо всякого ажиотажа, начал возить нефть (в специально под это дело изготовленных железных бочках) на нефтеперегонный (пока лишь так) завод. В Алексин. Понемногу, примерно по триста тонн в сутки.

Так что масло экстрагировалось бензином, бензин испарялся (в перегонных установках, большей частью сохраняясь для повторного использования), ну а масло после испарения бензина было, конечно, все тем же подсолнечным маслом, но использовать его в пищу было как-то стрёмно. А вот пускать его на свечи и глицерин — даже полезно.

Тем более, что за свечи я теперь получал и «в иностранной валюте». В Баварии местные купцы решили тоже железной дорогой обзавестись, и, как я понял, сунулись было к англичанам насчет такого строительства — но Стефенсон запросил какие-то совершенно несуразные деньги за шесть километров путей, так что сделка не состоялась. Просто потому, что и до Европы донеслись известия о том, что в России дорог уже «тысячи миль», и там собираются проложить дорогу между столицами за три года и «практически бесплатно».

Ну, насчет «бесплатно» я баварам все быстренько объяснил, так что сговорились на сумме в сто тысяч рублей — и всю дорогу мои мужики им выстроили месяца за четыре. Со «старыми» рельсами (то есть типа Р35 и из обычной стали), на листовенничных шпалах (оказывается, и в Баварских Альпах этой листовенницы хватает). Колею я сделал такую же, как и в России: ровно полтора метра. А еще за отдельные (но небольшие) денежки я баварцем продал паровоз (один) и пассажирские вагоны (три). Они больше хотели, но я им объяснил, что «самому не хватает», но если совместно с этими купцами мы выстроим где-нибудь в Мюнхене Bayerische Maschinenbau Werke, то у них будут и свои паровозы с вагонами, и я продукцию завода буду массово закупать. Потому что здесь — просвещенная Европа, а в России мужики лапотные все делают исключительно медленно...

Кстати, мне Витька несколько раз говорил, что название это с точки зрения хойдойча неправильное, но на старом баварском диалекте очень даже корректное, так что никто из баваров меня в неграмотности не упрекнул, а сама идея им понравилась. Купцы кинули клич, собрали еще акционерного капитала тысяч двести. И побежали строить завод. Правда, моя мысль насчет Мюнхена их не вдохновила: ведь оттуда привезти паровоз или вагон в отсутствие железной дороги — развлечение не для слабых духом, и завод прямо в Нюрнберге строить и стали...

Постройку дороги в Баварии возглавлял Мельников, Павел Петрович — он вообще-то числился начальником строительства дороги от Москвы до Клина, но я попросил его к германцам съездить, опыта реальной стройки поднабраться — ну, пока у меня производство качественных рельс не налажено. Он, в том числе и германским наречием владеющий (правда, отнюдь не баварским), дорогу выстроил, все бумажки, о которых я просил, подписал. В том числе и насчет фонаря в паровозе, ацетиленового. Сейчас-то фонарей, тем более достаточно ярких, пока не было, а без фонарей ночью ездить тоскливо — и Мельков подписал договор, по которому баварцы у меня закупали ацетилен. То есть карбид, конечно, но задорого: я точно знал, что еще лет сорок минимум сами они его сделать не смогут. Немцам было сказано, что это — редкий минерал, добываемый в недрах Сибири, поэтому его доставлять долго, дорого и очень опасно. Но так как нужно его немного, то мы готовы поделиться, всего-то за пару гульденов за фунт...

Баварская железка вдохновила многих в окрестностях, такие же дороги захотели построить и в Саксонии, и в Пруссии. С саксонами я тоже быстро договорился (точнее, с

ними договаривался Николай Осипович Крафт, который руководил постройкой участка дороги Тверь-Бологое), и тут уж удалось саксонов уговорить совместное предприятие по постройке вагонов выстроить в Вольфсбурге, и назвать завод скромно (и без ошибок с точки зрения саксоно-прусского наречия): Volkswagenwerk. С местом все было понятно: земли вокруг замка формально являлись собственностью Пруссии, завод должен был работать и на Саксонию, и на Пруссию. Сырье (то есть металл) поступало из Саксонии, рабочие большей частью из Пруссии набирались, так что совершенно нейтральное название «народный вагон» всех устроило.

Немцы — народ работающий, завод в Вольфсбурге выстроили за полгода (а в Нюрнберге завод строили полтора года, но ведь и паровоз посложнее вагона будет), так что уже в тридцать седьмом году на дорогу из Петербурга до Москвы поступили германские паровозы и вагоны. Товарные вагоны и грузовые паровозы. А еще оттуда мне поступали деньги, довольно много денег.

Дело в том, что пруссаки паровозы делали уже лет двадцать. Хреновые паровозы, но делали. Делали, но очень хреновые. Причем хреновые идеологически, конструктивно хреновые, а не технологически. И тут вдруг появился девайс очень даже прогрессивной конструкции — так почему бы и не воспроизвести-то? Международное патентное право отсутствует как класс...

Спустя всего год после пуска Баварской дороги ко мне приехала группа немецких товарищей, делавших в Берлине паровозы, спернутые у англичан (для каких-то внутризаводских дорог делавшие). Но они и у британцев работали неважно, а уж мелкие немецкие усовершенствования довели их до совершенно убогого состояния. С моей точки зрения убогого: паровоз мощностью в пятьдесят «лошадок» хорош будет разве что на узкоколейке с парой пассажирских вагончиков. А немцы мощность даже процентов на пятнадцать увеличить смогли относительно британского «прототипа», проблемой стало лишь то, что расход топлива при этом вырос чуть ли не вдвое...

Но такое почти полное фиаско натолкнуло германцев на мысль, что для выпуска магистральных паровозов лучше уж о технологических тонкостях у конструкторов качественного девайса спросить — и они, сжимая немаленькую копеечку в потном кулачке, прибыли в Тулу. По дороге поняв, что этой копеечкой им все же не обойтись: десять часов путешествия из Петербурга в Москву, а потом шесть часов по узкоколейке из Москвы в Тулу (причем через Калугу, где был мост через Оку) как бы намекнули им, что в лапотной России про железные дороги и паровозы очень даже понимают.

Договор они подписали, благо ихний курфюрст Фридрих-Вильгельм третий им право такое делегировал. За лицензию изначально мне полагалось двести тысяч рублей, причем золотыми русскими пятерками или десятками, и меня не волнует где они именно «русское золото» возьмут. Пусть хоть слитками в Петербург золото завозят и чеканку новых монет заказывают.... За каждый изготовленный в Берлине паровоз мне полагалось две с половиной тысячи саксонских талеров (то есть чуть больше трех тысяч рублей серебром) — это не считая каждого пятого паровоза, который мне передавался бесплатно. Натуральный «оброк» заканчивался с получением Россией пятидесятого паровоза, а в денежном выражении — после выпуска пятисотого паровоза без учета «оброчных».

Руководитель немецкой делегации, которого звали двойным именем Иохан Фридрих, поначалу высказал свое сомнение:

— Вы считаете, что ваши условия можно назвать честными? Это же кабала лет на

пятьдесят!

— Нет, это, конечно, можно назвать в каком-то смысле кабалой, но максимум лет на пять. Сейчас в Европе все бросились строить железные дороги, а приличных паровозов ни у кого нет. Британцы делают полное убожество, скорость в двадцать пять километров в час для них достижима только под горку и без груза, пять вагонов с пассажирами они тащат со скоростью до двадцати километров. Мои паровозы перевозят до пятнадцати вагонов с грузом в двести тонн со скоростью в шестьдесят километров в час. Но мои заводы не могут обеспечить и российские дороги нужным числом локомотивов, а в Европе лет через пятьдесят потребность в паровозах будет исчисляться сотнями в год.

— А почему вы всё считаете французскими мерами?

— Метрическими, в них считать удобнее.

— И поэтому колею вы установили в полтора метра?

— Всяко удобнее, чем британские четыре фута восемь с половиной дюймов. Хорошо, тогда я предлагаю ограничить платежи и поставки бесплатных паровозов сроком в десять лет, если изначальные условия не будут достигнуты раньше. Однако условие, что я буду покупать паровозы по себестоимости и после прекращения лицензионных платежей в объеме до четверти всего производства, останется.

— Вот умеете вы уговаривать, — усмехнулся германец. — Курфюрст намечает постройку дороги из Берлина в Дрезден, и там потребуется минимум восемь паровозов, то есть первые два вы получите уже через год. Однако позвольте задать вопрос: сейчас британцы и австрийцы на существующих дорогах используют рельсы длиной пятнадцать футов, а в Баварии вы ставили рельсы длиной почти шестьдесят пять...

— По двадцать метров. Ровно по двадцать метров, пятьдесят рельс на километр. Я же говорю, так считать удобнее.

— У меня второй вопрос касается продажи лицензии на изготовление подобных рельсов.

— Не вопрос, лицензия вам обойдется всего-то в пятьдесят тысяч рублей золотом. Но вы можете просто выкинуть это золото в море, потому что сама по себе лицензия вам ничего не даст: у вас нет нужных технологий. Так что я лучше предложу всего за сто сорок тысяч поставить вам прокатный стан, который сможет катать такие рельсы, на это уйдет примерно год. Причем заранее предупреждаю: мы не будем нести никакой ответственности по обеспечению этого стана металлом, пусть сталь уже саксонские металлурги поставляют.

— А не велика ли цена за прокатный стан? — попытался возмутиться немец. Оно и понятно, нынешние станы занимали площадь в три квадратных метра и приводились в действие относительно небольшими водяными колесами.

— Вы пока просто не понимаете, что это такое, я имею в виду рельсовый стан. Лучше я вам его покажу, мы можем быстренько съездить в Липецк и посмотреть своими глазами. Потом, я думаю, вы поймете, что я всего лишь слеую просьбе русского императора и предлагаю вам самые выгодные условия, то есть поставки по себестоимости — ровно так же, как мы оговорили про поставки в Россию паровозов. Сейчас одиннадцать часов утра, в шесть вечера вы всё сами увидите и мы продолжим разговор.

Разговор продолжился на следующее утро, но он получился очень коротким:

— Я полностью с вами согласен в том, что цену вы назвали более чем скромную. Но, боюсь, сейчас я не готов даже говорить о сделке: я не знаю, можно ли в Саксонии или Пруссии заготавливать стальные балки весом по две тысячи фунтов. Боюсь, что вы правы: у

нас нет нужных технологий. Тогда задам еще один вопрос: а вы можете поставлять нам готовые рельсы?

Германец про ширину колеи не просто так спросил. Однако спросил он вовсе не то, о чем я подумал. То есть не совсем то, однако ответ мой его полностью удовлетворил. Вообще-то вопрос про ширину железнодорожной колеи будоражил умы непричастных граждан моего прошлого будущего уже который век, в особенности отечественные ширнармассы волновал вопрос «почему в России колея шире». А такие же массы, но зарубежные, волновал вопрос, а почему именно «четыре фута восемь с половиной дюймов». Ведь нормальному человеку трудно себе представить, что другой нормальный человек — скажем, тот же Стефенсон, придумывая степенсоновскую колею, прикидывает: «Нет, четыре фута и просто восемь дюймов как-то несолидно, пусть будет восемь с половиной». Поэтому появляются теории о том, что это ширина колеи еще римской колесницы, или даже ширина задницы римской лошади... Но правда — она проста, хотя и может вызвать шок в неокрепших умах: русская колея — это ровно пять футов, число, которое запомнить просто. А степенсоновская колея — тоже ровно пять футов. Но американские южане, которые первыми стали использовать «русскую колею», считали футы между внутренними частями головки рельса, а британец — между наружными. Сейчас это трудно понять, глядя на рельсы современные — но тогдашние были да, именно такими тонкими. А вот мои даже Р-35 были уже заметно толще, и вопрос про колею был на самом деле вопросом о том, где на колесах будет реборда: снаружи или внутри. Или вообще посередине...

В принципе, поставлять рельсы в Германию было бы выгодно — но при условии, что в Германии можно было бы что-то приличное купить. А купить там можно было мало что: скотина породистая, кое-какая руда, самим немцам сейчас совершенно ненужная, а потому дешевая — но на это-то много денег и не требуется. С другой стороны, постройка там железных дорог стала бы невероятно эффективной рекламой моих заводов — а деньги, если они не бумажные, а металлические, можно и в других местах потратить. С третьей стороны...

Рельсы в Германию все равно пришлось продавать. Потому что валюта — это валюта, и за нее действительно много чего купить можно. За рубли серебряные или золотые тоже можно, но это обойдется заметно дороже: банки за обмен комиссию просто безбожную драли. А те же французы, британцы и бельгийцы за германские деньги и без обмена валюты были готовы торговать.

А в этих странах многое можно было купить, причем того, чего в других купить было нельзя. Как бы британцы не выживались, но лучшие прядильные станки делали бельгийцы, а ткацкие — как раз французы. Но вот чесальные машины все же лучшие делались на туманном этом, как его... Я, конечно, и без машины почесаться могу, а вот Алёна, раздосадованная крайне низкими темпами одевания детишек в школах, развернулась не на шутку. Накупила машин (импортных), людишек обучила на них работать (отечественных), и открыла в Ефремове ткацкий комбинат. Там же заодно организовала и «текстильный институт», в котором человек семь инженеров должны были всячески машины улучшать. Они и улучшали: уже через полгода ткацкие станки из педальных превратились в «паровые», да и вообще оборудование быстро стало переводиться на паровую тягу. То есть Россия стала резко обгонять зарубежцев в текстильной промышленности, и обогнала бы — если бы не

одно «но»: с сырьем все было удивительно хреново. Шерсти тонкорунные овечки давали мало, так как овец таких было отнюдь не изобилие, хлопка практически вообще не было (его возили из Египта, причем возили османские купцы, и стоил он что-то дороговато) — так что пришлось ткать из того, что было в относительном достатке. То есть из конопли. Зато — правда, я тут слегка подсуетился — почти половину продукции комбината составляла очень специфическая саржа, где основа была толстая и некрашенная, а уток потоньше и крашеный. В основном в синий цвет.

Из такой ткани ту же форму школьникам или одежду рабочим шить было вполне приемлемо — и тут уже не хватило мощностей моей «швейной промышленности», то есть пошивочной мастерской, которую жена в Одоеве давно уже организовала. Но Гераскин уже наладил относительно массовый выпуск швейных машин (которой я присвоил торговое название «ЗИНГЕР», ибо Зиновий Гераскин), так что и это было решаемо. Было бы — однако в Тульской губернии «свободных трудовых ресурсов» практически не осталось — и Алёна обратила свои взоры в Первую Столицу. Вот там безработных баб (и женщин тоже, но баб было просто заметно больше), желающих улучшить свое материальное положение, было даже в избытке — и вскоре там выросли сразу четыре швейных фабрики. Чтобы не наращивать бюрократический аппарат, я предложил создать для них единую дирекцию, а всё вместе назвать словом «Объединение». Ну а я поучаствовал в разработке фирменного клейма: нарисовал этикетку по мотивам опыта Отто Герике, но вместо шара поместил туда штаны... Так возникло Московское производственное швейное объединение «Рабочая одежда» — и Алёна возражать не стала, тем более первым крупным заказом стал пошив как раз фирменной одежды для работников железных дорог.

Железную дорогу между столицами я проложил рельсами типа Р45, «тяжелыми», причем изготовленными из марганцевой стали — надеясь, что такие рельсы прослужат хотя бы лет десять-пятнадцать. И только рельсы на этом пути потянули на сто шестьдесят тысяч тонн, а всего — с учетом подкладок, костылей, накладок, винтов с гайками и различных металлических конструкций вроде мостов — на дорогу было потрачено больше трехсот тысяч тонн различной стали. Это — на шестьсот пятьдесят километров. С одной стороны — овердофига, а с другой — это было чуть меньше годового выпуска «больших» кирпичных липецких доменных печей, шесть которых успешно давали стране металл уже «долгие годы». Там же, в Липецке, и рельсы для дороги катались на новом стане, а задержка в их изготовлении объяснялась просто: сначала мне нужна была дорога, которая в Липецк позволит марганец привезти. Все «вспомогательные» дороги я проложил «старым» рельсом Р35, причем из простой конвертерной стали — и на них металла ушло почти столько же, сколько и на «основную дорогу», ведь на узкоколейке те же два рельса на пути, и прокладки, накладки и костыли почти не отличаются от используемых на «нормальной колее». Однако и такие траты ценного металла оказались вполне подъемными.

Однако Николай, после вопроса о ширине колеи, поинтересовался и «моими дальнейшими планами на постройку рельсовых дорог», высказав, как бы мимоходом, свои в этой части пожелания. Причем именно «как бы мимоходом», очевидно не веря, что я смогу приступить к постройке еще чего-либо столь же грандиозного. Но когда я ответил, он лишь на секунду задумался, а затем произнес:

— Со мной в Москву прибыл и Егор Францевич, весьма желающий с вами серьезно побеседовать. Дабы вы не испытывали излишних смущений, граф, перед беседой с ним, в которой и я участие приму, хотел бы с вами же встретиться особо. Надеюсь, супруга ваша

так же пребывает в Москве?

— Да, конечно, — я указал на стоящую чуть в стороне, в окружении прочих встречающих Императора, Алёну.

— Дабы не затягивать, я прошу и вас, и графиню проследовать со мною в Кремль, и если у вас нет никаких иных срочных дел, то вас проводят к вашему экипажу, — с этими словами Николай довольно заржал... в смысле, рассмеялся и протянул мне свернутую бумагу:

— За достижения ваши в деле процветания Державы жалую вас графским титулом. И я не считаю сие достаточным за дела ваши... впрочем, свидимся в Кремле.

В Кремле, в среднем по величине зале в Теремном дворце, был организован торжественный обед, на котором Николай, широко улыбаясь, объявил, что «за величайшие заслуги перед Державой» я удостоен ордена Андрея Первозванного, а Алёна, как вдохновительница моих свершений, удостоена ордена Святой Екатерины. После вручения знаков этих орденов Николай предложил «дамам продолжить празднование», а меня увлек в отдельный кабинет, где уже сидел Егор Францевич и, к моему удивлению, Александр Христофорович, которые меня поспешили поздравить с «заслуженной наградой». После чего царь немедленно перешел к делу:

— Прежде всего я хотел бы выслушать объяснения по поводу того, зачем вы столь усердно принимаете участие в постройке железных дорог в Германии. Не в упрек, мне просто это интересно. И прошу дать пояснения к вашим последним планам относительно скорейшей постройки дороги из Петербурга в Варшаву. Да, Александр Христофорович, наш граф мне сии планы изложил, встретив меня в Москве на вокзале...

— В постройке железных дорог в Германии я участвую... как бы это пояснее выразить... технологически и финансово. То есть я немцам передаю некоторые технологии в обмен на участие в их новых предприятиях. Которые, в счет моего участия, будут практически бесплатно поставлять уже на русские железные дороги паровозы и вагоны. Что же до Варшавской дороги, то она нужна для того, чтобы по ней из Германии возить то, что сделает продукцию уже моих заводов лучше любой зарубежной и вдобавок дешевле. Сами же железные дороги в Германии — да и не только в Германии — я помогаю строить во-первых не бесплатно, а во-вторых, обеспечивая тем самым совместимость их с дорогами российскими. То есть вагоны, загруженные разными товарами — в основном сырьем — в том же Руре, без перегрузок доведу в Москву и далее по России. И точно так же грузы, которые лягут в вагоны в глубине России, без помех и перегрузок поступят на европейские рынки. Причем все расходы на перевозку за пределами России понесет Германия, ну и другие страны, подобные пути выстроившие — поэтому я считаю, что использование нашей колеи даст нам огромные преимущества в торговле.

— А еще вы им рельсы выгодно продадите... кстати, я спросить хотел, — немедленно в разговор влез Егор Францевич, — Вы на столичную дорогу столь тяжелые рельсы использовали имея в виду даже казне подороже их продавать?

— Вот от вас, Егор Францевич, слова такие мне слышать и смешно, и обидно. Я же обещал Державе металл по себестоимости продавать, так что мне тяжелый рельс выгоды не даст. А вот России — даст. Старый, легкий рельс — он до полного износа выдержит перевозку хорошо если сотни миллионов пудов груза. А мой новый, хоть и в полтора раза дороже старого, выдержит до десяти миллиардов пудов. То есть по деньгам выгода получается в сто раз только на самих рельсах, даже если не считать затрат на работу по их

замене и потерь от простоя дороги.

— Уели, граф! — рассмеялся Николай. — Но тогда вопрос относительно Германии...

— А за границу я такие рельсы скоро продавать вообще не буду. Я им лучше передам технологии прокатки длинных рельсов, пусть сами катают, сами меняют их каждые четыре-пять лет. А я буду лишь прибыль получать от продаж тех плохеньких рельсов иностранным дорогам как совладелец этих рельсовых заводов...

— Вы уж извините, Никита Алексеевич, — в разговор вступил Бенкендорф, — но мне было бы интересно узнать, что движет вами в плане создания удобств к зарубежной торговле.

— Видите ли, Александр Христофорович, мои нынешние рельсы, несмотря на объявленные характеристики, все равно полное говно. Не такое, как британские, но я не могу пока их сделать лучше, хотя и знаю как. А в Германии есть руды, ныне никому не потребные, но малые добавки этих руд к моей стали цены того же рельса увеличат еще хорошо если на четверть, но сроки износа вырастут еще минимум вдвое.

— Понятно, в России и руда — говно, и сталь, без германцев нам не обойтись, так? — сварливо поинтересовался Николай.

— Нет, Ваше Величество, и в России руды нужные есть. Только сейчас до них добраться трудно, а в Германии их можно без особых затрат брать. Так что пока буду использовать то, что есть — а заодно и иностранцев лишать будущего ценного сырья. Да, пока не забыл: Николай Павлович, — я обратился к царю не по чину, но внезапно вспомненное напрочь отбило у меня чиновничество, — если кто вдруг будет вам предлагать Калифорнию и Аляску продать, то скажите Александру Христофоровичу: пусть он выяснит, кому из врагов Державы нашей предлагатель сего служит. А если решите по каким-либо причинам все же земли эти продать — мне продайте.

— И с чего бы это у вас такие заботы о землях столь отдаленных?

Я оглядел собравшихся: царь, министр финансов, главжандарм. Люди, вряд ли желающие продаться зарубежцам. Так что, глубоко вздохнув, на вопрос ответил:

— Там только золота в земле на сотни миллионов рублей. И овердофига еще чего, ценою в разы дороже того золота.

— Так что же вы здесь, а не там? — спросил Николай, а Бенкендорф посмотрел на меня с явным подозрением.

— Там этого всего столько, что даже соваться туда, не имея своего населения более миллиона взрослых мужиков с ружьями, бесполезно. Тут же и испанцы полезут, и мексиканцы, и американцы, да и прочая шушера со всех других стран помчится отбирать земли у России. Вот когда мы земли эти заселим...

— Это же очень далеко, — с разочарованием протянул Канкрин.

— Именно поэтому сначала нужно проложить дорогу от Москвы и до Тихого океана, откуда мы легко Америку своими людьми сможем пополнить. Чем я потихоньку и займусь...

В которой англичанка готовится к тому, чтобы крупно нагадить.

Уильям Лэм, второй виконт Мельбурн и премьер-министр Великобритании внимательно посмотрел на собравшихся. Мероприятие было для всех крайне неприятное, потому что довольно внезапно выяснилось: британская промышленность уже не лучшая на планете! Более того, некоторые иностранные державы попросту пренебрегают закупками британской высокотехнологичной (и очень дорогой) продукции, предпочитая дешевые подделки из явно слаборазвитых стран — и вот причины этого следовало Кабинету прояснить для себя, чтобы предпринять действенные меры по восстановлению мирового господства (хотя бы технологического):

— Что вам удалось выяснить?

Первым ответил лорд Данфермлин, посол в Германии, специально вызванный в Лондон на эту встречу:

— Завод в Нюрнберге баварцы выстроили сами, по подписке, сразу после того, как была выстроена там железная дорога длиной в четыре мили. По контракту на дорогу был поставлен лишь один паровоз, но они решили, что паровозов нужно больше. И, кроме того, они почти сразу начали постройку и дороги к Мюнхену, где потребуется уже не менее десятка паровозов.

— А почему дорогу в Баварии построили какие-то русские, а не мистер Стефенсон, вы выяснили?

— Русские предложили ее выстроить почти втрое дешевле, тут любой бы принял их предложение. Тем более что у этого русского подрядчика, Павлов его фамилия, только в личном поместье уже действовало железных дорог более двухсот миль. Дороги, правда, почти игрушечные, с колеей чуть больше двух футов — но у него уже действовало производство рельсов, шпал, крепежа — вот он и смог поставить нереально низкую цену. А вот даже второй паровоз баварцам изготовить не сумел.

— Позволю возразить, — прервал первого посла Улик де Бург, первый маркиз Клэнрикэрда и посол Британии в России. Его специально не вызывали, он ненадолго покинул Петербург в связи с похоронами какой-то престарелой родственницы — но старушка померла очень удачно, как раз когда маркиз понадобился Кабинету:

— Павлов — это тот, кто выстроил дорогу между столицами, а когда он договаривался с баварцами, у него по двухсотмильной дороге поезда ходили со скоростью до сорока миль в час. А у нас до сих пор далеко не каждый паровоз достигает хотя бы двадцати миль...

— И именно поэтому русские на дорогу между столицами покупают паровозы и даже вагоны в Германии, — огрызнулся «немец».

— Кстати, я просил вас уточнить, откуда вообще взялся этот Август Борзиг? — прервал начинающуюся склоку премьер.

— Он до того, как открыл свою паровозную компанию, работал старшим мастером чугунного литья в Франца Эгельса. Эгельсу Фридрих-Вильгельм практически навязал выпуск паровозов, с большими обременениями по лицензии, и когда его мастер предложил разделить производства, он немедленно согласился. За Эгельсом осталось производство паровых машин для заводов и фабрик, а Борзиг занялся исключительно паровозами.

— И за три года занял почти весь европейский рынок? Почему французы, австрийцы и даже итальянцы заказывают паровозы в Германии, а не у нас? И почему германцы не платят за лицензию Стефенсону или Ротвеллам? И вообще, кто передал лицензии германцам?

— У них паровозы не британских конструкций. У баварцев лицензия русская, у Борзига — тоже русская, но другая. Шуберт — это который наладил выпуск паровозов в Дрездене — начал строить паровозы конструкции Ротвеллов, но построил лишь один такой паровоз, а потом тоже перешел на выпуск паровозов по русской лицензии. Точнее, он сейчас делает некоторые детали паровозов для Борзига.

— По русской лицензии?!

— Это не повод для паники, — меланхолично заметил де Бург, — придумать что-то интересное может каждый папуас. А вот изготовить придуманное... Ведь Борзиг делает почти все паровозы для дороги между русскими столицами, и ему платят именно потому, что в России сами сделать такое не в состоянии.

— Но ведь первые локомотивы они сами сделали! А сама дорога... — лицо у британского премьера покраснело от негодования.

— Я уже неоднократно писал в своих докладах, что эта дорога — просто, как говорят русские, пускание пыли в глаза. У них есть пословица о том, что правду о российском бюджете знают лишь двое: русский царь и Канкрин. Но и у каждого из них эта правда разная, так что вообще никому неизвестно, какая из этих правд истинная. Нигде не указана стоимость постройки этой дороги, но наши инженеры примерно подсчитали, и получается, что она обошлась от трети до половины годового бюджета русской империи. И последствия этого русский царь будет разгребать еще минимум лет десять. Они же почти полностью перестали продавать нам зерно...

— И пеньку, — добавил премьер, — что очень беспокоит Морское министерство.

— И пеньку, и сахар: в стране наступает голод и русские все поля засеяли хлебом чтобы крестьяне не вымерли от голода. Всё равно вымрут, но это не наша забота. Лично меня беспокоит то, что Германия в России довольно быстро строит новую колонию — при том, что доступ британских подданных к русской промышленности и торговле с каждым днем все больше ограничивается.

— То есть вы считаете, что нам нужно срочно заставить русского царя учитывать наши интересы?

— Нужно, но не срочно. Пусть сначала немцы устроят там нужные нам рудники, проложат дороги. Кстати, этот Павлов — у него мать немка, поэтому германцы через него все это и проделывают, но пока на это внимания обращать не стоит, разве что принять в качестве рабочей гипотезу о том, что и первые якобы русские паровозы по сути германские. А вот с Германией нужно что-то делать, а том числе и для того, чтобы немцы побыстрее выстроили нужное нам в России. И не выстроили ненужное нам у себя...

Кульминация — продолжение

В котором Герой творит много такого, за что ему потом может стать стыдно — но не станет, потому что он всё делает правильно.

Император внимательно выслушал сказанное, а затем, улыбнувшись, вдруг спросил:

— Граф, а во сколько вам обошлась постройка дороги? А то мы тут с Егором Францевичем поспорили...

— Вы проиграли, — усмехнулся, в свою очередь, я.

— А Егор Францевич...

— Тоже проиграл. Дорога мне обошлась примерно в шестьсот сорок тысяч рублей.

— Я же всерьез спрашиваю...

— Ну, если всерьез, то в шестьсот сорок две тысячи двести тридцать восемь рублей и двадцать копеек. Должно было быть восемнадцать копеек, но управляющий мой, Петр Петрович, оказался две копейки сдачи медью брать, о чем в финансовом отчете и указал специально.

— Никита Алексеевич, вы же, насколько мне известно, даже мужикам-металлистам вашим за выделанную сталь платили по пять копеек с пуда... — попытался «навести меня на путь истины» Канкрин.

— Еще раз: мне дорога обошлась в шестьсот сорок тысяч рублей с копейками. Поясню: на эту сумму я закупил у русских и иностранных купцов камень для отделки вокзалов. А все остальное мужики сами построили, и на все остальное я вообще ни копейки не потратил. Одни мужики добыли руду и уголь, другие выплавляли сталь, третьи из стали рельсы изготовили и все остальное — ну и так далее. Десятые-двадцатые мужики для первых вырастили хлеб и овощи, откормили мясо и наловили рыбу, а избытки продуктов они на рынках продали и с выручки доплатили и сталеварам, и инженерам-железнодорожникам, и всем прочим. Они это все сами проделали, я им только говорил что делать нужно. Но, сами понимаете, глотку драть — это дело вообще бесплатное.

— Интересный у вас подход к финансовым вопросам, — усмехнулся Николай. А Канкрин поинтересовался:

— А все вспомогательные дороги? И вы же мужиков еще тысяч шестьдесят купили, а это ведь в копеечку немалую...

— Мужики, которых я купил, у меня и остались. Ну да, некоторые померли, по старости или от болезней, но народили они новых мужиков куда как больше — так что и тут у меня лишь прибыль.

— Очень, очень интересно... — задумчиво пробормотал Егор Францевич, — а скажите, Никита Алексеевич, вот если бы мы всё это покупали и подрядчикам за работу платили бы, то во что дорога обошлась бы? Чисто из любопытства спрашиваю.

— Если совсем грубо прикинуть, то миллионов бы в тридцать дорога бы встала. А если не у меня рельсы и прочие стальные изделия покупать, то, думаю, больше сорока миллионов бы потратить пришлось.

— Вот! — торжественно воскликнул Канкрин, обращаясь и Николаю. — Я же говорил, что никак не менее сорока миллионов!

— А я говорил, что с ценами Павлова вышло бы уложиться в сумму менее тридцати! —

возразил ему царь.

— Однако, раз этого не случилось, то и спор наш ничем закончился. Но я вот что думаю... — министр финансов замолчал, как-то нехорошо на меня поглядывая.

— Давай уж, Егор Францевич, не томи. Человеку, который треть бюджета государственного просто так Державе подарил, ты нового ничего не скажешь.

— А вот скажу! Никита Павлович, вы, как я вижу, выстроили внутри поместий ваших что-то вроде государственной финансовой системы, причем системы весьма доходной, при том, что и людишки у вас живут более чем просто сыто...

— Ну, если совсем абстрактно на картину взглянуть, то можно и такую модель принять.

— Что, извините? А... Я это к чему. В Державе имеется немало угодий казенных и крестьян государственных, с которыми управляться назначено как раз моему министерству — но должного управления устроить ну никак не выходит. С казенных поместий сплошные недоимки, вместо хоть каких-то прибылей в казне получаются одни лишь траты. Тут генерал Киселев, Павел Дмитриевич, давно уже желает некую реформу управления крестьянами государственными учинить... вы не посмотрите его предложения? Николай Павлович в целом генерала поддерживает, но мне кажется, что предложения сии...

— Не предложения его я поддерживаю, а генерала уважаю! — быстро внес ясность Николай, — а как раз то, что он предлагает... — он несколько секунд помолчал, вероятно подыскивая нужные слова, и затем продолжил:

— Я вообще не пойму, как он собирается и в денежной части порядок навести, и мужикам жизнь облегчить. Ведь сие есть вещи строго противоположные.

— Но вот у Никиты Алексеевича же вышло так устроить!

— Но Никита Алексеевич ко мне со своими предложениями и не лезет. А знаешь что, граф: давай я тебе в распоряжение все угодья государственные с мужиками вместе в управление передам. Ну или хотя бы часть угодий, но не самую маленькую. Знаю, знаю что ты скажешь, а посему сперва выслушай: всё это тебе в управление передается лет, скажем, на двадцать. И первые года три... пять лет с тебя никаких доходов казна спрашивать не будет. То есть с этих угодий доходов, а то мы с Егором Францевичем вообще по миру пойдём. А после... ты вроде говорил, что каждый мужик тебе чистого дохода по пятнадцати рублей дает?

— Вам, Ваше Величество, неточно слова мои передали. По пятнадцати рублей мне дает не каждый мужик, а мастеровой, мною выученный. И не в год, а в день. Мужик же чистого дохода хорошо если рублей сто в год даст.

— Если ты через пять лет с каждого государственного крестьянина сможешь дать казне хотя бы по десять рублей...

Канкрин сдавленно хрюкнул:

— Николай Павлович, ты хочешь чтобы молодой граф через пять лет бюджет вдвое в одно лицо увеличил? Уж на что я до денег жаден...

— Мужиков сколько? — поинтересовался я. — И земли сколько и где?

— Вот видишь, Егор Францевич, юный граф задачу понял, осознал и готов ее исполнить. И ведь исполнит! А вот чем нам его за это наградить, я даже и не знаю... пока. Но через пять лет мы и это решим. Значит, берешься, граф?

— Так сколько?

— Всего людей, считая с бабами и детьми, примерно девятнадцать миллионов, — пробурчал Канкрин. — Земель соответственно, а если нужда будет — и обоснование этой

нужды, — это он особо голосом выделил — то казенных земель в России в достатке, — потом что-то вспомнил и добавил: — а при особой нужде и с владельческой землей, думаю, разберемся.

— Тогда последний вопрос: каковы сейчас доходы казны от этих миллионов мужиков?

— Тьфу! — в сердцах Егор Францевич только что на пол не плюнул, — слёзы одни, а не доходы! В прошлый год собрали почти сорок два миллиона.

— То есть небольшой, но доход, все же есть. Тогда договариваемся так: я берусь управлять казенными землями и казенными крестьянами, но не всеми сразу — чтобы уж совсем казну не разорять — а, скажем, по два-три миллиона душ в год на себя переводить буду. И за тех, что под управление беру, спустя два года начну выплачивать в казну по десять рублей в год. Получится быстрее — хорошо, не получится — значит лет за десять вопрос закрою. Но за это...

— Денег в казне нет! — только что не вскричал Канкрин.

— Ну, Егор Францевич, я хоть слово о деньгах сказал? То есть сказал, что в казну их класть буду, а не брать, хотя и не сразу. Но чтобы мне их туда класть, причем, как я понимаю, чем больше, тем лучше — а в свой карман любые доходы от казенных крестьян я точно класть не буду ибо чревато — мне потребуются две вещи. Точнее все же три. Первое: право строить железные дороги везде, где сочту это нужным. Второе: право добывать ископаемые различные где угодно. И третье, но это безусловное мое право — передать под мое управление всю внешнюю торговлю.

— А вот это ты, граф, не лишку ли хватил?

— А вот нет. Я буду скупать весь товар у всех купцов, которые его собираются за рубеж продавать. Скупать на рубли, и цену платить ту же, что и иностранцы предложат, так что купцам убытку с этого не будет. А продавать я иностранцам все это буду даже дешевле...

— Продолжайте, граф, продолжайте, — Николай разве что в голос не рассмеялся.

— Но вот жадный министр финансов, Егор Францевич Канкрин, обложит всю зарубежную торговлю вывозными пошлинами. Достаточными, чтобы казна от временной утраты доходов с мужиков не пострадала. Причем пошлины эти пусть платят покупатели!

— А тебе-то какая с этого выгода будет? — поинтересовался Николай.

— Мне? Я из дешевого сырья, которое иностранцам не достанется, сделаю на фабриках товар дорогой.

— А почему это сырье иностранцам не достанется?

— Цену я как бы объявлю и низкую, но с пошлиной-то оно окажется куда как дороже прежнего. Вот им и не достанется, а в России будет чем заводы и фабрики обеспечивать.

— А юноша по-государственному мыслит, — заметил Николай, повернувшись к министру финансов. — И даже не могу понять, в чем тут подвох... Продолжайте, граф.

— Подвох в том, что нет у меня этих заводов и фабрик. Мужики-то все здания быстро выстроят, а вот нужные машины в здания поставить быстро у меня не получится. Однако, имея монополию на внешнюю торговлю, я и иностранные машины быстро закуплю, потому как именно мне зарубежцы будут все лучшее предлагать чтобы друг друга обскакать и с русского рынка хоть каких-то денег получить — а уж обучить мужиков, точнее отроков мужицких на машинах этих работать я точно смогу: у меня школа уже отлажена. Поначалу мне и тех рабочих хватит, что уже у меня обучение заканчивают, а потом и новых обучу в должных количествах.

— Планы, конечно, у вас грандиозные, но вот исполнение оных... как ни крути, а денег

на все ваши преобразования потребуется ох как немало. Не разворуют ли по дороге большую часть?

— У Павлова не разворуют, — подал голос сидящий в уголке Бенкендорф. — Я, конечно, не очень-то и одобряю способы, коими Никита Алексеевич дела ведет, но должен признать, что способы сии весьма действенны. И пока граф не попадетсЯ... впрочем, Никита Алексеевич же за всех своих мужиков отвечать не может?

— И каково же будет ваше мнение, Александр Христофорович?

— А чем мы рискуем? Да и доверить управлять имуществами на двадцать миллионов человеку, который только что двадцать миллионов России просто подарил...

— Тридцать подарил, — ухмыльнулся Николай.

— Сорок, — немедленно возразил Канкрин, — Сорок!

— Ну что же герцог, дерзайте. Все бумаги Егор Францевич на неделе подготовит, а...

— Простите, Ваше Величество, граф...

— А указ о присвоении вам титула герцога подготовят уже через пятнадцать минут. Был в России один герцог, но и вы для Державы уже не меньше сделали. И, в отличие от первого, свой карман с государственным не путаете, а даже скорее наоборот. Ладно, на сегодня, думаю, закончим, пойдемте обратно в зал, посмотрим, что нам к ужину предложат москвичи. Ну и герцогиню поздравим...

Та встреча в Кремле четыре с половиной года назад многое изменила в нашей жизни. Наверное, больше всего она изменила в жизни Алёны, ведь герцогинь в России, кроме неё, вообще не было. И в результате только для того, чтобы отвечать отказом на многочисленные письма с приглашениями в гости, ей пришлось нанять целый секретариат. Впрочем, люди там были уже проверенные: значительно подросшие и набравшиеся опыта в редакции «Известий» девочки из Свинына. А так как опыта они набирались под непосредственным руководством Алёны, то ответы у них получались весьма убедительными. Я случайно один увидел, на приглашение княгини какой-то, и смеялся минут пятнадцать: «К сожалению, ваше приглашение мне принять нет никакой возможности: если принимать хотя бы каждое десятое из тех, что мне сейчас приходят, то вряд ли у меня найдется время даже в ретирадник сходить хотя бы раз в неделю».

Канкрин, конечно, никакой мне «монополии на внешнюю торговлю» не дал. Но после довольно недолгих обсуждений он подписал у Николая закон о введении экспортных пошлин, по которому пошлины взымались в момент вывоза товара за границу, причем платить их должны были покупатели и исключительно в золоте. Размер пошлин устанавливался для разных товаров различный, но достаточный для того, чтобы продажи в заграницу зерна и пеньки прекратились полностью. Одновременно были ликвидированы пошлины на ввоз в Россию любых станков и промышленного оборудования, а случившееся два года спустя соединение железной дорогой Варшавы и Берлина сделало доставку европейского оборудования в Россию делом крайне недорогим и очень быстрым. Если же учесть, что Фридрих-Вильгельм успел соединить рельсами Дрезден в Веной, а Дюссельдорф с Льежем и Монсом, то почти любая европейская машинерия за пару недель могла достичь любого из городов в Европейской части России. А к началу сорокового года — даже Екатеринбург и Челябинска.

Пока что после Москвы все могло проехать вглубь России лишь по узкоколейкам — исключая Ярославль и Калугу, куда дороги изначально строилась с нормальной колеей (и

сразу двухпутные), но с одной стороны объемы перевозок были еще невелики и узкоколейки справлялись, а с другой у меня на широкую колею были вообще несколько иные планы. Вероятно, очень нескромные, но и не очень срочные: я был очень занят «управлением казенными крестьянами».

Некоторые мои «детальные предложения» Егор Францевич, после довольно недолгих размышлений, поддержал — и под мое управление (ну и на мое кормление) было передано довольно много военных (и Канкрин еще почти на треть сократил казенные расходы на армию). Формально царь — «за заслуги в построении железных дорог» и «на заслуги в развитии горного дела» (последнее — с подачи Карнеева) — присвоил мне еще и очень забавное звание обер-берг-гауптмана третьего класса. Это было «горное» звание, соответствующее, между прочим, воинскому званию генерал-лейтенанта, так что военные не вякали по поводу назначения меня начальником. Да и «прикомандированные» ко мне военные были в общем-то в званиях невысоких, там старшими были хорошо если капитаны, а в основном — поручики и иногда штабс-капитаны. Причем эти офицеры располагались в уездных городах, а вот подчиненные им прапорщики уже сидели по волостным центрам. И руководили унтерами, размещавшимися уже по обычным деревням.

Понятно, что всех их приходилось кормить, одевать, холить и лелеять — но за это все они во-первых следили за порядком в населенных пунктах и окрестностях, а во-вторых, охраняли назначенных (в основном Алёной) школьных учителей. Последних просто набрали из выучившихся в моих школах девиц (парни все же в основном «в промышленность» у меня направлялись), а селяне почему-то «баб ни в грош не ставили». Ну, раньше не ставили: теперь дети крестьянские в школы ходили в обязательном порядке, а те мужики, кто детей по любым причинам в школы не пускал, подвергались дендромассажу силами солдат, управляемых назначаемыми «старшими по деревне» унтерами, так как батоги в стране дефицитом точно не были.

Солдатики свои обязанности исполняли с большим рвением, поскольку и сами они в обязательном порядке школы посещали и грамоте учились всерьез: если кто вовремя соответствующий экзамен не сдавал, то недостающие знания немедленно вкладывались им через задницу.

Дабы уж совсем соблюсти приличия, Алёну Николай назначил шефом специально учрежденной части под названием «бригада особого назначения», в которую все переданные на дело «управления государственными имуществами» подразделения и переводились, причем командиром самой бригады был назначен как раз генерал Киселев. Он же был назначен и министром государственных имуществ, в связи с чем у меня с ним постоянно возникали довольно резкие разногласия. Но в одном мы все же сошлись: то, что творили с крестьянами помещики на территории Царства Польского и на Украине, нужно было пресекать максимально быстро и жестко. Ну, насчет быстро — это была его забота, а вот насчет «жестко»...

На самом деле дорога из Петербурга в Москву вовсе не стала первой «железкой» нормальной колеи. Первой стала дорога, о которой в Петербурге (как и во многих других местах нашей необъятной Родины) практически и не знали ничего. Коля Засыпкин возле Нерчинского Завода завод металлургический поставил, с четырьмя домнами и двумя конвертерами. Но на полную мощность завод заработать не смог: угля для печей не было. Окрестности поселка представляли собой лысые сопки, на который любые деревья были

вырублены за долгие годы плавки серебра и свинца, так что пришлось сначала переправить к нему еще пару тысяч мужиков с телегами, чтобы возить дрова из более удаленных мест.

Мужиков переправить было тоже делом не дешевым. Знаменитый Сибирский тракт был, как я догадался, одной из первых платных дорог в Империи, и на участке от Ачинска до Иркутска приходилось платить с каждой телеги три копейки за версту. То есть чуть больше тридцати рублей с каждой телеги, а, учитывая, что мужик с семьей и скарбом ехал на двух телегах, то просто перевозка такой толпы мне влетела почти в полтораста тысяч рублей, ведь кроме мужиков пришлось и много другого добра туда везти.

Тем не менее Коля две домны запустил еще в тридцатом году, а две домны — это чуть больше двадцати пяти тысяч тонн стали в год. Которая почти целиком ушла на изготовление рельсов и прочих нужного для прокладки путей металлоизделий. В первый же год Коля проложил сто двадцать километров дороги на запад, поставил пяток поселков у дороги — и с дровами у него стало сразу хорошо: мужики лес теперь вдоль дороги рубили и возили на завод вагонами. Ну а потом железная дорога побежала вдаль со скоростью под двести километров в год, целенаправленно устремляясь к месторождению очень хорошего коксующегося угля. Я почти случайно запомнил, что в поселке со странным названием Букачача добывали настолько хороший уголек, что его в советские времена практически полностью японцам продавали задорого. Самого поселка еще, конечно, не было — но его положение на карте я помнил (именно из-за чудного названия), так что «переобнаружить» его местоположение в реальности оказалось не очень сложно.

Самым удивительным — для меня, по крайней мере — было то, что строить эту дорогу Коля направил своего старшего сына. С одной стороны, Илья Николаевич у меня в Одоеве и гимназию закончил, и в железнодорожном училище отучиться успел, но с другой стороны — там же дикая холодная Сибирь, сам Николай Ильич с огромным трудом согласился всего три годика в этой глуши поработать. Похоже, снова в Одоеве я его не скоро увижу...

Хотя, если уж совсем глубоко копать, Одоев тоже не центр вселенной, а в Нерчинском Заводе уже и клуб был выстроен (все того же «проекта 2-06-41»), и прочие «удобства». А самое важное, как мне кажется, было то, что Коля там был «главным», причем не столько «юридически», сколько фактически. Две тысячи мужиков, черноземная степь, у каждого мужика по паре не самых плохих лошадей (я туда все же лучших из купленных на Псковщине отправил), стальные плуги — там пшеница давала центнеров по шестнадцать-восемнадцать с гектара. Яровая только, там земля зимой на несколько метров промерзала — но хлебом мужики и себя обеспечивали, и завод, и каторгу. И не только хлебом: картошка и морковка там тоже росли как бешеные, и сорго, и та же конопля — так что и свинины было изобилие, и курятины. А кто обеспечивает вкусную и здоровую пищу, тот и главный...

Когда Коля приехал ко мне с планами на расширение завода и с разными «интересными» идеями как на завод доставлять марганец из Никополя, я посоветовал ему «поискать на местах», отдельно намекнув, что если дотянуть дорогу до Петровского Завода, то результат может оказаться более чем интересным. Вот только для обеспечения интересности нужно где-то найти небольшую толпу грамотных геологов...

Толпы геологов у меня не было, зато было много мужиков. Среди которых я провел небольшой социологический опрос на тему «кто хочет года три потрудиться, а потом стать вольным пахарем с большим наделом или вольным рабочим с приличной зарплатой». Меня не очень удивило, что примерно двадцать тысяч из опрошенных хорошо жить захотело, хотя и опрос проводился лишь среди парней от шестнадцати до двадцати лет, женатых (или

собирающихся жениться в обозримом будущем) и преимущественно бездетных. То есть я среди бездетных только опрос проводил, но в процессе довольно многие детишками обзавестись успели...

Всех «принятых в программу по улучшению жизни» я (на самом деле специально нанятые отставные офицеры невысоких чинов) обучили владению стрелковым оружием — а затем (вместе с оружием, конечно, и с семьями — при условии, что детей еще не было или дети были уже старше двух лет) посадили в вагоны и отправили куда подальше. Отправка производилась в зимний стойловый период, потому что зимой из Челябинска до Иркутска можно было легко добраться месяца за полтора. Затем контрактники (а с каждым особый контракт подписывался) отправлялись в Нерченский Завод, где их рассаживали по небольшим парходикам и отправляли дальше. В новенький Николаевск на Амуре. Отправляли их туда где-то в конце апреля, когда речка вскрывалась ото льда, а в начале июня все они оказывались в Николаевске. Где садились на огромный линкор «Герой» (в который влезало сразу по тысяче человек на манер селедок в бочке) или на выстроенные уже в самом Николаевске по образцу испанских фрегатов «Флора» «малые транспорты», в которые помещалось всего по полтысячи беделог. А еще через месяц, даже меньше, они высаживались на гостеприимном берегу Калифорнии.

Когда в тридцатом году «Герой» привез в крепостенку Росс первую толпу мужиков, то тамошний начальник Костромитинов нехило так обалдел, ведь до того русских в крепостице было около шести десятков — и тут почти тысячу сразу подвалило. Но ему быстро объяснили, что объедать жителей крепости никто не собирается, а даже наоборот — и он несколько подуспокоился. А когда переселенец попёр косяком, он даже и дергаться перестал.

Так вот, к тридцать шестому году мне удалось послать... в смысле, отправить в Америку чуть больше двадцати тысяч молодых мужиков, каждый из которых был обучен пользоваться винтовкой. И винтовки у каждого имелись, поэтому когда мексиканцы, недовольные утратой Техаса, решили «отыграться на слабаках» и направили военный отряд к Россу, то мужички эти быстро идальгам объяснили, в чем те были неправы. Всерьез так объяснили, для начала заняв городишко под названием Йерба-Буэна (Хорошая Трава) и всю территорию километров на сто южнее вдоль побережья, а потом заявив, что «за оскорбление надо платить», объявили, что отныне вся провинция Калифорния становится российской. Вообще-то мексиканцы решили довольно резко возразить, но столица Калифорнии Монтеррей (с населением в почти три тысячи человек) уже оказалась «под русскими», и после кратких переговоров тогдашний президент Хосе Корро согласился с новым положением дел всего за один миллион долларов. Причем даже не деньгами, а «натурой»: двадцать тысяч винтовок и пятьдесят пушек. Ну а на сдачу — пули (порох Костромитинов им продавать оказался) и пушечные гранаты в количестве пятисот штук. Наверное, очень хотел Техас обратно у США отвоевать, что было в принципе возможно: американское население Техаса насчитывало чуть больше тридцати тысяч человек (включая женщин и детей), но маловероятно, так как Штаты армию свою вовсе не в Техасе набирали.

Там в договоре еще один пункт был, секретный (вместе со столь же секретной сотней тысяч долларов, переданных непосредственно самому Хосе), поэтому идею отвоевать Техас мексиканцы все же окончательно не хоронили — а вот Калифорния целиком отошла к России совершенно официально.

Правда к осени уже янки решили поучаствовать в дележе этой самой Калифорнии,

ссылаясь на какую-то «доктрину Монро». Однако лично мне на эту сугубо внутриштатовскую доктрину было... совершенно безразлично, а за честно купленную Калифорнию, напротив, обидно — и янки со своей доктриной не совсем молча, но утерлись: посмотрев на мощь «мужицкой армии» «управляющий Русско-американской компании» объявил, что янки сами нарушили договор о границах, а потому он — волею пославшего его царя — объявляет русской территорией и Орегон, и половину территории Дакота к западу от сто четвертого меридиана. Ага, это он, имея за спиной двадцать тысяч мужиков с винтовками, предъявил стране с населением под тридцать миллионов. Правда у мужиков этих и пушки были, хотя и маленькие, почти игрушечные...

Я об этом узнал лишь в новом, тридцать седьмом, году. Другой бы на моем месте назвал Петра Степановича идиотом, однако Костромитинов им точно не был: в том же Орегоне американских поселенцев было около двадцати тысяч, на территории мексиканской Калифорнии их вообще не было, а проблем с Мексикой Петр Степанович точно не ожидал: президент Корро получил еще обещание помочь в защите штата Нуево Мехико от продолжающихся поползновений со стороны свежееотторгнутого американцами Техаса. А то, что сами янки смогут что-то там в Калифорнии (или в Орегоне) завоевать, он сильно сомневался: вооруженные «самым современным оружием» мужики и стотысячную армию в дерьмо втоптали бы, особо не напрягаясь. Причем не только благодаря пушкам, «специальные» гранаты к которым превращали в фарш целые эскадроны, а благодаря новеньким карабинам моего имени. И моей конструкции...

Со сталью для винтовок я все же разобрался: высококремнистая А50 никаких дефицитных присадок не требовала, а она применялась для изготовления ружейных стволов и в двадцать первом веке. А сама винтовка, точнее карабин, был примитивен как лапоть. Однозарядная винтовка с затвором «под мосинку», под обычный дымный порох — ну что может быть проще? А патрон был сделан по моим воспоминаниям о калаше, очень приблизительным воспоминаниям — но семиграммовая пуля летела километра на полтора, если из карабина ей стрелять.

А вот «граната» из пушки летела даже ближе, всего-то на километр — но и этого было достаточно. Откровенно говоря, у меня в мыслях было сделать что-то вроде подствольного гранатомета, но «знаний не хватило» — и получилась у меня «сверхлегкая пехотная пушка». Весила она — вместе с лафетом-треногой — меньше шестидесяти килограммов, стреляла пятидесятимиллиметровыми снарядами двух типов: «гранатами» (то есть осколочно-фугасными) весом в полтора кило и шрапнельными весом почти в два. Главным ее достоинством было «казенное зарядание» и унитарный патрон (причем с папковой гильзой), а дополнительным — клиновой затвор, обеспечивающий стрельбу в темпе до тридцати выстрелов в минуту.

Янки, направив «армию» численностью около пяти тысяч человек в Орегон, сами об этом узнали — и конфликт с ними на этом закончился, поскольку кто-то из выживших офицеров все же не постеснялся доложить руководству, что всю эту армию помножили на ноль две русские роты. Наверняка янки решили, что «а вот чуть попозже»... — но в тридцать шестом Россия, по крайней мере официально, нехило так приросла территориями. А уже летом тридцать седьмого на приросших территориях и народу приросло примерно на двадцать тысяч человек, и вот уже три четверти из них я даже спрашивать не стал, хотя они куда-то ехать за счастьем или нет. Иногда причинять добро приходится и насильственными методами. Правда эти пятнадцать тысяч молодых баб и мужиков (а, фактически, парней и

девок) я купил, по разным «отдаленным губерниям». Но тут мне еще и «государственные крестьяне» на голову свалились...

Это летом было, а еще весной весь Петербург (точнее, весь столичный «свет») обсуждал очень странное событие: куда-то (и совершенно бесследно) пропал «любимец публики» (точнее, любимец множества светских львиц) кавалергард и сын голландского посла. То есть пропал-то он еще зимой, где-то после Рождества, а вот весной мужики нашли возле города вытаявшую из сугроба тушу матерого волка, одетого в мундир пропавшего Жоржика. И застрелен был этот волк серебряной пулей...

Находка сильно подействовала на неокрепшие умы: одна молодая дама (причем сильно беременная) от волнения потеряла ориентацию в пространстве и свалилась с Аничкова моста в ледяную воду (причем спасти ее не удалось), в двух семействах младенцы внезапно простудились и померли, еще две дамы оставили мужей вдовцами (причем одну хоронили в закрытом гробу) — но меня эта история практически не коснулась. Мне вообще не до того было, хотя красавца-волка мне было искренне жаль. Но даже на жалость времени не было...

Небольшое, но важное лирическое отступление

В котором кое-что Герой сам себе пытается объяснить.

Откровенно говоря, меня не просто удивляло, а даже несколько напрягало то, что люди Бенкендорфа как-то странно игнорировали периодические находки различных граждан, чей жизненный путь пресекался встречей с медной пулей. Не сказать, чтобы я уж очень увлекался разбрасыванием ценных изделий — даже при том, что отдельные индивидуумы прямо-таки напрашивались...

Однако, немного освоившись в среде относительно образованных граждан (то есть провинциальных дворян), я осознал, что далеко не всё, что в этом обществе считается истиной, таковой является. Поэтому не поленился — и заехал к начальнику Тульского отделения жандармерии. Даже не заехал, а зашел — ротмистр Ассеев свое присутствие организовал в Одоеве. Честно при этом пояснив, что следить он собирается именно за мной:

— Никита Алексеевич, штату у меня всего четыре человека, это даже если писаря считать и ночного сторожа, а задач мне Александр Христофорович расписал на две полных роты — так что я уж лучше рядом с вами побуду: вы со скверной воюете куда как успешнее меня, а если в реляциях своих я и отпишу что, вашими людишками исполненное, то и их всенепременно упомянуть не забуду. И мне от генерала лишнее уважение, и им, глядишь, государевы награды достанутся. А вот если для искоренения порока нужда появится в помощи от Державы, так я уже тут буду, под боком...

Я все же подозревал, что его (или Бенкендорфа) больше волнует газетно-театральная деятельность Алёны, но сделал вид, что Ассееву поверил, а тут и повод возник уточнить, насколько он искренен был:

— Борис Петрович, тут до меня слух донесся, что полиции запрет вышел расследовать смертоубийства, ежели была использована медная пуля. А я недоброжелателей немало нажил, и очень не хотел бы, чтобы кто-то под это дело решил с медной пулей побаловаться...

— Это вам тетка моя сказала? — громкости ржания Ассеева позавидовал бы любой конь. — Слышал я, что дамы в провинции любую чушь из столиц на веру принимают, но вот такое впервые узнал. Да вы не беспокойтесь, враки всё это. Просто... Тут прошлым годом генерала Пестеля в собственном имении как раз медной пулей... приголубили. Из деньги ту пулю свернули, вот всякую мистику и наворотели обыватели в пересказах. А убил генерала сынок купца, которого Пестель полтора года в колодках держал, мзду вымогая. Купец давно уж помер, а сын вот только тогда мзду донес. Дело житейское, но все же смертоубийство, полицию во всех губерниях подняли. И тут сынок этот купеческий сам к Александру Христофоровичу приехал, обо всём доложил. После, понятное дело, по всем околоткам циркуляр разослали, мол розыскное дело прекратить, курьерской почтой через жандармерию как раз. А дабы слухов вредных об убиенном генерале не разгонять, в циркуляре написали «розыскное дело об убийстве медной пулей». Сами знаете, я по первоначалу-то у тетки остановился, вот она, что-то о сём услышав, и понесла домысленное ею подругам...

— Так надо бы об этом хоть в газете написать, чтобы лихих людишек не подначивать.

— А вот это как раз не надо. Дело прошлое, но... знаете, сей слух среди чиновников

наверняка разошелся, и вроде кто-то уже домыслил, что сами же жандармы казнокрадов таким манером от дел неправедных удвигают. Чушь, конечно — но иные-то и побоятся в казну руки запускать. Больше скажу: уже многие боятся. Посему Александр Христофорович велел слухи эти не подтверждать, но и не опровергать. Неизвестность — она ведь страшит: а вдруг и правда сие?

Да, я уже был в курсе, что Николай (и Бенкендорф) прилагал немало сил в борьбе с коррупцией. На текущий момент, как сообщил мне Ассеев, в судах находилось более двух тысяч дел по обвинению различных чиновников в казнокрадстве и взяточничестве. А в последний год изрядная часть подследственных внезапно пошла на сотрудничество со следствием, и, мне кажется, в значительной степени это было связано с таинственным запретом на расследование дел с медной пулей...

Собственно, и с покупкой крестьян мне главжандарм помог потому что знал: любые подрядчики наворуют больше чем сделают, так что единственный способ воровства избежать — обойтись своими силами. Да и «собственные силы» нужно в жесткой узде держать, поэтому не мешал мне заниматься воспитательной работой среди мужиков. И даже среди «руководящего состава» всех моих многочисленных предприятий.

В принципе, под это дело можно и иные мои «развлечения» замаскировать, но все же увлекаться не стоит. Да и, по большому счету, с такими подходами жандармерия и сама разберется. А уж если и она проявит недопустимое благодушие... Впрочем, когда проявит, тогда и думать буду, а сейчас у меня иных забот хватает.

Кульминация — окончание продолжения

В котором Герой вынужден уже героичить нипадецуки, причем сразу на всех фронтах.

Хреново я историю в школе учил. Или мне её хреново преподавали — ну не знал я, что большинство крестьян в России крепостными никогда и не были. Из сорока пяти миллионов крестьян чуть больше девятнадцати были «государственными», миллионов десять вообще были «однодворцами», и лишь примерно девять миллионов были именно крепостными. Тоже дофига, конечно, но если прикинуть все недостатки и преимущества жизни крепостного крестьянина, то в среднем ему жилось даже лучше, чем «свободному».

А вот в просвещенной Европе крепостничества не было, и крепостных не было. Ну да, ну да... В Пруссии «арендаторы» у юнкеров не имели права покидать поместье кроме как по прямому приказу юнкера. И юнкер имел право делать с ними что угодно. Ну, почти: он не имел права повесить арендатора, но имел право приговорить его к повешенью — и государственный палач был обязано приговор исполнить. Юнкер не имел права продать арендатора — но имел право выгнать его буквально голым на мороз: у арендатора даже юридически ничего своего вообще не было, даже одежда на нем и та была собственностью юнкера, которую тот сдавал арендатору «в аренду». Зато в Баварии, где юнкеров уже не было, крестьянам жилось привольно: они лишь платили налог королю. Раз в год, после уборки урожая. А размер налога определяли сборщики налога как раз перед тем, как этот налог у крестьянина (то есть, извините, свободного бауэра) отобрать.

То есть тьфу, это я клевету на доброго баварского короля: сборщики налогов имели право лишь уменьшать размер собираемого налога. И активно (то есть почти всегда) этим правом пользовались. Потому что если бы свободный бауэр платил все, что он должен «по закону», то ему пришлось бы отдать в казну вообще все, что он имел, и еще он должен бы остался — так что размер налога уменьшался чтобы этот бауэр просто с голоду не сдох бы.

В Австрии крестьянин был вообще скотиной бесправной... я совершенно случайно вспомнил «казус 13–13»: штат Миссисипи подписал тринадцатую поправку к Конституции США (о запрете рабства, принятую в конце тысяча восемьсот шестьдесят пятого года) лишь в две тысячи тринадцатом году. Впрочем, мне с русскими мужиками проблем хватало: не было у бабы забот, купила баба поросю...

И первая порция этого поросю мне в глотку пошла с большим трудом. Все же почти три миллиона крестьян — это примерно десять тысяч сел и деревень. Ну, чуть поменьше, но это было уже непринципиально, все равно это было овердофига. Понятно, что людей, способных ну хоть как-то управлять всей этой толпой суровых и совершенно безграмотных мужиков у меня не было, так что шансов заставить их жить хорошо даже не просматривалось. Пришлось пойти по более извилистому пути.

С помощью армии и полиции из каждой перешедшей «под мое управление» деревни было извлечено по две крестьянских семьи, причем деревенские сами решали, кого отправить «в дальние края». Ненадолго, всего на год — но большинство из мужиков ни на секунду не сомневались, что это переселение — навсегда, а потому «выбирали на переселение» самых захудалых. Но у меня и желания не было их в этом разубеждать — просто потому, что я был очень коварный. На самом деле все было давно уже и очень подробно обсуждено со второй моей половиной, и Алёна — сама еще очень недавно бывшая

«простою крестьянкой» — дала мне много ценных советов. Так что для начала я «взял» казенные земли от Новгорода до Твери и от Нижнего Новгорода по Волге и Каме примерно до Уфы, то есть откуда мужиков можно было перевезти на паровозах или пароходах. И вот всех этих мужиков, вместе с чадами и домочадцами, буквально за полтора месяца перевезли в мои уже деревни. Понятно, что никто им райской жизни обещать не стал, им и раньше жизнь раем не казалась. Поселили приезжих в землебитных временках, включили мужиков и баб в сложившиеся уже рабочие бригады — и всё. В среднем получилось, что примерно на десять «старых» семей пришлось в этих деревнях по одной «временно переселенной». И этих «временных» «старики» гоняли как сидоровых коз в посевную, в сенокос, на уборочной, в свободное время они трудились на прокладке дорог или на стройках — то есть работать их заставляли по полной программе. Но и ставшие в моих деревнях обычные блага им тоже по полной доставались: кормили их от пуза, лечили если кто заболел, детишек в обязательном порядке в школы загоняли...

А когда урожай был собран и заложен в разнообразные хранилища, им, как и всем «старичкам», было выдано «материальное поощрение». В денежной и натуральной форме...

Такого ажиотажа моя «деревенская» торговля еще не знала! «Временщики» окончательно убедились, что весной их отправят обратно по домам, а цены у меня в деревенских магазинах были в разы меньше, чем у любого, даже самого захудалого, купца — так что все они старались затариться по полной программе. Прежде всего ими закупалась «мануфактура», посуда (тут первенство держали, конечно же, чугуны и сковородки чугунные), самовары и обувь. Откровенно говоря, лично меня больше всего удивило то, что обувь, причем по нынешним временам просто отличная, пользовалась наименьшим спросом. Но, вероятно, тут имела место привычка к практически бесплатным лаптям — хотя почти половина мужиков все же и сапоги приобрела. Наверное, как раз эти мужики считали где-то научились: самые дешевые (и самые хреновые «крестьянские») сапоги у любого торговца стоили не менее пяти рублей, а в деревенских магазинах «в поместьях Павлова» довольно приличные сапоги стоили максимум три рубля.

Просто у меня кожи оставалось много после выращивания разнообразного мяса, в особенности свиной кожи — из которой сапоги получались действительно так себе, но очень дешевые. Как мне сказала Алёна, у таких сапог подметка стоила дороже всего остального, потому что подметку все же делали из бычьей кожи.

В результате вышло так, что «самые худые» деревенские мужики через год жизни в моих поместьях вернулись домой, будучи уже самыми зажиточными. Причем то, что в одну деревню возвращались «временные» из разных моих деревень, доказывало, что у меня «везде жизнь одинаково райская». Я уже не говорю, что мои «землебитные временки» по комфорту превосходили мужицкие избы больше, чем какой-нибудь элитный особняк из XXI века превосходил квартиру в хрущобе и эти самые «экс-захудалые» мужики с бешеным энтузиазмом бросились (под руководством специально назначенных моих инструкторов) и себе строить такие же домики. А самым мощным двигателем прогресса является, как известно, зависть — но в полной мере она расцвела лишь на следующий год, а что же до года текущего...

Осенью я приехал с кучей бумаг в Петербург, где пообщался сначала с Канкрином (показав Егору Францевичу документы, в которых были приведен баланс выплат мужикам за сельхозработы и объема их покупок в магазинах), а затем встретился с Павлом Дмитриевичем Киселевым, чтобы обсудить размеры и местоположение следующей порции.

И застал у него еще одного генерала, Дмитрия Гавриловича Бибикова. Генерала очень заслуженного: он в Бородинской битве руку потерял, и Георгия там же получил. А теперь он работал генерал-губернатором Подолья и Волыни, а по совместительству — Киевским военным губернатором. И вот с ним мы так обстоятельно языками зацепились:

— Я, Никита Алексеевич, много наслышан о том, как вы крестьянскую жизнь преображаете. И перенял бы ваши подходы, но как? Судите сами: в Царстве Польском народу около четырех миллионов, но шляхты, которая себя смеет к дворянам причислять, даже более ста тысяч семейств! Каждый десятый мнит себя дворянином... Понятно, что в Польше им тесно, так они заполонили и Волынь, и Подолье — и всеми силами препятствуют хоть малейшему облегчению жизни крестьянской.

— Идиоты, их же эти крестьяне скоро на вилы подымут.

— Да мне сие и в радость бы было, но мужики-то во всем норовят напротив Императора нашего винить, то к австриякам в побег подаются, то против войска нашего бунтуют...

— Ну, лично я думаю, что всякого поляка, кто смог имя свое нацарапать, считать дворянином было неправильно.

— И я такого же мнения, но Император...

— Он их тоже считает отбросами человеческими, однако опасается нового польского бунта.

— И это верно...

— Ваше превосходительство, вы же все же генерал-губернатор...

— А ваше превосходительство — генерал-лейтенант, — с откровенным ехидством и с ударением на слово «ваше» ответил Бибиков, — но что мы с этим можем поделать?

— Два генерал-лейтенанта — это, как ни посмотри, всё же сила. Один может проследить за исполнением закона, а другому очень не хватает рабочих на постройке железных дорог в Сибири...

— И что? Я же не имею права людей в Сибирь ссылать если он своего мужика работой замучивает.

— А не надо его ссылать. Вы просто факт нарушения закона зафиксируйте, а дальше...

— А что дальше?

— На Волыни и в Подолье, да и в Киевской губернии много чего полезного в земле лежит. А мне, по указу Императора между прочим, дано право нужные для добычи разных ископаемых земли на пользу Державе изымать. Ну а дальше все просто: я подаю заявку на изъятие земель, Егор Францевич, сберегая государственную копейку, выясняет, на каком основании некий помещик ей владеет — и когда выяснится, что данный помещик прав на землю вообще не имеет...

— А это почему?

— А потому что земли тут право имели покупать — а уж тем более получать их от Государя — лишь дворяне, и как только выяснится, что дворянство тот сам — ну или предки его — присвоили по подложным документам...

— Так уж и по подложным...

— Наш министр финансов, чтобы выкупные не платить, все это досконально вызывает. Раз вызывает, другой, третий — а потом уже государь и сам сообразит, что нужно бы поголовную проверку этих польских шляхтичей учинить. И учинит, ведь архивы-то польские в сохранности имеются. А у меня и люди есть поискам подобным в архивах обученные. Вы мне только изыщите с дюжину помещиков, которые закон нарушают, а я из них выберу тех,

кто точно по документам подложным дворянство получил, с них и начнем. И ими же и закончим, а далее уже и без нас разберутся.

В последнем обещании я ничуть не лукавил, помнил, что среди реконструкторов — чуть ли не половина из которых была историками либо по образованию, либо по призванию — широко обсуждался вопрос «польского дворянства». Архивы-то и до двадцать первого века большей частью сохранились, и вот по подсчетам реконструкторов-архивистов из «официально признанных» ста десяти тысяч польских дворянских фамилий больше семидесяти тысяч дворянство получили именно по подложным документам. То есть не совсем подложным, а «неверно переведенным», причем были найдены даже документы с указанием таксы за «не совсем корректный перевод»: от двадцати злотых (за «простое дворянство») до более чем тысячи (если поляк претендовал на титул, которого не имел). Как говорил Витька, если у поляка были штаны не рваные, то он уже считал себя шляхтичем, а если он в корчме мог не в долг пообедать, то вообще магнатом — ну а в каких конкретно архивах копать, это я вроде помнил.

— Если разом половину этих шляхтичей дворянства лишить, то они снова бунт поднимут.

— Не поднимут, если их сразу же по закону наказать. И вот как раз с этим уже я Государю помогу. Что там положено за использование подложных документов? — Я хмыкнул и процитировал по памяти найденное еще одним Витькиным товарищем:

— Ежели холоп объявит себя дворянином, то его пороть плетьюми, забить в колодки и отправить в каторжные работы. Указ Екатерины Алексеевны, никем по сию пору не отмененный. Ну а каторгу я им обеспечу...

— Взбунтуются.

— Иван Федорович справится, а я ему очень сильно помогу. Так что начинайте выискивать нарушения закона о барщине и все подробно записывайте. А то действительно позор: держава наша Россией именуется, а половина дворян в ней — польские оборванцы. Над нами вся Европа смеется... ну, так это ненадолго. В особенности если два наших превосходительства этим всерьез займутся.

В тридцать восьмом году на линию из Бристоля в Нью-Йорк вышел пароход «Грейт Вестерн». Первый пароход, который пересек Атлантику, причем всего за две недели. Точнее, это был первый пароход «цивилизованного мира», который Атлантику пересек, а двумя годами ранее по маршруту Усть-Луга — Галвестон прошел маленький пароходик «диких варваров» со скромным названием «Санта Мария».

Британский «Грейт Вестерн» был гигантом на две с половиной тысячи тонн водоизмещения и мог перевезти через океан до полутора сотен пассажиров! А с паровой машиной в восемьсот сил он мчался со скоростью даже свыше восьми узлов! Единственное, чего я ну никак понять не мог — так это то, как совершенно дубовый корабль длиной за семьдесят метров не переламывался при сильном волнении...

А неизвестной принадлежности «Санта Мария» была скромным корабликом длиной всего в шестьдесят пять метров, водоизмещением даже меньше полутора тысяч тонн (потому что в ширину он был всего десять метров, а не восемнадцать, как «конкурент»), и две машины (каждая по двести сорок сил) разгоняли его до жалких десяти узлов. А с парусами — и свыше двенадцати, хотя парусное вооружение у него было как у бригантины. Да и пассажиров в него влезало меньше тысячи человек...

Один рейс кораблик проходил примерно за два месяца (в оба конца, конечно), так что до конца года на гостеприимный берег Техаса высадилось чуть меньше трех тысяч хорошо мотивированных поселенцев. А в следующем году, когда к «атлантическому флоту» присоединились «Санта Люсия», «Санта Барбара» и «Санта Анна», туда переехало еще почти двадцать пять тысяч человек. Причем о прибытии этих поселенцев вообще мало кто знал: все же высадка их проводилась не в Галвестоне, а в большой лагуне приметно в тридцати милях западнее, сам же Галвестон пароходики обходили далеко, к тому же на мазутных (практически «бездымных» по сравнению с прочими пароходами) котлах, а когда кто-то сообразил, что половина населения республики английского вообще не знают, стало уже поздно дергаться.

К концу тридцать восьмого (когда флот пополнился еще и «Санта Паулой», «Санта Викторией» и «Санта Паломой») года число переселенцев из Усть-Луки в Техасе слегка превысило семьдесят тысяч человек, так что на очередных выборах ихнего президентас огромным перевесом победил капитан Иван Жихарев. Правда два других претендента — Сэм Хьюстон и Мирабо Бонапарт Ламар — решили было не признавать победу Жихарева, но восемь тысяч мужичков с винтовками быстро объяснили им, в чем они не правы. В процессе обсуждения население Техаса сократилось примерно на тысячу человек, а к сороковому году почти двадцать тысяч американских поселенцев вернулись на родину — так как Жихарев запретил рабство в республике. Может, сам запрет рабства и не встретил бы всеобщего неодобрения, но когда Ваня Жихарев объявил, что отныне чероки и команчи являются полноценными гражданами республики и отныне их просто так грабить запрещено — американские поселенцы толпами повалили в США.

Что, впрочем, мало повлияло на демографию: к концу сорокового года там жило уже больше ста тысяч белых людей, из которых меньше десяти тысяч родным языком считали английский (и это не считая примерно такого же числа индейцев). Ну а я ни Николаю, ни Егору Францевичу об «исчезновении» столь большого числа «государственных крестьян» говорить не стал. Да и говорить-то было не о чем: убыло около пятидесяти тысяч, а прибыло (и не померло при родах) чуть меньше миллиона.

Тут было мексиканцы решили, что уж теперь-то можно будет и вернуть утраченные территории — но «умерла — так умерла». Бюджет Техаса, конечно, похудел аж на двадцать миллионов полновесных долларов, зато территория приросла бывшим мексиканским штатом Нуэво Мексико. Двадцать миллионов — это, вообще-то, овердофига: все население США на эти деньги почти месяц кормить можно. А всех русских «государственных крестьян» — вообще месяца три, если не полгода. Однако деньги-то есть нельзя, так что кровью и потом заработанное на постройке железных дорог в Европе я отдал мексиканцам со спокойной совестью. А мужики — они сами себя прокормят. Если я научу их, как это сделать...

Подозреваю, что у кого-то (не будем показывать пальцем, но фамилия этого кого-то была Канкрин) родилась идея передать мне в управление казенных крестьян в значительной степени от того, что я сам казенных денег не воровал и другим не давал. Да и Александр Христофорович помощь в покупке крестьян решил оказать потому что твердо знал: я с подрядчиками не работаю потому как все они воруют. Я даже слышал (в далеком прошлом будущем), что Николай говорил сыну, что в России не воруют только двое — сам император и его сын. Но если он это и говорил, то все же ошибался.

Ещё у меня в деревнях не воровали, и даже в деревенских магазинах у меня не воровали.

Вообще не воровали. Потому что Игнатъев, отправляя очередную группу продавцов по рабочим местам, их выстраивал и популярно объяснял:

— Читать, писать и считать вас научили, и работе обучили не очень тяжелой. Но работа хоть и не тяжелая, однако весьма для Державы нашей важная. И для Никиты Алексеевича тоже важная, а потому ежели кто решит, что ему платы за эту работу не хватает и возжелает нечестным путем свой карман пополнить, то тех будут наказывать. Строго наказывать. Сначала плетями на площади выпорют так, что кожа с жопы слезет, а потом, как Никита Алексеевич велел, и его, и семью, ежели такая у вора образуется, мы голыми в Африку пустим. Африка, я читал, далеко, там один песок и черные люди-арапы и нехристи, так что ворам туда и дорога, поскольку вор — он уже сам нехристь, честных христиан обворовывает, и не место ему и семье его в христианской державе. Все поняли? Вопросы есть?

Самое смешное заключалось в том, что формально пороть своих крестьян я право имел. То есть смешно не это было, а то, что после этих слов Петра Петровича обязательно кто-нибудь, да спрашивал:

— А если вольный кто воровать будет?

И Петр Петрович всегда, усмехнувшись, отвечал:

— А тогда с вором поступят по закону. Никита Алексеевич, или любой, им назначенный на сбережение имущества, имеет возможность и даже обязанность имущество свое охранять, а при защите имущества, ежели злоумышленник помрет от полученных во время защиты этого имущества ран, то таковая защита признается полностью законной. То есть вольного вора просто пристрелят, и всех делов. А из его уже собственности возместят нанесенные убытки — то есть все, что вор ранее нажил, заберут и семью его по миру пустят. Еще вопросы есть?

Обычно на этом инструктаж и заканчивался... То есть всегда заканчивался, но инструктируемые полученной информацией с окружающими, в смысле с родней и приятелями, бурно делились — и на территории всех моих поместий воровство вообще прекратилось. Любое воровство. В России, допустим, конокрадов никогда особо не любили, но если раньше конокрад в случае поимки имел серьезные шансы отделаться переломанными ребрами, то после «инструктажа» Игнатъева их просто убивали. Потому что почти в каждой деревне появилась «внутренняя охрана». С «пищальми» — так мужики прозвали выданные им капсюльные дробовики-двустволки. Очень полезные в деле охраны насаждаемых лесов от незаконных порубок — если из них солью крупной стрелять. Но ведь пищаль можно было и картечью зарядить — ну не будут же каждую пищаль проверять...

В общем, воровать в моих поместьях перестали, а потенциальные конокрады целыми таборами очень быстро перемещались поближе к просвещенной Европе. Что, между прочим, очень способствовало развитию многочисленных конных заводов, многие из которых несли серьезные убытки из-за краж скотины, и которым стало теперь выгодно разводить действительно племенных лошадей. Странное «наследие» наполеоновского нашествия (то есть многочисленные тяжеловозы, привезенные уходящими из той же Франции русскими офицерами) быстро концентрировалось на таких заводах и перестало усиленно разбавляться слабосильными крестьянскими саврасками. Была в этом и определенная отрицательная сторона, ведь корма такой скотине требовалось все же в разы больше, чем савраскам — но тут уже вступала в работу «передовая техника». В виде плугов, сеялок, жаток (все же трактора — это были штучные изделия, выпускаемые больше для морального удовольствия). А передовой технике помогала и «большая химия».

Правда она была скорее все же «среднетоннажной»: перемолотый шлак из конвертеров — это, конечно же, фосфорное удобрение, но фосфора в нем все же мало — да и шлака не мегатонны у меня были. Калийных удобрений тоже больше трехсот тысяч тонн в год у меня сделать не получалось, да и в казну приходилось обещанные семьдесят тысяч пудов отдавать калийной селитры. С «химическим» азотом у меня вообще «никак» было, в полях все держалось лишь на семипольной системе с посевами клевера и гороха, а весь аммиак из коксовых печей как раз на выделку калийной селитры и уходил — но тем не менее всё вместе — то есть могучие лошади, передовая техника и ... ладно, средняя химия обеспечивали и кормов в достатке, и продуктов определенное изобилие. Причем здесь слово «определенное» означало, что все всегда были сыты (в моих и подведомственных деревнях, конечно), но стол все же был довольно однообразным, разносолами не богатый.

Впрочем, как раз именно с разносолами все тоже было весьма неплохо. У народа внезапно появилось много дешевой соли, а еще наступило изобилие железных обручей для бочек, так что квашеная капуста превратилась из редкого лакомства в обычную повседневную пищу. Для «моих» мужиков соль стала вообще почти бесплатной, им в деревенских магазинах продавалась «грязная соль» по полкопейки за килограмм. Грязная — это та, которая не растворялась при добыче соли калийной, в ней действительно было довольно много грязи — главным образом глины и песка, но уж очистить её для мужиков проблемой не было. Потому что уже в каждом доме имелась чугунная сковородка, причем чаще не одна. Растворить соль в воде, процедить ее через тряпочку и выпарить на сковородке особого труда не составляло...

Точно так же соленые огурцы и помидоры стали вполне себе повседневной пищей, но главное — в народ массово пошла соленая рыба. Оказывается, на Волге практически не ловили селедку! То есть до меня не ловили, а точнее, ловили, но исключительно для того, чтобы из нее вытопить жир. Который использовали для смазки тележных колес и для освещения... бррр... ароматы еще те были, мне кажется — но я не проверял. А потом проверять стало поздно: прикупив приличный кусочек земли ниже Царицына, я купил лицензию на ловлю селедки, организовал несколько рыболовецких бригад и устроил несколько засолочных цехов. Как правильно селедку солить — это я и без реконструкторов знал: Светка очень любила разную соленую рыбку и рецептов засолки знала кучу. Потому что рыбу соленую в магазинах не покупала, а солила лишь ту, которую сама купила свежей. Ну а я мужикам рецептик рассказал, ну и «надсмотрщиков» к ним приставил, чтобы не ленились... В общем, жир стало не из кого вытапливать, вся селедка теперь шла в бочки.

С одной стороны, процесс выглядел довольно дорогим — и не только потому, что в бочку, кроме соли, еще и сахара много сыпалось. Еще и сами бочки (осиновые — они для этого дела лучшие) приходилось вниз по Волге возить аж из-под Ярославля. С другой — каспийская селедка получалась все равно не дороже импортной (которую в основном раньше в Петербург лишь возили), но была куда как вкуснее. И питательнее, но это уже дела вторичное. Что же до сахара, то только в Тульской губернии действовало шесть «заводов», где занимались сахароварением... то есть их было шесть, пока я все поместья в губернии не скупил, а теперь эти же шесть заводов тоже действовали... гораздо успешнее действовали, чем до из перехода в мою собственность. Просто потому, что свекла из почвы вынимает очень много калия, а если его мало, то и урожаи скудны, да и сахара в свекольном соке сильно меньше образуется. А вот когда калия много, то наоборот!

Вдобавок я на заводах «внедрил изобретение»: через сырой сироп после обработки его

известковым молочком пропускался углекислый газ. Не помню, где я про этот метод узнал, но сахар действительно получался чище. А углекислый газ сам по себе получался в печах, которые грели котлы с сахарным сиропом, я только фильтры от копоти поставил.

Но проблема была не с сахаром, а с мужиками: работать они явно не хотели. Собственно поэтому мне и потребовалась армия: солдатики через задницу вкладывали мужикам желание усердно поработать. Вообще-то это, оказывается, очень прогрессивный метод, во всяком случае рыбоперерабатывающие предприятия на Волге (то есть артели по засолке селедки) работу наладили уже месяца через три после начала воспитательных мероприятий. Я еще поначалу удивлялся тому, что даже получая очень приличную по нынешним меркам зарплату мужики работали из рук вон плохо, но Алёна мне всё объяснила. Оказывается, позитивная стимуляция мужиками воспринимается как дань со стороны владельца, причем дань просто за то, что мужики существуют. Как практически обязательный подарок на Пасху или Рождество. Или на именины императора, великих княжон или очередного святого, но вот с результатом работы они такую оплату вообще не связывали.

С подачи жены я слегка изменил форму оплаты труда: например, у рыбосолов плата за очередную бочку выдавалась лишь тогда, когда рыбу из этой бочки продавали где-нибудь на рынке или в магазине. А если в бочке попадалась хотя бы одна рыбина с головой или просто плохо выпотрошенная, то из зарплаты всей артели вычиталась полная стоимость этой бочки. Поначалу, сразу после объявления этого принципа, мужики решили было резко возразить: а если в магазине специально наврут — так что же, всем без денег сидеть придется? Но Алёна возражалам ответила просто:

— А вы сами специально следите, чтобы в бочку всякая дрянь не попадала, тогда у вас будет причина неверное сообщение из магазина оспорить...

В целом, году так к сороковому и в рыбной отрасли все наладилось, и казенные крестьяне потихоньку начали привыкать к «хорошей жизни».

Ну а я, в очередной порции «казенных крестьян» взяв народ, проживающий поближе к западной границе, начал им прививать еще и «здоровый образ жизни». Довольно варварским способом, но насчет «позитивной стимуляции» я уже все понял. Поэтому, приезжая в очередной поселок или городок, я шел в ближайший шинок и очень вежливо предлагал хозяину с продажей алкоголя трудовому народу немедленно заканчивать. Срок я устанавливал вменяемый, предупреждая, что проверить я заеду дня через два-три «и чтобы этого безобразия я тут больше не видел». Большею частью я именно лично по деревням и городишкам катался, но иногда этим и супруга моя промышленяла: ей доктор прописал «активный образ жизни». Я, конечно, подозревал, что прописал он это ей под дулом её пистолета, но не возражал, поскольку беременным очень полезно много ходить.

Как правило, владельцы шинков мои просьбы игнорировали, тогда я, вежливо поинтересовавшись «тебя же, скотина, я предупреждал?», просто простреливал ему ногу. Алёна же почему-то всегда стреляла в руку, причем исключительно в левую. После этого шинкару доводилось до сведения, что если кто-то (не обязательно один из нас) его в данном населенном пункте увидит в любой день, начиная с послезавтра, то его пристрелят, а всю семью отправят на каторгу. Почему? Да потому что я так хочу...

Егор Францевич, правда не вникая в способы сокращения торговли крепкими напитками, попенял мне, что таковое сокращение уменьшает доходы казны. Но после обстоятельной беседы он признал, что многократный рост доходов с казенных крестьян

убытки эти изрядно перевешивают и далее возникать не стал. А вот Александр Христофорович меня специально вызвал к себе и «указал на недопустимость причинения физического ущерба» отдельным подданным Империи.

— Никита Алексеевич, я категорически не приветствую ваши способы борьбы с пьянством среди мужиков. Конечно, не могу не признать, что доходы с казенных угодий там, где вы столь жестко выгнали шинкарей, изрядно увеличились, но последний случай — это уже из ряда вон!

— Вы говорите о том случае, когда толпа пьяных шляхтичей с оружием в руках набросилась на беременную женщину? Помилуйте, Александр Христофорович, что же еще могла сделать Алёна Александровна для спасения собственной жизни? Святой молитвой отвести от себя сабельные удары?

— Но какова причина, по которой они на неё набросились?

— Как вам наверняка известно, отец моей супруги умер от пьянства, поэтому жена моя категорически пьянство не любит. И, будучи в своем праве, всего лишь попросила шинкаря — который, между прочим, торговал самогоном вопреки всем законам земным и небесным — это безобразие прекратить. Шинкаря попросила, а не это пьяное быдло...

— Ладно, я предпочту поверить в вашу версию, тем более и свидетелей тому она привела не одну дюжину... я даже не уверен, что столько народу в шинок вообще войти одновременно может. Но мне иное тут очень интересно: супруга ваша застрелила сразу шестерых... сановных панов, — последние два слова Бенкендорф произнес с явной издевкой. — Но до сего дня мне было известно лишь об одном случае, когда человек стрелял сразу несколько раз из одного пистолета...

— Я тоже слышал о чем-то таком, и задумался о том, как такое возможно. Задумался — и придумал. Вот, посмотрите, — я достал из наплечной кобуры новенький пистолет, вытащил из него магазин, проверил, не остался ли патрон в стволе, и протянул его главному жандарму Империи. — Здесь двенадцать патронов, а недостаток конструкции лишь в том, что один выстрел обходится почти в три рубля. Ведь в каждом патроне фактически приходится делать отдельную брандтрубку, то есть патрон сам от обычного капсульного пистолета без ударника мало чем отличается.

Бенкендорф с некоторой опаской повертел в руках машинку:

— И как он работает?

— Вы же знаете, что выстрел из пистолета дает изрядную отдачу. В этой конструкции часть отдачи используется для замены патрона в стволе и для взведения курка, так что пока в магазине есть патроны, для выстрела достаточно лишь нажать на спусковой крючок. В теории все просто, а вот воплотить теорию в практику, должен сказать, было весьма не просто...

— Забавная вещица, — произнес Бенкендорф, — но, как я погляжу, полезная. Во что вам обошлось изготовление этой машинки?

— Если не считать затрат на изобретение и приведение конструкции в рабочий вид, то, я думаю, рублей в триста. А вот патрон, — я поглядел в глаза Александра Христофоровича, с любопытством разглядывающего блестящий патрон, сделанный мною «по примеру» Парабеллума 7.65x21 — патрон мне обходится как раз примерно в три рубля.

— Ваша борьба с пьянством в копеечку вам влетает, как я погляжу. А пуля... пуля у вас, я гляжу, медная?

— Нет, свинцовая. Из меди только оболочка сделана, чтобы разогревшийся свинец по

стволу не размазывался и не мешал следующим пулям. Тут же подряд много выстрелов сделать можно — а если после каждого ствол чистить потребуется, то вся затея смысла не имеет.

— Да, я о таком просто не подумал... А вы могли бы изготовить еще несколько таких машинок? Императору, мне например...

— Вам лично и Николаю Павловичу — сделаю без вопросов. Но более никому: если враги России такое повторят, то это нанесет Державе вред воистину неизмеримый.

— При такой цене...

— И дело даже не в самом пистолете. А вот специальный порох, без которого пистолет работать не сможет — это вещь, которую выпустить в мир просто недопустимо. Пуля из этого пистолета убивает человека на расстоянии в триста шагов, а если этот порох использовать в винтовке, то можно будет солдату стрелять более чем на две версты.

— Вы правы, пожалуй Императору лучше про этот ваш пистолет вообще не знать. Пока... Да, а этот специальный порох — он горячий? — как-то непонятно для меня поинтересовался Бенкендорф.

— Что значит «горячий»? Когда сгорает, то да. А насколько горячий... Вот в этом конкретно пистолете ствол нагревается так, что можно об него обжечься, примерно после пяти-шести выстрелов подряд. Собственно, поэтому ствол сверху кожухом таким и прикрыт. А почему вас это заинтересовало?

— Да так, мысль какая-то в голову пришла. Впрочем, мысль была глупая. Но вернувшись к тому, зачем я вас пригласил: а нельзя ли было с пьянством бороться, людей не калеча?

— Шинкарей, а не людей. Их, по-хорошему, вообще повесть мало было бы, ведь они людей убивают.

— Спаивают, но спиваются-то не все.

— Нет, именно убивают. Они в свою самогонку добавляют селитру — чтобы она казалась крепче, чем на самом деле, так что если кто выпьет с десятков рюмок этого пойла, то через полгода умрет в страшных мучениях. Так что мы калечили, как вы говорите, именно убийц.

— То есть вы выбирали тех, кто в вино селитру добавлял? — глаза Бенкендорфа сузились от гнева.

— Конечно.

— То есть вы сначала проверяли, чем они торгуют... Но мне попали жалобы на вас, где говорилось, что вы всех подряд...

— Александр Христофорович, мы — проверяли. И нашли, что селитру они добавляют все. Вообще все. Но раз уж вам мои подходы не нравятся... Давайте сделаем так: жандармерия проверит пойло во всех шинках Царства Польского и в западных губерниях — и я подскажу, как это сделать особого их внимания не привлекая, а затем всех тех, кто людей травит, арестует и... и отдаст мне в каторжные работы. Знаете ли, мне как раз людей не хватает дороги железные в Сибири строить.

— Думаете, что пара тысяч шинкарей вам сильно помогут?

— За каждым шинкарем стоит с десятков-другой самогонщиков, они же не сами это пойло готовят. И польские паны, которые этих шинкарей на работу эту поставили, тоже причастны. Возьмите шинкарей, допросите, вызнайτε всех их поставщиков — и тут уже я подскочу с кандалами. Их ведь наделать тоже время какое-то потребуется...

— Не любите вы жидов и пшеков, как я погляжу.

— Так они не барышни молодые, чего мне их любить-то? Но я людей по национальностям не различаю, я всех одинаково ненавижу. Но лишь тех, кто ради мелочной выгоды других людей уродует и убивает...

— Смелое заявление, но... Но я, пожалуй, насчет проверки шинков с вами соглашусь. А на какую каторгу отравителей отправлять, мы позже решим. И заканчивайте в людей стрелять, не старайтесь подменить собой Державу. Однако за помощь — спасибо... Ладно, больше вас не задерживаю. Но, мне кажется, что придется нам еще встретиться вскоре, еще до конца лета.

С Бенкендорфом мне пришлось встретиться еще неоднократно, причем не только по вопросам борьбы с пьянством. А еще раньше, в тридцать седьмом, буквально перед Рождеством, ко мне приехал из Германии прусский паровозостроитель Август Борзиг. Приехал с вопросом:

— Герр Никита, почему вы предлагаете в Берлине строить паровозы иной конструкции, чем их делают в Баварии? Мне кажется, что эти паровозы получатся много дороже, да и изготовить предлагаемые вами котлы крайне трудно.

— Видите ли, дорогой Август, водотрубный котел, который мог бы обеспечить паром машину сил в триста или пятьсот, в паровоз просто не поместится. То есть можно сделать и особо хитрый котел, чтобы в паровоз он поместился, но с работой кочегаром на таком не каждый даже инженер справится. А огнетрубный, хотя и потребляет несколько больше топлива, в состоянии обеспечить и пятьсот сил, и даже тысячу. Не сразу, но по мере развития паровозостроения... Водотрубные котлы хороши на флоте, в пароходе места много. А в паровозе размеры имеют значение. Что же до трудностей изготовления котлов — я могу предложить очень простое решение: вы будете получать котлы от меня, причем по себестоимости...

— И по себестоимости продавать вам паровозы. Я это помню.

— Но вы же получаете от меня колеса втрое дешевле, чем сами сделать можете, и с котлами так же получится. Еще раз уточню: вы сейчас не можете сделать котел, который выдержит десять-двенадцать атмосфер, а я могу такой котел сделать. Ведь по сути вам нужен только сам котел, трубы вы и без меня прекрасно в него поставите.

— Ну да...

— Сейчас баварские паровозы считаются лучшими, но — открою вам секрет — их практически невозможно сделать мощнее, чем в полторы сотни лошадиных сил. А с этим котлом вы уже через год сможете поставлять паровозы по двести, и даже по триста сил. Мне вообще не нужны паровозы слабее, чем в три сотни лошадей, а через пять лет они вообще никому нужны не будут.

— Но у вас уже работают паровозы по триста лошадей...

— Два паровоза, и я, хотя могу сделать еще парочку, делать их не хочу: они очень дорогие получаются. Но гораздо хуже то, что работать на этих паровозах умеют лишь пять бригад, которые мне с огромным трудом удалось обучить за четыре года, и обслуживают паровоз в рейсе сразу шестеро.

— А кто может гарантировать, что на паровозах с огнетрубными котлами будет иначе?

— А с огнетрубными котлами у меня уже шесть паровозов, и они катаются по дороге в Ярославль, причем катаются с бригадами по три человека. А то, что угля им нужно больше...

Просто в Ярославль уголь по Волге возить легко и недорого, так что несколько излишнее потребление топлива там не играет никакой роли. Хотите посмотреть машины?

Борзиг паровозы посмотрел, а уже осенью тридцать восьмого два германских паровоза встали на пассажирскую линию Москва-Петербург. К сороковому году их стало уже четырнадцать, а завод в Берлине выпускал по паровозу в неделю — и кому-то, через небольшой пролив от Европы, это почему-то сильно не понравилось...

Ретроспективное лирическое отступление

В котором Герой меняет, наконец, историю всерьез. Но не сам...

Александр Сергеевич страдал. И, развалившись на диване в гостиной, думал о том, что на Рождественской вечеринке точно подавали нехорошее вино. А еще — что, наверное, не стоило мешать шампанское с новомодным британским джином...

Жена его сидела там же, в гостиной, на кресле, и лицо ее не выражало ничего хорошего.

Внезапно дверь в гостиную распахнулась и на пороге появилась высокая молодая женщина:

— Доброе утро, Александр Сергеевич. Вставайте, одевайтесь, поедem ко мне в гости. И побыстрее, первое выступление назначено на полдень первого января, а опаздывать будет просто неприлично.

Какая-то тетка, внезапно появившаяся в доме, да еще этот возмутительный тон — и очень громко произносимые слова, от которых, казалось, в голове стучали тяжелые молотки, отнюдь не способствовали вежливости со стороны Александра Сергеевича:

— Кто вы такая и что вы делаете в моем доме? Убирайтесь!

— Меня зовут Алёна Александровна, я зашла пригласить вас совершить небольшую творческую поездку по моему поместью. Вы у меня уже выступали, лет десять назад.

— А... вспомнил. Это жуткое собрание в городишке... как его, Одоеве, так? Увольте, больше я там не появлюсь. А вас все же попрошу покинуть мой дом, причем немедленно!

— Вы, Александр Сергеевич, кажется не совсем меня поняли. Первого января тридцать седьмого года состоится первое выступление у меня в поместье. А всего у вас запланировано двадцать два выступления перед почитателями вашего таланта.

— Вы еще здесь? Скажите вашим почитателям моего таланта, что никаких выступлений не состоится. И убирайтесь же наконец, пока я не приказал вышвырнуть вас вон из моего дома!

— А, понятно. Вы просто ошибаетесь, но я готова принять ваши искренние извинения чуть позже. А теперь собирайтесь, мы выезжаем в Москву через час.

— Никита! Вышвырни эту особу!

— Вы зря кричите, Александр Сергеевич. Никиту я уже отправила собирать ваши вещи...

— Да как вы посмели куда-то отправлять моего...

— Моего мужика. Никита, как и все прочие мужики Кистенёва, отныне являются моей собственностью: я выкупила село у казны, вместе со всеми мужиками выкупила. Вы же село вместе с дворовыми заложили и плату просрочили — а они теперь мои. И квартира эта не ваша: вы опять просрочили платеж за нее и я отказываю вам в квартире в моем доме. Да, Софья Григорьевна продала мне этот дом на прошлой неделе. А еще вы мне должны восемьдесят тысяч рублей с копейками, потому что я выкупила все ваши долги кроме карточных и долгов Наталии Николаевны. Так что, если вы через час не едете со мной в Москву, то вы через полтора часа едете в Москву со мной же, но сидя в клетке, как безнадежный должник. По указу Императора мой муж или я получили безусловное право сажать в клетку любого, в том числе и дворянина, подлежащего за растрату или мошенничество суду в моем поместье, а постановление Тульского суда у меня с собой,

можете при желании ознакомиться. Околоточные ждут моего решения у дверей...

— Вы... вы!!!

— Вы Алёна Александровна Павлова? — с совершенно ошарашенным видом тихим голосом поинтересовалась Наталия Николаевна.

— Да, именно так. — Гостья внимательно поглядела на Александра Сергеевича, покопалась в принесенной с собой сумке, вытащила бутылку с какой-то мутной жидкостью: — Я так и предполагала... Пейте! Все выпивайте, этот эликсир моего мужа отца моего поднимал на ноги даже после недельного запоя. А мы... Наталия Николаевна, давайте выйдем на минутку, я вижу что нам нужно кое что обсудить...

Спустя всего полчала Александр Сергеевич, все более подгоняемый женой, погрузился в большую карету черного цвета, запряженную тройкой огромных лошадей. Детей с няньками погрузили в такую же, но уже белую карету, а возмутительная гостья села в первую, орехового цвета. Голова у Александра Сергеевича к этому времени почти прошла и он, сидя на весьма удобном диване, уснул...

Спустя три часа проснулся, и, озираясь, спросил у сидящей рядом Наталии Николаевны:

— Где мы? И куда это мы едем?

— Мы едем в гости к Алёне Александровне, а где... Чудово мы проехали с полчаса назад, через полчаса будет Малая Вишера. А часам к восьми остановимся на ночь в Бологом.

— А дальше?

— В восемь утра отправляемся дальше, в два пополудни будем в Москве, в шесть вечера уже в Туле. А в восемь уже в Одоеве будем.

— Зачем?

— Надеюсь, ты там хоть денег заработаешь, хотя бы карточные долги раздашь.

— Интересно как я там заработаю?

— Головой своей и пером. Дядька твой, Василий Львович, Одоевскому театру написал пару пьес, и за каждую по тысяче получил серебром. А генерал Давыдов за один водевиль две с половиной тысячи серебром от неё получил, и за каждое представление еще по двадцать рублей...

— Что такое двадцать рублей?

— Он в месяц с представлений по полтысячи получает!

— Они что, каждый день спектакль дают?

— Нет, по субботам и воскресеньям только, но и в Москве, и в Туле, и, бывает, в Липецке или Луганске. Это я про «Сватовство гусара» говорю только. В Одоевском-то театре три полных труппы, и говорят, что Алёна Александровна еще две готовит... Если ты ей напишешь пьес пяток, то с долгами своими точно рассчитаешься.

— Посмотрим... Так мы только за этим в провинцию столь быстро отправились?

— Нет. Алёна Александровна сказала, что тебя в столице этой зимой точно убьют, а мы пару месяцев по ее поместью покатаемся, а тем временем ее муж эту напасть как-то уберет. Но ты уж постарайся! Главное, чтобы это Алёне Александровне понравилось...

— Два месяца сидеть в захудалом поместье? Увольте!

— Её поместье нынче — это почти вся Тульская губерния, половина Рязанской и четверть Тамбовской. И еще в пяти губерниях неизвестно сколько, но очень много. Только в поместье у нее железных дорог больше двух тысяч верст! За два месяца мы и половины ее поместья объездить не успеем.

— Вы там на собраниях своих что пьете-то? Столько, сколько ты говоришь, и быть не

может!

— Может. Дорогу из Петербурга в Москву...

— Да слышал я про нее... всякое.

— Так вот, эту дорогу ее муж из своих средств строит. А чтобы тебя, дурака, из Петербурга увезти под благовидным предлогом, она только княгине Волконской больше четверти миллиона серебром за дом отдала! Ладно, тут Алёна Александровна тебе еще зелья передала, выпей. А через полчаса, в Малой Вишере, обед будет. Ты уж постарайся к ней со всем вежеством обращаться, она на самом деле может любого в клетку посадить. И это не шутка, когда мы по каретам рассаживались, с того берега Александр Христофорович за нами очень внимательно глядел, а кто еще в его карете был, один Бог знает...

Кульминация — окончание

В котором мир меняется окончательно и бесповоротно.

Сорок шестой год мне надолго запомнится. Потому что именно в сорок шестом году Светлана Никитична внезапно сделала меня дедом. Ну, не то чтобы совсем внезапно, она уже год с лишним как превратилась из Павловой в Сорокину (Ванька не смог устоять против чар этой юной хулиганки), но все равно появление маленького Никиты Ивановича меня довольно надолго выбило из колеи. Не то, чтобы появление в семье младенца стало для меня чем-то необычным, Алёна Александровна уже восемь раз радовала меня новыми детишками — но то, что очередной младенец в семье будет старше на пару месяцев своей родной тетки или родного дядьки, меня все же несколько смутило. Но больше всего меня выбило из колеи то, что обалдевший от счастья Ванька практически забросил работу по изготовлению нового двигателя для локомотива.

Впрочем, спустя всего три месяца, когда на свет появился и Андрей Никитич, он успокоился и работа возобновилась. Причем не только над двигателем: сам локомотив изготавливался ударными темпами (причем силами уже сразу семи инженеров). Локомотив строился «передовой», в качестве прототипа я взял узкоколейный тепловоз ТУ10, а Ванька для него «изобретал» трехсотсильный дизель. Изобретать его было не столько трудно, сколько мучительно: двухцилиндровую версию мы с ним сделали уже пару лет назад — для трамваев сделали, а вот поставить три одинаковых «V» в ряд было не очень просто. То есть очень непросто: даже коленвал сделать прочный настолько, что он не переламывался после пары часов работы мотора было той еще проблемой — но проблемы потихоньку решались (в том числе и путем поступления нужных металлов из Германии и с новенького рудника в Чухони). В Финляндии привезенные мною туда мужики яростно копали титан-ванадиевую руду, на которую точили зуб не только отечественные металлурги, но и отечественные химики в лице, главным образом, Светланы Никитичны.

Дочь моя решила химией заняться, а так как в Отечестве нашем высшее образования для женщин было делом практически недоступным, пришлось мне на хитрость пойти. Чернинское педагогическое училище было «слегка расширено», там на базе давно существующей кафедры появился отдельный химический факультет («для подготовки учителей химии»). Алёна, немного повосхищавшись моей мудростью, организовала в училище еще два факультета: ботанический (для подготовки «учителей агрономии») и медицинский (чтобы обучать будущих учителей для фельдшерских училищ). А уже Светлана, приступившая в четырнадцатилетнем возрасте к изучению «прикладной химии» и испытывающая недостаток различного химического оборудования, организовала там и факультет «прикладной механики» — «для подготовки учителей, обучающих крестьянских отроков полезным ремеслам». Вообще-то обычно подобные инициативы четырнадцатилетних девчонок поддержки в широких народных массах разного рода чиновников от образования поддержки не получали, но когда дочь «самого» Никиты Алексеевича выражает желание приобщить мужицких отроков к инженерной науке (для своей сугубо личной пользы), оно как-то само образуется. Тем более что «в своем поместье» я на чиновников особого внимания мог и не обращать.

А Светкины потребности возникли вовсе не на пустом месте: я ей кое-что рассказал про

катализатор Циглера-Нагта. Очень полезный катализатор в деле унитазостроения: если на него напустить изопрен, то получается резина, из которой делается клапан унитазного бачка. С изопреном проблем у меня не было никаких: сотни тысяч мужиков активно собирали живицу, корчевали еловые, сосновые и лиственничные пни, из этого добывался скипидар — а если этот скипидар прогнать через специальную «изопреновую лампу», то на каждый килограмм скипидара в лампе получается грамм триста изопрена. Вот только без этого катализатора изопрен в каучук превращается крайне неохотно, а вот с ним...

Чтобы добыть четыреххлористый титан, нужна любая титановая руда. Чтобы добыть триэтилалюминий, нужен спирт и алюминий. Или, как мне подсказал Миша Засыпкин, с большой пользой поучившийся химии в Париже, достаточно простого каолина и натрия с водородом, что проще, так как из алюминия у меня была лишь пустая банка из-под медвежьей тушенки, да и та давно уже закончилась. Вот дочь на титано-ванадиевую руду и набросилась (оставляя ванадий металлургам), а в России наблюлся острый дефицит скипидара...

Когда внуку исполнилось полгода, Ванька мотор доделал и запустил серийное производство. Собственно моторов и локомотивов на их базе. Правда у него так и не получилось сделать шестицилиндровый мотор и он удовлетворился восьмицилиндровым, который у него стал уже четырехсотсильным. Но вес в двенадцать центнеров всех удовлетворил, локомотив всё равно вышел весом чуть меньше восемнадцати тонн. Выпуск локомотивов Ванька налаживал на новеньком заводе в Камбарке (по сути, на перестроенном «чугунном» заводе Демидовых, доставшимся мне за копейки четыре года назад), за что дочь на меня постоянно дулась, так как Ванька пропал на Урале по три месяца в году — но мне свое недовольство не высказывала. Понимала важность момента...

Важность момента не понимал сам Ванька, и он свое недовольство постоянно мне высказывал. Хотя ему вовсе не поездки на Урал не нравились, а то, что «без него новый мотор не сделают или сделают отвратительно». Честно говоря, в этом он точно ошибался, подготовленные им ребяташки не просто старались, но и очень хорошо знали, как правильно стараться надо — так что новый двигатель они первый раз запустили («попробовать») еще до Рождества. А в марте тысяча восемьсот сорок седьмого новенький мотор стал серийно выпускаться на специально выстроенном для этого заводе в Рыбинске.

В новом моторе было уже двенадцать цилиндров, причем каждый был объемом почти в двадцать литров. Зато он мог работать даже на мазуте, а мощность в тысячу двести лошадок в принципе окупала его восемнадцатитонный вес. Нет, Ванька, конечно же, вернувшись из очередной командировки в Камбарку, весь изошел на известную субстанцию, поскольку — по его убеждению — мотор этот должен был весть тонн шесть-семь, а мощность иметь под пару тысяч сил. Однако я ему честно сказал, что доводить мотор до идеального состояния ему никто мешать не будет, а вот лично мне хотя бы такой мотор нужен был еще вчера. А после того, как дочь поинтересовалась, как быстро она может получить от меня очередной химический агрегат, она быстро объяснила мужу, кто в лесу главный...

Ну а я вдруг всерьез занялся судостроением, поскольку новый мотор в любой, даже самый ширококолейный локомотив, попросту не влезал. Судостроитель из меня вообще никакой, но в плане «общей эрудиции» кое-что я про корабли знал. Например то, что лучше их делать из «спокойной стали» — то есть из стали мартеновской, и что они состоят из корпуса с разными трюмами, двигателя и винта, к которому от двигателя протянут вал через дейдвудную трубу. И что трубу эту лучше делать из бакатового дерева — но так как в

российских лесах дерево это вообще не растет, то стальную трубу набивали специально подготовленной пластмассой.

С пластмассой все вообще очень просто было: формальдегид, зараза такая, сам в пластик превращался, только успевай его сгребать. А если этот пластик смешать, скажем, с дисульфидом молибдена (а еще со стекловолокном для прочности), то труба получается не сильно хуже, чем из зарубежного дерева — что испанский линкор «Герой» и вся «атлантическая эскадра» уже несколько лет доказывали на собственном примере. Моторы для кораблей делались в Рыбинске, а корпуса — в Усть-Луге, в быстро растущем поселке Мезень на Белом море и в Новороссийске. Причем с Новороссийском все вообще как-то случайно вышло...

Я помнил, что в Новороссийске было чуть ли не самое мощное производство цемента в России, так что еще в тридцать пятом году, когда только приступал к постройке железной дороги, решил и там организовать сырьевую базу. Набрал пару тысяч мужиков, которые уже успели хоть как-то у меня с производством цемента ознакомиться, и отвез их на развалины крепости Суджук-кале. А чтобы мужикам там не пришлось самим драться с местными черкесами, нанял еще и с полтысячи казаков из окрестностей Донецка и Луганска. Казаки нанимались с удовольствием, ведь я каждому вручал новенькую винтовку «собственной конструкции», денег платил по сто рублей в год серебром «на казенном прокорме» (причем кормить приходилось и самого казака, и его лошадей, которых эти ребята минимум по паре с собой брали, и даже семью казака — но все равно дело было выгодным). Поначалу черкесы решили резко так возразить против нового строительства, но аргументы их оказались несколько слабее, чем винтовки казаков. Эти ребята, узнав, что черкесы в основном нападают, чтобы набрать побольше пленных и продать их в рабство туркам, очень резко приступили к программе защиты гражданских прав христианского населения. Ну, раз я им пороха и пуль отсыпал столько, сколько они попросят...

В общем, когда в новенький Новороссийск в тысяча восемьсот тридцать седьмом году приехал с рекогносцировкой генерал Раевский Николай Николаевич, в радиусе километров двадцати от города черкесов уже не наблюдалось: казаки просто приезжали в очередной аул, быстренько его осматривали — и если находили в доме яму для содержания рабов, то дом сжигали, но хозяину его было уже не жалко. А если такие ямы обнаруживались во многих домах, то, как правило, сторал весь аул. Не потому что казаки специально всё жгли, а потому что тушить тамошние сакли было некому: все население аула казаки забирали с собой в Новороссийск и там грузили на пароход, который увозил их в Синоп. Бесплатно, между прочим, увозил...

Раевский вскоре привез своих казаков, около полутора тысяч, и почти четыре тысячи солдат. Он там занялся какими-то вопросами «урегулирования» отношений с черкесами, ну а я — развитием промышленности в городе. В частности, судостроением, хотя по официальной версии в городе собирались лишь большие морские баржи для перевозки цемента. Очень нужные баржи, ведь цемента там делалось дофига. Для его перевозки делались во множестве здоровенные стальные бочки, а на баржах ставились небольшие паровые машины, от которых приводились в действие подъемные краны, установленные между трюмами...

Летом сорок седьмого года было закончено строительство бетонного моста через Сиваш, и шоссейная дорога соединила, наконец, Луганск и Симферополь. Что помирило меня, наконец, с генералом Раевским: если до этого мы сосуществовали в состоянии

«вооруженного до зубов нейтралитета» — то есть он не лез в мои дела в Новороссийске, а я не касался его там дел, то появление новой дороги (и удобство доступа в поместье жены Раевского в Крыму) сделала наши отношения уже... не то, чтобы дружескими, просто нейтралитет стал мирным. Причем даже то, что мои врачи вылечили его от страшной в нынешние времена болезни, наших отношений не поменяло, а дорога — очень существенно их улучшила. Странно всё это... Впрочем, люди — это народ неблагодарный.

А с медициной у меня все было... ну, не то чтобы великолепно, однако для первой половины девятнадцатого века «практически недосыгаемо». Понятно, что каждый второй реконструктор (не считая каждого первого) в состоянии воспроизвести процедуру получения аспирина, будучи разбуженным в три часа ночи после тяжелой пьянки. У меня уже половина Тульской губернии была осиною засажена, а вообще-то сбором осинового коры мужики промышляли от Вологды и до Воронежа. Причем сами мужики искренне думали, что я в Воронежской губернии специально осину сажаю чтобы ее на дрова не рубили — ну, действительно, паршивые из осины дрова. А вот аспирин получается замечательный.

А примерно каждый десятый реконструктор в состоянии воспроизвести процесс изготовления чего-нибудь покрепче (из лекарств, имеется в виду). Так что я в общих чертах знал, как сделать стрептоцид из анилина. И даже мог по памяти формулу стрептоцида нарисовать! По большому счету, пользы от этого было чуть меньше чем вообще нисколько, но на мое счастье попался мне талантливый выпускник Казанского университета Николай Зинин. Оказалось, действительно талантливый: в сороковом году, всего после семи лет преподавания в «педучилище Черни», стрептоцид он синтезировал. Попутно он еще много чего насинтезировать сумел: в сорок втором году придумал, как синтезировать сам анилин (до этого его добывали из коксовой смолы). Причем придумал он синтез анилина как раз потому, что ему продукции коксового завода стало катастрофически не хватать: он еще и краски анилиновые кое-какие успел сделать.

Еще мне попался очень интересный субъект: помещик Звягинцев, мой ровесник, в молодости мечтавший стать знаменитым. В общем-то, тут каждый второй мечтал о славе, просто большинство так мечтами и ограничивалось, а этот... Чем только он не занимался: и пытался выводить какие-то очень урожайные сорта овса, и выводить свиней, которые бы вес в полтонны за год набирали, и порох выдумывал «в сто раз сильнее нынешнего». На скрипке выучился играть виртуозно, пейзажи писал — Левитан обзавидуется. Но как только получал хоть какой-то результат — хоть бы и отрицательный — сразу занятие свое бросал и приступал к новому. Правда, «базовых» знаний у него было чуть меньше чем нисколько, но вот усидчивости ему было не занимать, как и упорства в получении новых знаний. И я предложил ему поколдовать с плесенью...

В общем, где-то к весне сорок второго года он получил пенициллин, а еще через полгода и стрептомицин. Порадовался — и принялся изобретать машину для производства стальных струн — но вот с антибиотиками дело не умерло, все его помощники — коих он дюжины три подготовить успел — работу продолжили. И хотя объёмы производства могли кое-кого вогнать в глубокую депрессию (вся его лаборатория лекарств выпускала грамм по десять в год), я хотя бы успокоился насчет собственных детей — а поставить выпуск антибиотиков на промышленную основу можно будет и потом, когда получится настоящих специалистов обучить.

Кстати, от антибиотиков оказалась большая польза: Алёне на ровном месте обломился еще один орден. Причем не какая-нибудь «Анна» или «Станислав» занюханый... Просто

летом сорок девятого года жена моя по каким-то своим делам оказалась в Петербурге и там случайно буквально узнала, что внучка Николая «слегка приболела». Тут она немедленно вспомнила, что в какой-то книжонке из моего телефона было написано, что Александра Александровна «в семь лет умерла от менингита» и с грацией слона вломилась в Зимний дворец. Герцогиню, понятное дело, к царю допустили без промедления — и, оказалось, почти сразу после того, как врачи сказали ему, что девочку вылечить невозможно...

Ну, в целом, можно сказать, герцогине Алёне повезло: менингит оказался бактериальный и пенициллин помог, да и вообще жена вовремя подсуеутилась, когда ничего необратимого еще не случилось. Алёна десять суток практически не выходила из комнаты, где лежала Сашка, каждые три часа колола девочке в задницу антибиотик — а когда всё закончилось, жена наследника Мария почему-то спросила, сколько стоит примененное ею лекарство. Может в запас купить захотела...

— Да какая разница? Я же не ради выгоды дочке вашей помогла. Считайте, что нисколько не стоит.

— Я всё же? Я же всяко не буду вам деньги предлагать за помощь...

— Даже примерно сказать не могу, — задумчиво (а, скорее, сонно) ответила Алёна, — я использовала всё, что лаборатория, мужем организованная, год делала. Сколько там потратили на лекарство, не знаю, а на работу лаборатории муж тратит где-то миллион в год, может два... Вы лучше у него спросите, но, боюсь, про цену и он вам не ответит.

Через день, когда она выспалась, уже Николай поинтересовался:

— Вы оказали нам огромную услугу. Что желаете в награду получить?

— Позвольте в столицах институты медицинские открыть, с правом обучения там и женщин, и вообще лиц любого сословия. И еще пяток, в других городах...

— Да, женщины того достойны, что на вашем примере доказано. Институты учреждайте, уставы только подготовьте, я подпишу. А сколько средств из казны на это потребуется?

На последний вопрос Алёна ответила со всей своей крестьянской прямоотой:

— Ваше величество, вы же про деньги не всерьез спрашиваете?

— Как с вами, Павловыми, всё не просто! Но раз уж вы спасли Александру Александровну...

— А орден Святой Екатерины у неё уже есть, — поспешила напомнить присутствующая здесь же Александра Федоровна.

— ... то уместно будет наградить вас и орденом святого её покровителя Александра Невского.

— Его же женщинам не дают... — заметила Александра Федоровна.

— Таким, как Алёна Александровна — дают, — ответил Николай, — тем более что она так рьяно за права женщин воюет. Пусть примером для прочих будет! И да... — царь минутку помолчал, очевидно обдумывая пришедшую ему в голову мысль, — уставы институтов ваших я утверждать не стану. Пиши указ, — он повернулся к секретарю, — уставы всех заведений учебных, герцогиней Павловой учреждаемых, означенная же герцогиня Павлова Алёна Александровна и утверждать будет, и никакие иные чины не вправе будут уставы те менять, — а продиктовав указ, он повернулся у Алёне и с улыбкой добавил:

— Чернила — они тоже денег стоят, а у вас их куда как больше чем у меня.

Когда высочайшая аудиенция закончилась и почти все уже вышли из кабинета, Алёна

робко поинтересовалась у Николая:

— Ваше величество, а вот моему мужу могут другие институты понадобиться, не медицинские...

— Алёна Александровна, ты дура что ли? Я в указе хоть словом о медицине обмолвился? А с мужем сама договаривайся, незачем вам ко мне шастать, и так уже надоели. Кстати, на институт медицинский в Петербурге ты денег все равно у меня возьми хоть полмиллиона, и подбери дворец какой готовый уже, чтобы не затягивать дело. Деньги не из казны, мои личные будут: в благом деле и мне поучаствовать хочется. Ну всё, иди уже с Богом...

Жалко было, что Звягинцев такое полезное дело забросил, но с ним хотя бы проблем у меня не было. А вот с Зининым у меня хлопот было выше крыши: товарищ со страшной силой мечтал поделиться со всем миром своими открытиями. Причем желал этого совершенно бескорыстно (ну, если не считать корыстью «признание заслуг мировой общественностью») — просто потому, что часто он даже не понимал, что именно он делает. Например, о том, что полученный им сульфаниламид и сильнейшее лекарство «стрептоцид» суть разные названия одного и того же, он даже не подозревал. Как не подозревал и о том, что в далеком городе Кургане этот препарат уже выпускается десятками килограмм в сутки. Курган я выбрал в силу двух причин: отдаленности от Европы и хорошей транспортной доступности. Последняя «сама получилась» когда я стал быстренько строить дорогу в Омск.

Вообще-то индустриальному гиганту на Тоболе не повезло: генерал Рерберг, занявшийся по моей «убедительной просьбе» (и по приказу Николая) строительством дороги из Челябинска в Омск, проложил дорогу примерно на двадцать километров южнее Кургана. Но кто запретит мне кинуть небольшую узкоколейку до интересного мне города? Тем более, что строить узкоколейки стало уж совсем дешево. Просто я потихоньку менял пути на «старых» дорогах до Луганска и далее до Оскола, Никополя и Кривого Рога на «широкую колею» — а готовые (и, в общем-то, не сильно изношенные) двадцатиметровые узкоколейные звенья просто распахивал по складам... И, как оказалось, избыток рельсов на складах был совершенно не лишним.

Весной пятидесятого года Николай отдал приказ ввести войска в Молдавию и Валахию: оказывается, православное население этих двух территорий, формально входящие в Османскую империю, по какому-то договору между османами и Россией, находились как раз «под покровительством России», а тут османы резко начали их снова притеснять. Да ладно бы одни османы: в рамках программы защиты христианского населения Николай ввел армию даже в Бухарест, но тут выступил австро-венгр Франц-Иосиф и потребовал русские войска оттуда вывести, пригрозив войной. Русский царь смекнул, что слишком много врагов в одной войне осилить будет сложновато и войска из Румынии вывел. Но, я думаю, затаил...

В конце лета османский босс выставил ультиматум, в котором потребовал вывести русские войска в двухнедельный срок — но уже через неделю османы начали войну. И немедленно огребли, но им на помощь резко бросились Британия, Франция и Сардинское королевство. Эти три «европейские державы» тут же ввели очень немаленький флот в Черное море (и не только в него), ну а я приказал быстро-быстро выстроить хоть какую железную дорогу в сторону Севастополя. Вот тут-то разобранные рельсы и пригодились: их клали прямо на шоссе-дорогу, причем в сутки успевали проложить километров шесть.

Алёна, читая сводки, приходившие в Одоев по телеграфу, чуть ли не каждый день теребила меня:

— Никита, какого рожна ты тут сидишь и ничего не делаешь?

Примерно две недели теребила, пока я не рассказал ей, почему:

— Золотко моё, политика сама по себе штука очень циничная, а война — она цинична стократно. Лично я не сомневаюсь, что британцы с французами наверняка сделают какую-то мерзкую вещь, но мне важно, чтобы об этой мерзости сообщили их газеты. И чтобы их мерзкое население этим мерзостям возрадовалось.

— Зачем?

— А затем, чтобы потом они не могли спрашивать «а нас-то за что?».

— Но вот они Одессу разбомбили, а ты...

— А я строю железную дорогу в Симферополь и Бахчисарай. Она нам очень пригодится вскоре.

— Да знаю я... Но мне все равно очень не нравится то, что ты просто сидишь на попе ровно и чего-то ждешь.

— Понимаю. Но когда я дождусь, ты всё поймешь. Сегодня они Бердянск разбомбили и сожгли, но там десант был небольшой, и они быстренько все обратно уплыли. А вот когда они высадят уже серьезный десант...

— А когда?

— Думаю, что весной. Я как раз успею на дороге вторые пути проложить, а это — уже сорок восемь пар поездов в сутки.

— Сорок восемь пар, по двести сорок человек в поезде... это получится по двенадцать тысяч почти в сутки?

— Тысяч по пять, там же и припасы всякие возить придется. Но нам-то много народу не понадобится, в Крыму и десяти тысяч хватит. Но на Крыме я останавливаться не собираюсь...

— Ты сам-то в Крым собрался?

— Ты же знаешь, что нет. Там и без меня разберутся, а я отправлюсь в Петербург. Вот весна наступит — сразу же и отправлюсь...

Тройственная интерлюдия

В которой англичанка начала гадить. Но, как выяснилось, себе на голову.

Николай Николаевич Раевский был очень зол, ведь на просьбу передать ему дополнительные пушки директор цементного завода майор (ну хорошо, пусть обер-гиттенфервалтер, но все равно для генерал-лейтенанта простой майор) Иванов ответил категорическим отказом. Даже не так, он издевательски сообщил, что «вам мои пушки не понадобятся, да и стрелять из них у вас тут некому». А ведь для защиты Новороссийска этот Павлов выстроил на мысе Любви какую-то совершенно несерьезную даже не батарею, а батарейку шутейную, куда поставил всего шесть своих стальных пушчонок калибром по три дюйма — а на заводе, по слухам, пушек каких-то было дюжины три. Правда, никому не было известно, каких пушек, так что придется город защищать с тем, что есть...

Когда наблюдатели сообщили, что в Цемесскую бухту входят вражеские корабли, генерал Раевский сам поспешил на батарею. Пусть пушки там почти игрушечные, но, решил Николай Николаевич, он и с такими постарается фамилию не посрамить. Да и хоть немного, но окоротить наглых англичан и французов было бы неплохо, ведь их эскадра уже вторую неделю ходила по всему Азову, вела бомбардировки прибрежных сел и городов и топила все, что плавает, включая рыбацьи лодки. Артиллеристы на батарее тоже были полны решимости врезать супостату, хотя бы и ценой своей жизни, но...

Но врезать не получилось. Когда корабли эскадры подошли поближе, самую малость не дойдя до расстояния, на которое могло улететь ядро с береговой пушки, послышались выстрелы с противоположного берега. Залпов было всего шесть, но все шесть вторгшихся кораблей в течение буквально одной минуты были уничтожены. Генерал с удивлением и восторгом смотрел, как вражеские корабли исчезали в огромных взрывах. А когда на водной глади остались лишь обломки, от причалов цементного завода стали по одной отваливать огромные цементные баржи. Сами отваливать, без буксиров, и вскоре Николай Николаевич с удивлением заметил, что вместо подъемных кранов на них стояли какие-то стальные коробки, из которых торчали...

— Это пушки? — спросил генерал у подъехавшего на коляске с несколькими своими горными офицерами к батарее обер-гиттенфервалтера Иванова. — Они что-то смогут сделать с британскими парохо-д-фрегатами или это просто для острастки вы трубы жестяные на баржи ваши воткнули? Что скажете, горный майор?

На то, что директор завода давно уже ходил в какой-то непонятной, хотя и с погонами, одежде, военный губернатор Причерноморья давно уже внимания не обращал. Хотя ему и показалось, что погоны у «горняка» несколько изменились...

— Уже не горный майор, — усмехнулся тот, — а полковник народного ополчения, что, впрочем, неважно. Да, это пушки, и шесть выстрелов из точно таких же превратили шесть вражеских кораблей в щепки. И это не баржи, а военно-транспортные крейсера вспомогательного флота. «Богатыри» — он указал рукой на проплывающие мимо мыса «Илью Муромца», «Добрыню Никитича» и «Алешу Поповича» — сейчас в Азов идут, чтобы эскадру союзную на ноль помножить, а «Витязь», «Варяг» и «Святогор» отправляются очищать от басурманов русский город Трабзон. Азов «Богатыри» где-то за неделю очистят, потом заберут Самсун и Синоп...

— Тоже дело хорошее, — с некоторым сомнением, но все же в глубине души надеясь, что хоть что-то подобное случится, ответил генерал, — а Севастополю помощь оказать вы со своими... крейсерами не хотели бы? Там же супостат десанта высадил больше восьмидесяти тысяч.

— А там уже наша помощь не требуется, флот неприятельский топить корветы из Николаева уже вышли. Там наша помощь не нужна, а вот дальше... Я чего к вам-то заехал: Никита Алексеевич давно говорил, что администратор вы великолепный, но недругов в Петербурге у вас многовато. И если вы бы согласились занять должность герцога Сардинского...

— У Никиты Алексеевича шутки чаще совсем не смешные, — сердито буркнул Раевский.

— У него вообще с шутками плохо, — кивнул Иванов, — так что это всерьез. Через две недели в планах занять Константинополь и все побережье Мраморного моря, а в середине апреля как раз будет десант на Сардинский остров. Ну и далее...

— А почему бы вам самому эту должность не занять? Герцог Иванов — это звучит очень неплохо, — Раевский попытался в свои слова вложить максимум сарказма, но Иванов его, похоже, не воспринял:

— Полковник ополчения на герцога рылом не выходит. Меня Никита Алексеевич назначил губернатором Гибралтара, да и то временным. Я-то, как ни крути, горный инженер, не военный ни разу.

— Интересное предложение, но воевать Сардинию...

— Не воевать, ее без вас возьмут. Но вот те, кто возьмут, управлять ей не способны. Потому как и опыта нет, и не учились они управлению. Так я продолжу: Новороссийск вам защищать, сами видите, вообще не нужно, так что если вас Сардиния устроит, то подберите офицеров, солдатиков и казаков пару батальонов, которые с вами туда отправятся. Времени у вас примерно месяц, припасов особых вам не потребуется: все, что нужно, Никита Алексеевич доставит куда нужно. И еще: господин Павлов говорил, что времени на размышления у вас не будет, поскольку война и действовать нужно быстро. Но он убежден, что вы способны и мыслить быстро, и действовать. Так что пусть уж его убеждения останутся не опровергнутыми...

Владимир Алексеевич довольно сильно нервничал. В особенности сильно он нервничал после получения странного приказа из Петербурга, полученного по телеграфу. Конечно, то, что господин Павлов провел телеграфные линии до Севастополя, было очень неплохо, но вот приказ о том, что приезжающие в Севастополь новенькие войска «народного ополчения», сформированные именно Павловым, ему не подчиняются, не радовал. Особенно не радовал тем, что войска эти, на которые он вообще-то рассчитывал, выглядели просто шутовскими какими-то, одеты в сплошь испачканную грязными пятнами одежду и даже ружья их, длиной не более аршина, выглядели игрушечными. А командовал этим сбродом пожилой офицер, но в чине прапорщика.

Причем прапорщик оказался каким-то хамом — когда Владимир Алексеевич, встретив в Бахчисарае первый поезд с пополнением, поинтересовался у этого «командующего», чем, по его мнению, он может помочь армии и флоту, он, нагло усмехнувшись, ответил:

— Да не ссы ты, господин контр-адмирал, ни армии твоей, ни флоту дел более не будет. У нас вон какая сила, — он указал рукой на стаскиваемые ополченцами с железнодорожных

платформ какие-то телеги, груженные железными трубами, — мы супостата с дерьмом завтра смешаем...

Выбить наглецу зубы адмиралу не дал лишь вчерашний приказ, однако контр-адмирал Корнилов вдруг понял, что в ближайшее время подмоги ему можно не ждать. А если учесть, что «союзники» высадили в Евпатории втрое больше людей, чем было у него, то ситуация казалась если не безнадежной, то по крайней мере критической.

Вот только казалась она такой всего лишь сутки. Причем поначалу казалась ближе к безнадеге — это когда разведчики донесли, что по меньшей мере два полка британцев пошли на Балаклаву, в которой он, контр-адмирал, оставшийся по сути командующим всеми войсками России в Крыму, смог оставить для обороны лишь один греческий батальон. Потому что эти же разведчики сообщили и о том, что из Евпатории к Севастополю выдвинулось почти пятьдесят тысяч вражеских солдат...

Владимир Алексеевич лично вышел на дорогу, возле которой солдаты и матросы Севастопольского гарнизона ждали вражеского наступления. Но британцев и французов до самого вечера так увидеть и не удалось. А ближе к полудню следующего дня его нашел тот самый прапорщик:

— Ну что, господин адмирал, как я и обещал, дел вам тут больше нет. Хотя, пожалуй, стоит вам солдатиков послать супостатовы тушки закопать. Сами-то они не закопаются, а мои ребята подустали...

— Кого закопать?

— Ну этих, французов с англичанами и сардинов: мы их быстренько поубивали, но уж что с ними дальше делать, то уж не наша работа. У меня задание было захватчика ликвидировать, а что далее делать, мне не приказали. Так что мы тушки эти даже не обобрали толком, так вы уж распорядитесь там...

— Извини, прапорщик, я что-то не понял...

— Переволюновались, не иначе. А всё потому что не поверили. Ну да бог с вами, поясню. Вверенные мне войска десант захватчиков весь уничтожили.

— Как?!

— Ну, против тех, что на Балаклаву пошли, я послал усиленную минометную роту. Они встретили врага в горах еще и просто перемешали их с... с навозом перемешали. С десяти стволов термобарами да в ущелье — у наглов шанса выжить просто не было. А что на Севастополь шли, так мы подождали пока они из города выйдут и термобарическими их, термобарическими! Двести ракет в залпе — это вам не кот чихнул, всего-то четыре залпа и понадобилось. А потом уже с карабинами по Евпатории прошлись и там всех зачистили... приказ у нас был: уничтожить.

— А не боялись, что корабли по вам пушками пройдутся? У британцев же бомбы Шрапнеля в большом ходу, любят они ими по берегу лупить...

— Какие корабли? А, французы с британцами? Так их корветы, что из Николаева пришли, уже все потопили. Но морякам проще, им хоронить никого не нужно... а знаете что? Вы только солдатикам скажите, пусть они тушки эти, что на дороге валяются, как разденут-обдерут, обратно в Евпаторию оттащат. У меня приятель на корвете капитаном служит, моряки дохлятину просто в море покидают и все дела...

— Корветы? Какие корветы?

— Ну как хотите. А корветов тут четыре было: «Заря», «Алтай», «Восток» и «Восход»... нет, «Восход» — это уже вроде как фрегат. В Севастополь они послезавтра или третьего дня

приплывут: завтра в Симферополь должны народные дружины приехать и береговая охрана, и как они приедут, корветы из Евпатории сюда и поплывут.

— Там ведь было кораблей, если с турецкими считать...

— Шестьдесят семь было. Мне приятель как раз говорил, что из-за этого трудновато было их топить: прикрывали они друг друга. Но, хоть и потратить пришлось на каждый корабль чуть ли не по три снаряда, справились.

— Прапорщик, ты что пил-то? Бред ведь несешь, а от тебя спиртным не пахнет.

— А..., — прапорщик только рукой махнул. — Ладно, ты все же насчет тушек распорядись, я резервную роту дорогу показать отправлю. А ещё ты, ваше превосходительство, готовь нынче десант. Через неделю придут сюда транспорты вспомогательные, пойдем Константинополь у басурман обратно в веру православную забирать.

Еще два дня Владимир Алексеевич был убежден, что у старого прапорщика окончательно «крыша съехала» — даже после того был убежден, как лично увидел дорогу, усеянную изувеченными телами британцев и французов. Но когда в Севастопольскую бухту вошли упомянутые прапорщиком «корветы» и «фрегат», а за ними стали по одному заходить обещанные «вспомогательные транспорты», мнение его резко поменялось...

Николай с некоторым раздражением слушал, как Карл Васильевич буквально кричал о том, что Павлова нужно немедленно призвать к порядку, а затем арестовать и, может быть, даже повесить. Но раздражало его не содержание его крика, и даже не жуткий акцент «русского немца», а резкий, буквально скрипящий голос старого министра. Дождавшись, когда тот на несколько секунд замолчит, он высказал свою точку зрения:

— Ты не прав, Карл Васильевич. Во-первых, Павлов давно уже предупредил, что твои действия ни к чему иному привести и не могли. Да, ты очень верно предсказал, что России придется в одиночку воевать со всей Европой, но ты же и добился того, что у нас ни одного союзника не осталось. А во-вторых, после того, как Павлов свою работу закончит, все твои договоренности с теми, кто их никогда соблюдать и не собирался, не будут иметь никакого смысла. Да, он поступает не очень хорошо, и где-то в глубине души я даже готов его за это осудить... морально. А вот материально... ты знаешь, Егор Францевич давеча сказал, что это была первая война из тех, что вела Россия, на которую держава не потратила ни копейки. Он, конечно, преувеличивает, но уже подписанные Павловым репарации впятеро покрывают все расходы наши!

— Но великие державы...

— Да, Павлов прав: тебе, старик, точно на пенсию пора. Ты верно служил России, но теперь в твоей службе смысла более нет: мир изменился, а ты этого не понял и в новом мире ничего уже сделать полезного не сможешь. Я даже не говорю «полезного России», ты даже для себя полезного ничего сделать не сумеешь.

— Понимаю... не согласен с вами, но... И кого же вы, ваше величество, на моем месте теперь видите?

— Кого? Я еще не решил... но мне есть с кем посоветоваться. Ты, старик, не волнуйся, дело твое Россия не похерит. Вот только отныне дело это будет двигаться иначе... совсем иначе.

Продолжение окончания кульминации

В котором Герой показывает всем, какой он на самом деле герой.

Чем хороша середина девятнадцатого века, так это неторопливостью информационных потоков. Практически во всем мире неторопливостью, кроме изрядной части России. Правда про телеграф я знал лишь то, что он был когда-то, но железнодорожные системы связи изучал — и попробовал «воспроизвести» что-то похожее. Получилось очень неуклюже и не очень эффективно: по шести проводам передавалась одна буква, еще один использовался для указания «смены регистра» и один для «контроля четности» — зато изготовленный (с помощью трех инженеров и нескольких тульских умельцев) релейный аппарат даже буквы печатал! Очень неспешно: максимум пять символов в секунду — но, как я понимаю, для нынешнего времени и это было неплохо. Правда для того, чтобы этот «телеграф» заработал, пришлось вдоль железных дорог специальный кабель проложить, причем типа ТЗГ в свинцовой трубе и стальной бронеоплетке. После довольно долгих экспериментов у меня получился двадцатипарник, который на специально созданной фабрике выпускался кусками по два километра — а чтобы соединить эти куски в одну линию, пришлось еще год потратить на отработку правильного этих кусков соединения — зато теперь скорость передачи и получения ценной информации выросла на много порядков. И, главное, никто эту информацию не мог перехватить...

Новость о том, что в Крыму полностью уничтожены «союзный» десант вместе со всем флотом, по закрытым телеграфным линиям уже дошла до Петербурга, но до британцев и французов — еще нет. И объединенный флот «союзников» попытался заблокировать Финский залив. Точнее, они попытались заблокировать российский Балтийский флот, скопившийся в Петербурге, а по дороге к русской столице постреляли по прибрежным финским городам и деревушкам (вероятно, считая, что так финны сильнее захотят присоединиться к Швеции), даже высадили десант на Гогланде. А потом три корвета, вышедшие из Усть-Луги, примерно за полсутки потопили все семьдесят пять кораблей интервентов.

В чем разница между британским линкором и моим корветом? Британский линкор — это огромное судно водоизмещением около тысячи ста — тысячи четырехсот тонн, длиной за сорок метров, осадкой свыше пяти метров и экипажем в семьсот — девятьсот человек. И с кучей пушек, от восьмидесяти до ста штук. А мой корвет — это небольшой кораблик с водоизмещением в тысячу шестьсот тонн, длиной всего в семьдесят пять метров, с трехметровой осадкой и экипажем в полтора человека. И с шестью пушками. Ах да, еще британский линкор деревянный, а мой корвет выстроен из трехсантиметровой броневой стали...

Варить толстую сталь мне пришлось научиться еще когда я большие домны строил. Не сразу, конечно, хорошо получилось — но когда получилось, то сразу в двух ПТУ стали сварщиков готовить. А еще в одном — электриков, которые при нужде и генератор починить могли бы, и вообще умели с электричеством работать. Так что когда пришла пора строить стальные корабли, в сварщиках у меня недостатка уже давно не было. И не только в сварщиках.

Есть замечательное лекарство под названием уротропин. Само по себе оно ничего не

лечит, но в организме разваливается на аммиак и формальдегид, и последний всех микробов и приводит к общему знаменателю. А делается этот уротропин очень просто: берется сколько нужно аммиака и смешивается с требуемым количеством формальдегида. На самом деле не очень просто, но все равно проще, чем об этом рассказывать.

Главное достоинство уротропина заключается в том, что если его полить азотной кислотой, то он немедленно превращается в циклотриметилентринитрамин. Тоже вещь очень полезная, народ (в моем лице) ее очень любит и ласково именуется гексогеном. И вот если этот гексоген аккуратно смешать в нужных пропорциях с толлом и церезином, то заправленный такой смесью снаряд для стамиллиметровой пушки британский линейный деревянный корабль превращает в груды щепок. А вот ядро от пушки британского линкора даже вмятины не оставляет на корпусе русского корвета...

Но сказать, что битва обошлась без потерь с русской стороны, было бы неверно: где-то через час после начала ядро, выпущенное с французского парового фрегата, попало в ствол пушки на одном корвете и пушка испортилась. Вообще-то в трюме лежали и запасные пушки, но в бою их менять было просто некогда.

Где-то через полчаса после начала процедуры избиения младенцев корабли «союзников» начали спускать флаги. Не догадываясь, что в плен их брать вообще-то никто не собирается...

К тому времени, когда все корабли «союзников» превратились в мелко наколотые дрова, из Котки подоспели катера береговой охраны. И ребяташки из береговой охраны отдельно проследили за тем, чтобы интервенты русские берега не осквернили своим присутствием. Как говорится, хорошо, когда над тобой не довлеют традиции: экипажи моих корабликов на Балтике набирались полностью из рыбаков Белого моря, а там ребята сантиментами не страдают. В особенности по отношению к британцам: в Белом море и на Мурмане джентльмены пиратствовали похлеще, чем пресловутые пираты Карибского моря в этом самом море.

Ну а пока флоты интервентов топились в Черном море и на Балтике, из Мезени неторопливо отплывали «вспомогательные транспорты». Числом в четырнадцать штук...

С пушками на «вспомогательных транспортах» было хорошо. Просто потому, что вторая из «захваченных» мною старинных книг на тевтонском наречии была оригинальным описанием техпроцесса изготовления русской легкой полевой пушки образца тысяча восемьсот семьдесят седьмого года. На немецком книжка оказалась потому, что пушку эту разработали (и изрядной частью изготовили) на заводах Круппа. Сама по себе пушка была, на мой взгляд, абсолютно устаревшей, ведь она даже в действие приводилась путем поджигания запала фитилем — так же, как еще на Бородинском поле пушкари стреляли. Но мелкие детали имплементации (типа поршневого затвора или ствола, собираемого из двух труб или выбор той самой стали А50 для стволов) оказались полезными в части «изобретения» самой современной пушки уже стамиллиметровой. Которая от «германского прототипа» отличалась... От германского прототипа остался способ изготовления этого самого ствола и поршневой замок.

Потому что в книжке самым важным были технологии, а точнее — описание того, как сделать современное изделие, пользуясь технологиями полуторасталетней давности. Получалось очень сложно и долго, но в результате у меня было таких пушек уже около четырех сотен, из которых больше половины были поставлены на корабли. А если двадцать

лет весь формалин перегонять на гексоген, то можно поднакопить очень приличный запас снарядов...

Спустя всего десять суток после выхода из Мезени четырнадцать корабликов доплыли до Англии, и четыре напрямик в Лондон направились. По дороге расстреляли парочку каких-то батарей на берегах Темзы, а затем, зайдя уже в город, начали тупо расстреливать все, что там было выстроено. На Букингемский дворец хватило двух десятков снарядов, а хваленый Тауэр рухнул после всего двух попаданий. Может, кто-то сказал бы, что этого хватит, но одним из «вспомогательных крейсеров» командовал рыбак из Таганрога, у которого британцы при бомбардировке города убили жену...

Вообще-то снаряд к пушке, если считать вместе с гильзой, весил тридцать килограмм, а «баржа» грузоподъемностью в три тысячи тонн одних только снарядов к пушкам тащила полторы тысячи этих самых тонн — и этого хватило бы на всю британскую столицу. К тому же барж было только в Лондоне четыре... Нет, конечно, они на Лондон столько снарядов не потратили: после того, как город был превращен в руины, на берег высадился десант, который — взяв с собой другие, притащенные в трюмах, пушки — отправился руинизировать окрестности. А если учесть, что десяток кораблей прошли по другим местам на побережье Британии, то англам стало очень кисло: по моему распоряжению там уничтожались любые промышленные предприятия. Вообще все...

Сам я на бомбардировку, скажем, Лондона не поехал, и вообще приплыл к Британии ближе к шапочному разбору. На корвете, и прибыл не в Лондон, а в Дублин. Вообще-то в Ирландии ни один город бомбардировке не подвергся, только в Дублине был высажен десант — задачей которого было уничтожение исключительно английских солдат. А встречным ирландцам мои уже солдаты объясняли, что «мы не против ирландцев, мы наоборот стоим за свободу Ирландии от британского владычества». И все оставшееся от англичан оружие сразу ирландцам и отдавалось... нам-то такой хлам был вообще не нужен, у меня солдатики бегали уже с автоматическими магазинными карабинами, а офицеры — с пистолетами... Да, когда я говорил Александру Христофоровичу, что пистолет стоит за триста рублей, я не врал: он тогда столько и стоил. Но при массовом производстве цена несколько упала, раз так в шестьдесят — так что дать их офицерам, занятым в «управлении казенными крестьянами», стало вполне возможно...

За месяц с небольшим вся Англия была, как любил говорить один блогер из моего детства, вбомблена в кизяк. Были взорваны и сожжены все заводы и фабрики, а специально привезенные бригады «оккупантов» вывезли почти весь металл. Конечно, правильнее было бы называть это металлоломом, но и он лишним мне не покажется: те же рельсы очень удобно делать из переплавленного в мартенах железа...

Наполеон третий, вероятно, прыгал от радости потому что «русские дикари» отправились грабить все же Англию, а не Францию — но радость его была недолгой. Закончив с Британией те же самые корабли повернули к французскому берегу, а четыре уже упомянутых крейсера поднялись по Сене до самого города Парижа. По дороге развалив Гавр и Руан до состояния куч щебня, на что даже особо много снарядов не потребовалось, они приступили и к демонтажу столицы Франции. Последнее оказалось даже морально очень простым делом, ведь когда кораблики добрались до города, народу в Париже уже не осталось.

Франция — она все же несколько побольше оказалась, чем Британия, и вкизячивание этой страны затянулось на четыре месяца, но все намеченные работы были выполнены и в

стране остался лишь один-единственный город. Орлеан, и его разваливать не стали потому, что тамошний народ сумел отловить Наполеона (третьего), которого — в обмен на обещание город не разрушать — передали моим солдатикам.

На всю эту операцию было задействовано около трехсот тысяч человек: двести тысяч из тех частей русской армии, которую я использовал «в крестьянском вопросе», и сто тысяч — это были подготовленные в моих (совсем моих) деревнях «простые мужики» — специально подготовленные. Еще некоторое количество войск (сугубо царевых) были задействованы в оккупации Сардинского королевства, причем Николай согласился с моими доводами и назначил Раевского Николая Николаевича герцогом Сардинским (и в России стало уже два герцога). Ну а губернатором Гибралтара стал назначенный лично мною полковник Иванов (Николай лишь утвердил его в воинском звании — «за Константинополь»).

Константинополь брали как раз войска под управлением Иванова, а конкретно — Пятый бронеходный полк. Причем бронеходами мужики сами себя назвали: в семикилограммовом «бронезилете» и стальной каске они ведь бегать практически не могли, а могли лишь идти. Неумолимо идти вперед под вражеским обстрелом: пуля из современной винтовки не то что пробить, а даже погнуть стальную пластину толщиной в линию не могла. А экипировка их только лично мною именовалась «жилетом», потому что сам «жилет» заканчивался посередине бедра, еще имелись наколенники и налокотники — а особо осторожные мужики еще и щитки на руки и на ноги цепляли. Понятно, что пуля в голову или еще куда-нибудь могла много неприятностей сотворить, но во время штурма Константинополя с русской стороны погибло чуть больше трех дюжин солдат.

Однако, понятно, одного Константинополя было маловато, и война на этом не закончилась. Уже кадровая русская армия пошла дальше: после того, как был занят Константинопольский вилайет, войска двинулись дальше и в течении двух месяцев заняли вилайеты Измид и Кастамуни на севере. А так как войска Паскевича уже заняли вилайет Трабзон, то черноморского побережья у османов не осталось. Но это на севере. А двигаясь в другую сторону русские (на самом деле в основном «мои») войска заняли вилайет Бруса, затем «материковую часть» вилайета Архипелаг (острова завоевывать не пришлось, там османских войск и не было) и, южнее, целиком вилайет Смирна. Ну а Паскевич, двигаясь с Кавказа, потихоньку прибрал вилайеты Карс, Эрзерум, Ван и теперь не спеша подгробал вилайет Мосул. Очень потихоньку, но вовсе не потому, что не спешил. Просто война — это отнюдь не стрельба по вражеским солдатам и захват городов и территорий...

Война — это, прежде всего, транспорт и снабжение. Войска причерноморских и присредиземноморских вилайетов снабжались (не очень хорошо, но все же терпимо) с помощью флота. А Паскевичу приходилось ждать, пока специально натренированные мужики не проложат по уже взятой территории железные дороги. Ну, хотя бы одну, да и то узкоколейную — но без нее воевать было бы просто нечем. Откровенно говоря, там и воевать было практически не с кем, османские войска, встретив отряды Паскевича, просто бегом спешили сдать — но ведь у генерала задача состояла вовсе не в том, чтобы просто нахватать побольше пленных. Я в самом начале войны успел с ним обстоятельно побеседовать — и мы пришли к выводу, что «новые земли» нужно брать навсегда. Гарантированно пресекая любые попытки данное решение оспорить...

Откровенно говоря, мы оба опасались, что Николай не поддержит наши «экспансионистские замашки», но, к счастью, ошиблись. Император — после того, как вся европейская часть Оттоманской империи была освобождена от османского владычества, сам

спросил у меня, а не получится ли заодно и австро-венгров наказывать за их хамское поведение. Франц, который Иосиф, действительно был хамом — но еще он оказался полным ссылком: когда к австрийским границам подошли русские (опять «мои») полки, он тут же подписал договоры о передаче России остатков Румынской территории, провозгласил полную независимость Венгрии и, чтобы два раза не вставать, Богемии с Моравией. Ну а то, что Галиция вообще исконно русская земля, у него и сомнений не осталось. Понятно почему: я просто намекнул ему, что если его такое изменение границ не устроит, то он (лично) позавидует судьбам Наполеона третьего и британских аристократов: первого повесили на развалинах Версаля, а вот с аристократами так поступить не получилось. Потому что много их было, аристократов британских. И если королевская семья сгинула при расстреле Букингемского дворца и вообще всего Лондона, то аристократов пришлось по всей Англии отлавливать. Причем ловили сами англичане, которым популярно объяснили, кто виноват во всех их нынешних бедах, так что зачастую там и вешать было нечего, и из всей этой аристократии в живых остались лишь те, кто оказался в это время в далеких колониях. Но это тоже было лишь вопросом времени...

Еще я заехал в Стокгольм, где пообщался со шведским королем. Вообще-то парень оказался смелым, в чем-то даже героическим: когда на рейде Стокгольма появились четыре моих корвета и я попросил личной встречи с королем, он сам приплыл ко мне на катере (таким громким словом именовалась большая весельная лодка с каютой посередине), хотя прекрасно знал, что мои солдаты сотворили в Англии и во Франции. Но, кроме личного мужества, у него и ум оказался светлым, так что разговор у меня с ним получился довольно коротким:

— Уважаемый Жозеф-Оскар, — обратился я к нему по имени, а не по титулу, — у меня есть парочка вопросов для обсуждения. Один — с королем Норвегии, а другой — с королем Швеции. С кем бы вы посоветовали мне начать переговоры?

— Ну, давайте сначала поговорим о Норвегии.

— У меня, в связи с тем, что Норвегия слишком уж активно поддерживала Британию, появились некоторые претензии к этой маленькой, но удивительно наглой стране. Например, мне очень не нравится то, что норвежцы самым безобразным образом притесняют ближайших родственников подданных Императора Российского, а именно финнов и, даже в более серьезной степени, лопарей. Лично я считаю такое положение дел возмутительным, так что единственным способом закрытия этого вопроса я вижу передачу Финнмарка под управление лично мне, поскольку я как раз их притеснять не буду. А то, видите ли, я герцог, но собственного герцогства у меня пока нет.

— Вы хотите забрать треть Норвегии? — удивился швед французского происхождения.

— Да на кой черт мне треть Норвегии? — удивился уже я и, открыв перед Оскаром карту, показал кусочек территории, который я имел в виду. — Мне в подданные норвежцы вообще не нужны, сами с ними разбирайтесь. Я имею в виду лишь территории, населенные финнами и лопарями, чтобы их права и интересы защищать, а чужого мне не надо.

— Просто вы сказали «Финнмарк», а это втрое больше, чем вы показываете. Впрочем, если ваши притязания столь скромны... — он показал на расстеленную перед ним карту, — это несколько меняет дело. Насколько мне известно, здесь и населения-то от силы тысяч десять...

— Чуть побольше, по моим подсчетам около двенадцати, но на герцогство потянет. Лично для меня важно и права этого незначительного населения защитить!

— Я думаю, — ответил франкошвед, — что король Оскар первый норвежский сочтет ваши доводы убедительными, ну а с теми норвежцами, которые будут против, вы и сами разберетесь. Чтобы не затягивать напряженность в норвежско-русских отношениях... вы, герцог, считаете себя вправе подписывать подобные договора?

— Вполне.

— Тогда, я думаю, этот договор можно будет подписать хоть сегодня вечером... или, мне кажется, это будет лучше, завтра в полдень. Вы ведь не очень спешите в Петербург?

— Договорились, завтра к полудню я к Оскару норвежскому приеду.

— А какой вопрос вы хотели обсудить с королем Шведским?

— Скажем так, лично у меня к Швеции претензий нет, даже несмотря на то, что Швеция поддерживала Британию... и Францию, что, в принципе, понятно. Однако у Императора Николая претензий накопилось более чем достаточно, и я с огромным трудом уговорил его оставить мне шанс на урегулирование этих... разногласий. Вкратце урегулирование выглядит так: Готланд и Форё переходит в подчинение России — или лично мне, этого будет достаточно. Но переходит или после полного разгрома Швеции, причем навек — чего лично мне бы не хотелось, или передается мне, как герцогу Финнмарка, в аренду на девяносто девять лет. С тем условием, что через девяносто девять лет жители островов сами решат, к какому государству им присоединиться. Дабы подобная передача Готланда мне была оправдана в глазах шведов, я предлагаю — в качестве платы за аренду — обучить шведских металлургов способам изготовления стали.

— Шведские металлурги и сами умеют...

— Обучить способам быстрого и дешевого изготовления стали. У меня — лично у меня — четыре печи, на которых работает меньше тысячи человек, производят стали больше, чем вся Британия производит её... производила еще год назад. Если шведские металлурги научатся делать ее так же, то уже через год Швеция сможет выплавлять пару миллионов тонн. Вдобавок я предлагаю Швеции право беспошлинной торговли с бывшей Британией и Францией, которым, скажу вам по секрету, уже запрещено строительство металлургических заводов на ближайшие двадцать пять лет. Да и Германия от хорошей стали точно не откажется...

— А альтернатива, вы говорите...

— Вы, скорее всего, уже знаете, что весь Лондон превратили в щебень четыре моих крейсера. Корветы, конечно, размером поменьше, но пушек на каждом корвете вдвое больше. А ваши пушки в состоянии лишь краску поцарапать на бортах этих замечательных корабликов. Так что или вы выбираете возможность самим строить такие же кораблики года через три, или... Впрочем, я убежден, никаких «или» обсуждать нам не придется.

— Это шантаж?

— Ну, если говорить откровенно, то да. Я вынуждаю вас, причем совершенно бесчестными способами, превратить Швецию в процветающую страну. Причем Швеция обязательно будет процветающей страной, вопрос лишь в том, при каком короле она такой станет: при короле Оскаре или при короле Никите?

— Да уж, умеете вы убеждать, — несколько натянуто улыбнулся Оскар Бернадот. — Чувствую, придется мне выбрать процветание королевства... под управлением короля Оскара.

— А тебе не кажется, что ты, Никита Алексеевич, немножко слишком обнаглел? —

поинтересовался Николай, когда я, после возвращения в Петербург, посетил Зимний дворец. Не по собственной инициативе, а по приглашению царя посетил.

— Нет, Николай Павлович, не кажется. У меня есть простое предложение: в связи с возвращением исторических территорий России — то есть Финнмарка — совершить акт и юридического воссоединения этих земель. То есть объединить Финнмарк с Герцогством Финляндским... присоединить герцогство к Финнмарку, и передать управление этими землями тому, кто этого объединения добился, то есть мне. Правда, раз уж объединяются земли исторические, то правильно было бы и губернию Выборгскую вернуть на историческую родину, то есть обратно в Россию передать, но тут уж вам виднее.

— Нет, ты точно обнаглел!

— Отнюдь. Гарантирую, что лет через десять финны будут сами просить своего императора и все остальное герцогство это вшивое у герцога финского отобрать и в Россию принять. Ну а герцог возражать, конечно, не станет. Что же до прочих земель... бывшая Британия и Франция нам нафиг не нужны, пусть сами со своими проблемами разбираются, а мы по мере сил будем им в этом мешать. Что же до Джерси, Гернси и острова Мэн, то они отныне и навеки теперь — русская территория без вопросов.

— А у меня есть вопросы...

— Но мы их как-нибудь потом обсудим. Ну а бывшая Оттоманская империя, точнее та часть, которую мы к концу следующего года займем — это безусловно будет Россия. Да, проблем там немало возникнет, но проблем решаемых. Кстати, неплохо бы Паскевичу звание генерал-фельдмаршала присвоить, заслужил парень.

— Это можно...

— И даже нужно. А со званием ему и должность генерал-губернатора этих земель дать. Работенка, конечно, собачья, но он справится. А вот насчет колоний британских и французских...

— Ты думаешь, что ты самый умный? Мне каждый день кто-то с предложениями разными приходит. Давеча посланник из Соединенных штатов Америки предложил им Канаду...

— Надеюсь, ваше величество, что вы его в жопу послали. Если нет, скажите мне: я человек не гордый, я пошлю.

— Без сопливых разберемся... конечно послал. Я твои записки чуть не наизусть уже выучил.

— Вот и отлично. А я тогда займусь восточными вопросами. Тут на днях будет выпуск в Военной академии, там парнишка один толковый, Игнатьев Николай Павлович. Вы его направьте ко мне, переговоры с китайцами провести.

— А что с китайцами ты затеять успел?

— Еще ничего. Но всякие маньчжуры и даурцы сильно мешают прокладке дороги к Тихому океану. Я с ними разберусь, конечно, но было бы неплохо с Китаем договор о границе подписать.

— Так есть такой уже.

— А он мне не нравится, неправильный он. Китайцы свою границу давно уже обозначили, а всё норовят за неё вылезти. Так что нужно подписать такой договор, чтобы китайцы сами свою же границу и признали.

— Это какую же?

— Там пограничная стена стоит, вот вдоль нее пусть граница и проходит. А так как я

человек не жадный, то можно даже договориться, что не по самой стене, а метрах в ста южнее...

— Ты не просто наглец, а наглец невероятный. Однако у меня наград выше Андреевского креста нет, так что... Нессельроде уже стар стал, не хочешь после него канцлером поработать?

— Спасибо, но не хочу. Я же всего лишь железнодорожник, мне вся эта политика поперек горла.

— Железнодорожник он... Ладно, была бы честь предложена. Всё, вали отсюда, мне еще губернаторов в новые губернии подбирать. Кстати, у тебя по кандидатурам предложений нет?

— Точных нет, но я бы предложил в Софийскую губернию из генералов-болгар кого-то назначить...

— Из болгар у меня лишь полковников двое...

— Присвоить им генералов и назначить... организовать там две губернии. На губернию Белградскую — серба, слышал, что есть такой. А на Бухарестскую... думаю, что кого-нибудь из вашей семьи. Александра, например, пусть опыта в управлении наберется.

— Разумно... ладно, иди уже.

— Уже иду. А вот на Галицию предложу Николая Стефанеско, он русин, народ тамошний ему знаком.

— Не слышал о таком.

— Он пока не генерал, из отставных прапорщиков, у меня управляющим по Криворожскому району работает. Работал.

— Прапорщика в губернаторы? А он хоть дворянин?

— Был прапорщиком. Администратор он отличный, да и в воинском деле не из последних. Я его назначил подполковником ополчения, за взятие Смирны вами уже пожалован Святым Георгием...

— Павлов, ты хоть иногда думаешь что говоришь? Подполковника — и генерал-губернатором! Тебя точно надо Бенкендорфу на опыты сдать.

— Не надо меня Александру Христофоровичу на опыты сдавать. Он уже старенький, тяжело ему будет.

— Ну разве что возраст его уважить... Так, — Николай повернулся к секретарю, — пиши указ. От, скажем, пятнадцатого мая указ будет... был: всем офицерам ополчения утвердить присвоенные командиром ополчения герцогом Павловым звания со старшинством на дату присвоения. А этот, как его, прапорщик, — Николай снова повернулся ко мне, — он кроме Смирны еще чего-нибудь брал?

— Еще Бодрум брал, Муглу...

— Достаточно, пиши новый указ... когда он Бодрум брал?

— Шестого, если не ошибаюсь, августа взял.

— Если ошибаешься, то сам виноват будешь. Пиши, — это снова секретарю, — от седьмого, нет, от десятого августа: за взятие Бодрума жалую подполковника... как его? — Стефанеско, Николай Николаевич, — подсказал я, — вот его жалую полковником. Все, неси в канцелярию, пусть оформят. А ты, Павлов, вези этого прапорщика-полковника ко мне срочно, за этот, ну который последний, город пожалую его генерал-майором и пусть Галицией правит. Однако отвечать за его правление будешь лично ты! Всё, проваливай, надоел. Но записки свои по Канаде и Австралии ты мне на неделе принеси: когда еще

обещал, а обещания, если их мне дают, принято у нас в России держать...

Вся эта заварушка закончилась осенью пятьдесят шестого года. На карте Европы появилась независимая Ирландия и Венгрия, появилась и быстро исчезла Богемия, а пресловутые Эльзас и Лотарингию Максимилиан второй — новый король Баварии — присоединил (по моей настоятельной просьбе) к Германии. Что же до Богемии, то тамошние ребята быстро сообразили, что на них теперь Пруссия зуб большой точит — и после недолгих размышлений, внимательно посмотрев, что творится в присоединенных к России Болгарии, Сербии, Румынии и Галиции, решили «спрятаться» под крылышком Николая. Ну а русский царь сообразовал их просьбу удовлетворить...

Почти вся территория бывшей Оттоманской империи присоединилась к России — за исключением трех «внутритурецких» вилайетов, но мы их специально не брали, чтобы было куда высылать недовольных русским царем. А с «заморскими владениями» Британии и Франции возни было еще много. Очень много, так что мне пришлось даже на время стать губернатором Канады и Австралии. Ненадолго, конечно — генералов безработных у Николая было в достатке, и многих он давно уже мечтал услатить куда-нибудь подальше — а тут и случай подвернулся. Но и я успел, по крайней мере в Канаде, дел наделать.

К моменту объявления Канады русской провинцией в ней проживало около миллиона и восьмисот тысяч человек. В целом немного, но Канада — она располагалась довольно от России, точнее — от европейской ее части. А это канадское население почему-то факт присоединения территории к России не одобряло. Вдобавок и янки решили было половить рыбку в мутной военной водичке — но им популярно объяснили, что с ними Россия может поступить так же, как и с Британией — и они подумали.

Вообще-то русской провинцией Канаду объявили еще в пятьдесят первом, когда Лондон превратился в груды щебня, но всерьез ей удалось заняться лишь спустя два года. Просто потому, что «атлантическая эскадра» была полностью занята перевозками в Техас, а новые суда... В Новороссийске «вспомогательные транспортные крейсера» строились по шесть штук в год, в Усть-Луге — по четыре в год (там упор на корветы делался), а в Мезени на шести стапелях их строилось по девять в год. И вот в середине лета пятьдесят третьего года из разных портов вышли сразу тридцать два транспорта. Все с пушками и каждый перевозил, кроме всего прочего, и по тысяче двести вооруженных до зубов солдат.

Через две недели двенадцать тысяч солдат высадились в Квебеке, столько же в Монреале, а остальные в Оттаве (где местного населения было меньше, чем русских солдат), и все они очень нехорошо поступили. Они арестовали всех чиновников, всех богатеев местных — и вместе с семьями «депортировали на родину». Англоязычных отвезли в Англию, а франкоязычных, понятное дело, во Францию — причем отвезли «в чём есть», конфисковав все прочее имущество. Далее населению объявили, что все оставшиеся вправе тоже свалить (хотя и за свой счет, но зато с любой собственностью), хоть на родину предков, хоть в США, а те, кто останется — те получают все привилегии русских подданных. Но не сразу, а в течение пяти лет.

В общем, осталось чуть больше шестисот тысяч человек — но в целом народ вел себя мирно. Потому что до осени пришли еще четыре каравана «крейсеров», и не очень добрых русских «казаков» там стало под полтора тысяч. И это было лишь началом: по утвержденной у царя программе предполагалось за пять лет перевезти в Канаду чуть больше чем два с половиной миллиона человек.

С миллионами проблем не было: за последние двадцать лет население России, если даже не считать населения новых территорий, выросло с пятидесяти до семидесяти пяти миллионов человек. А если считать с новыми территориями, то было прилично уже за сотню миллионов. Но «новых соотечественников» можно было в деле освоения Канады и Америки не считать, разве что сербов и болгар можно было рассматривать как совершенно лояльных подданных. Проблемой было перевезти по полмиллиона человек в год, но я к решению её подошел очень ответственно. Заложил новые верфи в Николаеве и в Феодосии, на старых верфях начал строить новые стапели — но осязаемого результата можно было ждать в лучшем случае через год-два. Так что — по совету жены — эту же проблему я начал решать и «с другого конца», то есть со стороны Канады.

И там получилось довольно забавно. Когда я приехал — как раз в роли нового генерал-губернатора — в Монреаль, ко мне уже на следующий день пришел какой-то местный мужик. Довольно интересный: ростом, пожалуй, с Николая (который царь), но довольно тощий, так что выглядел он жердь жердью. Однако, что я давно уже усвоил, внешний вид может быть довольно обманчив...

— Добрый день, меня зовут Патрик О Доэрти, — представился он, — и я надеюсь, что могу оказать существенную помощь русскому правительству.

— Ну, оказывайте, — ответил я. Откровенно говоря, я думал, что мужик начнет просить какую-нибудь руководящую должность, с большой зарплатой конечно же, но в ожиданиях я жестоко обломался:

— Я ирландец, и очень хорошо знаю, что вы сделали для Ирландии. Поэтому считаю своим долгом... святым долгом отплатить вам за это.

При этих словах сопровождающий меня Коля Печкин напрягся. Коля был первым сыном Акима и Марфы (а фамилию я Акиму при «освобождении» назначил, за общую вредность характера), и вырос парень здоровенным как бык. На вид — ну типичный качок из двадцать первого века, но у него вид тоже был обманчив. Читать его еще Алёна научила когда ему лет пять было, а затем парень учился-учился — и доучился до очень неплохого геолога. Он уже годам к пятнадцати собрал коллекцию минералов со всей Тульской губернии, ближних и дальних окрестностей моего безразмерного поместья, а потом ножками половину Урала протопал в поисках всякого разного, причем в процессе обучения этой геологии — и я его с собой взял не в качестве бодигарда, а именно как геолога: пусть посмотрит, чем нас канадская земля порадовать может в плане полезных ископаемых. Но и как телохранитель он мог оказаться полезным: несмотря на устрашающие размеры шустрости ему было не занимать. Но в данном случае потребовались совсем иные его навыки:

— Еще я слышал, что вы выстроили много заводов по выработке железа и стали, так вот: я уже почти двадцать лет имел возможность изучать тутошные земли и кое-что нашел. На Ньюфаунленде есть, как мне кажется, очень крупное месторождение железной руды, а на острове Кейп-Бретон есть каменный уголь. Очень много угля, но его сейчас никто не добывает.

— А почему? Я имею в виду, не добывают почему?

— Сейчас не добывают, потому что владельцы шахт уехали в США, и туда же увели все корабли, на которых уголь с шахт перевозился. И если вы эти шахты заберете себе... там треть шахтеров — это ирландцы, и теперь им нет возможности заработать себе на кусок хлеба. То есть остались почти одни ирландцы, и если вы найдете немного денег, то шахты смогут заработать уже через неделю. Не все, но за две шахты я поручусь.

— Вы так уверены? — удивился я.

— Конечно, я был инженером на одной из этих шахт.

— Так, Коля, — я повернулся к «и сопровождающему меня лицу», — берешь человек десять солдатиков посмышленнее и занимаешься запуском шахт. С собой берешь главным инженером господина Патрика... как вас там? — спросил я визитера уже по-английски. Тот сунул руку в карман и положил мне на стол бумажку с написанным именем и адресом. Ни размером, ни фактурой бумажка на визитную карточку вообще была не похожа, но я усталился на неё вовсе не поэтому:

— Да, надо было гэльский язык в школе учить, — пробормотал я, — тогда бы вообще все проблемы в жизни мог бы за пару минут решить.

— Это почему? — поинтересовался Коля.

— Вот почему, — я протянул парню бумажку, на котором была написана фамилия канадского ирландца: Ó Dochartaigh. — Если ты поймешь, как это слово прочитать, чтобы получилось Доэрти, то у тебя в жизни больше проблем не будет вообще.

— Я не буду понимать, я лучше шахты запущу. А с этим Патриком съезжу на Ньюфаунленд, железо посмотрю. И если там шахты подходящие, то я сразу и Засыпкина с собой возьму, пусть домны ставить начинает.

— Какого Засыпкина? — удивился я.

— Так Илью Егорыча, он уже месяца два как сюда приехал. Его отец послал посмотреть что тут и как...

— А если на Ньюфе руды не будет?

— Дядя Никита, ну что ты как маленький? Руда везде есть, просто она или хорошая, или плохая. Ну, или совсем уж паршивая, но даже с самой паршивой рудой выплавленная здесь сталь будет дешевле, чем притащенная из России. А уж если ты не передумаешь строить железную дорогу через всю Канаду, то всяко столько рельсов из России сюда не перевезти, их тут делать придется.

— Да разве я против? Валяй, — и я снова повернулся в Патрику:

— Сколько сейчас людей готовы приступить к работе на шахтах?

— Сразу, думаю, около трех сотен человек. А сколько еще получится нанять, зависит, конечно, он зарплаты...

Про американские доходы я что-то знал лишь из случайно запомненной фразы из «Тома Сойера»: в те далекие времена за доллар с четвертью в неделю соглашались поить, кормить и одевать мальчика, а так же стричь и мыть его за те же деньги. Так что на предлагаемую зарплату в один рубль за день (то есть такую же, как и в России) народ побежал в отдел кадров радостными толпами. Рубль оценивался примерно в семьдесят семь американских нынешних центов, а на шахтах раньше рабочие получали в пределах двух с половиной долларов. В неделю...

За год своего генерал-губернаторства я успел выстроить и рудник на Ньюфаунленде, и завод запустить на четыре домны («маленьких», на полста тысяч тонн каждая), и даже поприсутствовать при пуске привезенного из России рельсопрокатного стана.

А потом, так как на все работы уже были назначены вполне компетентные люди, я со спокойной душой вернулся в Россию. И успел сразу к двум праздникам, ознаменовавшим два великих достижения. Причем не просто «по нынешним временам великих», а в натуре грандиозных. Ну и к трем праздникам поменьше.

В конце сентября пятьдесят четвертого года первый поезд из Москвы въехал под своды

вокзала во Владивостоке, выстроенном вместе с вокзалом специально под это событие. Правда пока вагоны в новеньком Хабаровске через речку на пароме перетаскивали, но инженеры пообещали и мост через полтора года наладить. А уже в середине ноября поезд из Москвы прибыл аж в Порт-Артур (Николай Павлович Игнатъев за договор с Китаем с границе, сделавшим Ляодунь русской территорией, получил сразу и Анну третьей степени, и аналогичного Владимира) — но эти два поезда я решил считать одним праздником. А другим стало событие гораздо меньшего масштаба, толщиной всего в двадцать микрон. Именно такую проволочину изготовил, после двадцати почти лет исследований и опытов, Егор Ильич Засыпкин. И грандиозным праздником это событие стало потому, что проволочину Егор сделал из вольфрама, причем успел ее и в спиральку свернуть, и в стеклянную колбу впихнуть. Он это очень вовремя сделал: вокзалы в Москве, Владивостоке и Порт-Артуре именно лампами накаливания и освещались.

А электричество для этих лампочек добывалось с помощью турбогенераторов мощностью в триста киловатт, которые уже серийно выпускал Виктор Никитич — мой старший сын. И эти генераторы к «мелким праздникам» не относились, они уже четыре с лишним года серийно выпускались на Калужском турбинном заводе Виктора Павлова (именно так, без отчества: я его вообще-то в честь Витьки, который меня всему научил, назвал). Праздником же стал выпуск первой паровой турбины мощностью в восемь мегаватт. Витька, который сын, ее затребовал от турбостроителей для новенького, спроектированного уже полностью им самим, генератора — но так как ребята изготовили не просто турбину, а турбозубчатый агрегат (с двумя турбинами, высокого и низкого давления, работающими на один редуктор), то я повелел это событие считать праздником, а Тульскому турбозаводу поручил выпускать такие же, но с немного иным редуктором уже в качестве моторчика для корабликов: мне один кораблестроитель из Петербурга, Михаил Гринвальд, предложил выстроить в Николаеве кораблик на двадцать пять тысяч тонн груза. Вообще-то Михаил Николаевич был директором Кораблестроительного департамента Морского министерства и в судостроении понимал неплохо. А когда увидел, как у меня на верфях корабли свариваются, то стал понимать еще больше. Правда он в этот транспорт в своем проекте умудрился впихнуть сразу четыре здоровенных паровых машины (по тысяче сил: хотя таких еще никто вроде как сделать пока не смог, но выглядящие вполне реально проекты уже имелись, у британцев), но и парочка турбин туда прекрасно встанут. Парочка, потому что по специальному моему распоряжению на любой водный транспорт ставилось минимум два двигателя. Как правило, один был «маршевым», а еще один — «аварийным», хотя большие суда и под двумя одновременно включенными дизелями ходили. Но с такой турбиной... Была ведь уже турбина на триста киловатт, вот пусть ее в запасе кораблики и возят: если главная сломается в дороге, то на аварийной все же до берега доползти получится.

Сам Витя, впрочем, не турбинами занимался, он еще с четвертого класса увлекся генераторами и моторчиками. В пятом — построил лодку с электромотором (и свинцовыми аккумуляторами), потом отучился в Чернинском педучилище на «электромеханика». Дипломной работой у него было изготовление генератора на две тысячи четыреста киловатт (я ему подсунул тепловозный генератор из моей курсовой), который обеспечивал электричеством электросварку в Мезени (и который приводился в движение все же изготовленным Ванькой Сорокиным «тепловозным» дизелем в три с половиной тысячи «лошадок»).

А третий праздник был вообще практически незаметным. Светлана Никитична все же

довела процесс преобразования картошки в резину до рабочего состояния и в конце августа неподалеку от Рыбинска (где они с Ванькой теперь поселились поближе к моторостроительному заводу) начал выпускать очень нужную продукцию химический завод. На котором из картошки добывали крахмал (на отходах свинки на ферме жирели), из крахмала делался спирт, а из спирта, путем нехитрых химических преобразований, получался бутадиеновый каучук. Или бутадиен-стирольный, или вообще АБС-пластмасса...

Жалко лишь, что детям в их деятельности я почти ничем уже помочь не мог: все они занялись тем, в чём я был ни уха, ни рыла. Светка химией вон увлеклась, Витька по электрической части пошел. Саша... его в честь Алёнкиного отца называли, так он тоже «по электричеству», но немного в другую сторону: я ему когда-то рассказал про радио, и он уже сумел сделать работающую электронную лампу. Только то, что он уже сделал, работало максимум полчаса — но теперь, когда вольфрамовая проволока появилась, проглядывались очень интересные перспективы. Аня (названная в честь Алёниной матери) увлеклась делом совсем не женским, и в ближайшее время я ожидал появления какого-нибудь автомобиля, близнецы Вася и Вера устремились в медицину, причем Вася в хирургию ударился, а Вера — в фармацевтику. Причем Вера еще на первом курсе сумела синтезировать клопидогрел (когда в аптеках плавикс, которым Василий Юрьевич лечился, закончился, я решил было сам его сделать по описанию в википедии, однако вовремя остановился, обнаружив в аптеках «отечественный аналог» — но статья в телефоне сохранилась, и, мне кажется, что и Бенкендорф, и сам Николай благодаря этому препарату до сих пор живы). Добрыня (ну не удержались мы с женой) только что закончил геологическое отделение в Петербургском университете и уехал «повышать квалификацию» в Германию (по фальшивым документам, естественно, ведь герцога Павлова в Европе слишком многие не любили аж кушать не могли). Люда — та в биологию ударилась и теперь изучала ее в Московском университете, Алёшка, наслушавшись моих рассказов, вроде бы твердо решил стать гидростроителем и в свои четырнадцать лет уже выстроил первую (вообще в мире первую) ГЭС на Зуше мощностью в мегаватт (генератор ему все же Витя сделал). Ну да, когда у отца можно попросить миллион-другой рублей «на интересное дело», можно и так развлекаться. Разве что Андрюха не утратил тяги к прекрасному и железная дорога (игрушечная) в нашем доме в Одоеве уже заняла весь третий этаж — но парню всего лишь десять, как бы не поменял увлечение...

Весной пятьдесят шестого года меня пригласил к себе Бенкендорф. Александр Христофорович в отставку вышел в семидесятилетнем возрасте, так что приглашение было совершенно «не официальным», но мне было с ним вообще всегда интересно поговорить. И в этот раз тоже разговор получился интересным. После формальных приветствий и разговоров о здоровье он вдруг внезапно спросил меня:

— А как вы думаете, Никита Алексеевич, из чего можно сделать порох, который при взрыве не нагревается вовсе и вскоре исчезает без следов?

— Лично мне ничего подобного не известно. Более того, я убежден, что сделать что-то такое невозможно, поскольку любые пороха превращаются в газы, то есть взрываются, исключительно от жаркого горения.

— Но ведь пулю-то, которая взрывается без нагрева, кто-то, да сделал?

— Да не взрывается она, в просто разрывается на куски. Если пулю, скажем, свинцовую, в воду выстрелить, то она от удара о воду сильно сомнетя. А если сделать пулю в виде

стакана, то вода, попадая под давлением внутрь такой пули — а давление от удара о преграду возникает — пулю разрывает. Но свинец слишком мягкий, такую пулю уже при выстреле пороховые газы сомнут, а вот если сделать ее из меди... да еще надрезы надлежащие сделать, чтобы по ним пуля разрывалась на куски, то вот тогда...

— Забавно, а я-то понять не мог, отчего всегда столь ровные куски выходят...

— Однако пуля такая уже воздухом очень быстро тормозится, так что годится она лишь для пистолетов, чтобы стрелять из него на небольшое расстояние.

— А когда сия пуля попадает в человека, то сразу *requiescat in pace*. Остроумно!

— Нет, вы не правы, это не латынь, а английский: *radically invasive projectile*. Не перифраз или атономасия, а, если так можно выразиться, строгое техническое описание.

— А, ну да, у вас же, как сами говорите, инженерное мышление. А вот скажите мне, господин экс-канадский губернатор, вы не в курсе, зачем некий канадский подполковник такими пулями изрядно людишек живота лишил? По многим, конечно, я бы подполковника сего поддержал, не делом, так словом. Но вот зачем этому подполковнику было убивать какого-то паршивого студента? Причем из незаконнорожденных?

— А какого именно?

— Даже так? Ну да ладно, дело прошлое, да и забытое. А студент, о котором мне знать было бы интересно... Сын капитана Яковлева, Герцен его фамилия.

— Отец его был человеком достойным, а этот... Есть такие люди, их в народе либералами кличут. У них не просто душонка гнилая, они за слой масла на своем хлебе не только отца с матерью продадут, но и Родину. А платить за Родину много желающих... было. И хуже того, людишки эти, ничего тяжелее ложки, которой они жрать в три глотки готовы, не державшие, иной раз чтобы вкусняшки от других людей получить, до того развили дар обводить прочих вокруг пальца и свой хорошо подвешенный язык так натренировали, что вполне способны и прочих убедить в том, за что им враги Отечества платят. Ссылать таких — дело малопродуктивное, ведь им для вредительской работы только язык и нужен, а ссылка еще и ореол мученика на них наденет...

— Тут вы, Никита Алексеевич, тоже, скорее всего, правы. А я раньше особо насчет языка, которым они способны как помелом махать, не подумал. Меня, собственно, лишь студент сей смущал. И уж напоследок... мне, я думаю, уже немного осталось, и я лишь из любопытства спрашиваю, никому более не выдам: подполковник этот... он сам решения свои исполнял или помощников находил?

— И на чем подполковник этот спалился?

— Спалился? Оригинально, не слышал ранее такого. Много денег он в столице тратил тогда, еще в двадцать пятом, а от того запомнился многим. И не только он... Опознал супругу его один купчишка когда она поэта одного из столицы забирала, но жадный был, ко мне прибежал — видать, на награду великую рассчитывал, боялся, что младшие чины награду эту меж собой поделают.

— И?

— Видно, переволновался от жадности. Из кареты моей выходя, споткнулся, упал — и шею сломал. Но мне все же интересно, кто...

— Сам, всё сам.

— И учителя в Саратове? Насколько я помню, не могло его быть тогда в Саратове!

Ну да, это я промахнулся: когда Чернышевский отдавал душу, причем скорее дьяволу, нежели богу, я с Бенкендорфом как раз строящуюся железную дорогу инспектировал.

— Ах да, запомятовал. Но ведь верно говорят, что человек прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть.

— Сама Талия державы нашей?!

Да, иногда слышал я, что Алёну в Одоеве, да и в Туле и даже в Москве называли именем одной или другой музы, причем в Москве как раз чаще именно именем Талии — музы комедии, за ее театральные пристрастия, но то, что прозвища ее и до столицы дошли, не знал еще.

— Я вам этого не говорил.

— А я и не слышал, да и о домыслах своих пустопорожних не скажу никому. Но... воистину, великая женщина! Которая всюду сопровождает великого мужа... Спасибо, Никита Алексеевич, теперь мне и умирать не страшно: знаю, что есть у России Защитник!

— Все равно умирать не стоит, рано еще. Вы таблетки-то принимать не забываете?

— Забудешь тут... Кто мне часы подарил, что каждый полдень каркают «прими таблетку»?

— Каркают? У Алёны вроде голос на вороний не похож...

— Поначалу-то голос приятный был, а нынче испортился. Видать, часы стареют быстрее людей.

— Это я прикажу исправить, там одну пластину всего и поменять лишь нужно. Сейчас дочь моя новый материал для таких пластин придумала, голос как живой будет.

— Ну спасибо... А если подполковника канадского встретите, ну чисто случайно когда, скажите ему: пусть не выпендривается более и обычные пули пользует.

— Скажу, но вряд ли он послушает: неизвестность пугает даже больше, чем собственно смерть чужая, и многих вполне нормальных людей именно эти страшные пули от дел небогоугодных уже отвратили.

— Странные люди в Канаде этой живут, иной раз я понять их не могу. Но... это их жизнь, и им виднее, как правильнее жить. Спасибо, что пришли, порадовали старика...

Откровенно говоря, я уже всерьез собрался в шестьдесят «выйти на пенсию», но взглядом зацепился за написанную же мной самим еще семь лет назад «программу освоения Австралии». Там вообще-то интересного было немного, и почти всё их этого «интересного» уже воплощалось: строились балкеры-двадцатипятидесятитысячники, на которых уже вывозились уголь с новеньких карьеров, руда железная или просто чугуны. За неполных пять лет там проложили железную дорогу через весь континент, по которой налево возили уголь, а направо — уже готовый чугун, сталь или просто руду железную. Возили много, так что уже начали и вторые пути класть чтобы вообще без перерывов снабжать Россию черным металлом. Но кроме черных-то еще и цветные есть, а про это я как-то забыл. И забыл, что северо-восточное окончание Австралии покрыто бокситами толщиной чуть не в сотню метров — а могучей уже металлургии Хабаровской губернии и в Порт-Артурском военном округе балкеров для перевозки руды и угля было даже немного лишку.

Про алюминий народ уже знал и даже в небольших количествах его добывали — используя бокситы отечественные, копаемые где-то рядом с железной дорогой между Москвой и Петербургом. Но получали его всего лишь несколько тонн в год, исключительно для изготовления фосфида алюминия: я со школы запомнил, что это — лучший препарат для сохранения зерна от пожирания разными вредными насекомыми. Но ведь из алюминия можно и другого разного много чего сделать...

Алёша уже приступил к постройке нескольких приличных ГЭС, причем шести сразу: одной на Волхове, трех на Вуоксе и двух на Свири. То есть он лично только проектировал гидротурбины, генераторы для станций Витя делал, а сами гидроузлы разрабатывали сразу два специально созданных института, в которых только инженеров разных насчитывалось больше двух десятков. Сын мне пообещал, что постройка по крайней мере Волховской ГЭС будет завершена через пару лет, а годика через четыре, в крайнем случае через пять лет в районе появится более восьмисот мегаватт свободного электричества. Я тяжело вздохнул, напряг извилины и...

Когда Паскевич подчищал остатки Бейрутского вилайета Османской империи, он заодно подгрёб и Синайский полуостров. С небольшим, я бы сказал, нахлестом, я Ивану Федоровичу отдельно на карте показал, где остановиться. Чтобы у египтян не было претензий, я даже предложил Паскевичу им заплатить мелкую копеечку, в пределах пары миллионов рублей. Но вот умеет же Иван Федорович с разными абреками договариваться: Мухаммед Али, бывший тогда египетским пашой, сам денег за это приплатил и пообещал еще к впадине Горьких озер канал от Нила провести за свой счет. Насчет канала обещания своего он, конечно же, не выполнил, но в остальном стороны остались довольны друг другом.

Понятно, что не от щедроты души паша приплату предложил, ему Паскевич пообещал за это «полное признание независимости Египта Россией», а так как больше признавать Египет в общем-то было уже некому, то аргумент оказался чрезвычайно веским. Вдобавок Мухаммед этот решил, что России просто очень нужно озеро Манзала, а воевать из-за огромного соленого болота он вообще посчитал глупостью. Причем глупостью русских, которых он так ловко обвел вокруг пальца...

Когда я пришел со своей идеей к Николаю, он у себя в кабинете читал какую-то книжку. Поприветствовал меня кивком головы и снова продолжил чтение — а когда я изложил намеченный проект, от книжки оторвался и, глядя на меня исподлобья, поинтересовался:

— Павлов, ты зачем вообще ко мне пришел? Не видишь, царь занят, книжку интересную читает. Про мужицкого сына-сироту, который в школе выучился, потом в институте и стал инженером и дворянином, мост построил через Обь. Читал? Ах да, ты же ее и написал... Эту ты с Позднякова ее писал? Обидеться ведь Андрей Владимирович может, он же из дворян не из последних.

— Нет, это в основном с Колобашкина писано, он мост сейчас заканчивает. Правда не через Обь, а через Енисей. Ну, приукрасил немного, конечно: в жизни-то ему не так повезло, у него жена дура...

— Умных жен вообще мало, тебе в этом повезло как раз. А зачем ты книжку эту вообще писал? Дворян обидеть или как?

— России потребуются сейчас многие тысячи инженеров, на одни железные дороги, по моим прикидкам, тысяч десять, и это только для начала. А уж если всё в целом взять — одних дворян очень сильно не хватит. А если из тысячи мужиков хоть один инженером станет...

— Ну, тебе виднее. А пришел-то зачем?

— Мнение ваше узнать по проекту.

— Павлов, ведь тебе на мнение моё вообще срать, ты всяко сделаешь как захочешь. Я вот смотрю на тебя и удивляюсь, и чем больше смотрю, тем удивляюсь сильнее. Ты же в России делаешь что захочешь, да и не только в России. У тебя даже армия своя, да и

половина моей уже армии за тебя горой стоит. Я чего книжки твои читаю? Чтобы не читать письма разные, в которых только про тебя мне и пишут!

— Жалуются?

— Есть и такие дураки, но их письма еще в канцелярии выкидывают. А вот послушай, что мне пишет один генерал: «Ваше Величество, попросите Павлова приказать солдат в училищах не кормить пока те руки с мылом не вымоют. А то хлеб хватают грязными руками и дрищут потом не по детски...»

— Понять бы, что за генерал, а приказать — это не проблема.

— Проблема — это ты сам. Мне это Михаил пишет, между прочим брат родной. И даже он считает, что император и самодержец какого-то Павлова может лишь просить! Нет, в чем-то он прав, конечно. Но вот удивляюсь я не этому. Ты же, если в суть вникнуть, куда как больший самодержец нежели я, по желанию своему кого захочешь — казнишь, кого хочешь — милуешь. Я помню, как ты Канкрину предлагал тебе всю внешнюю торговлю отдать, а раз он отказался, то ты вообще под себя всю торговлю в Империи подгрел и своё получил. В столице магазинов, которые не твои, хорошо если с десятков наберется, да и то лишь из тех, что побрякушками промышляют. Заводы — так вообще почти все заводы у нас твои, а уж про дороги железные...

— Дороги все казенные.

— Называются казенными. А строишь их ты, работников всех опять ты нанимаешь. Даже министра ты выбрал! Зачем тебе вообще царь? Скажешь ведь, что надо царя свергнуть — и народ пойдет и свергнет... но ты так не говоришь. Почему?

— А потому что революцию устроить нетрудно, но страна-то от революции развалится. И никто не гарантирует, что ее потом можно будет обратно собрать. Так что чтобы страна процветала, нужно, чтобы власть была крепка. И, что, возможно даже важнее, нужно, чтобы каждый человек — и в самой стране, и за границей — знал, что в России власть крепка как никогда. Чтобы каждый человек в России власти верил, а каждый потенциальный даже преступник власти боялся. А крепкая власть — это когда властитель на нужные места назначает правильных людей. Вы таких людей знаете, а я — нет. И вот их знать и назначать на должности — как раз работа царя, а моя — всего лишь промышленность строить и развивать. И если цари все верно устроит, то власть будут и уважать люди добрые, и бояться людишки подлые. Причем чем вернее власть свою работу делать будет, тем подлый люд ее сильнее бояться станет. Аж до мокрых штанов...

— А если власть твоя будет, её, думаешь, в сухих штанах бояться будут? Студентов-бузотеров кто в Сибирь на стройки прямо из аудиторий забирает? Полицию студентики эти камнями, бывает, закидывают, а твоих милиционеров они слушаются как щенки дрессировщика...

— Студентов я же не на каторгу забираю, а отправляю на излечение. Физическое — труд на свежем воздухе здоровья изрядно добавляет, и ментальное — пусть сами посмотрят, как я... как государство народ угнетает и как правильно жизнь народу облегчать надо.

— Так не все излечиваются, я слышал...

— Мы все под богом ходим, и студенты тут не исключение. Но убогих и скорбных на голову я вылечить не могу, так что...

— Злой ты, Павлов. Я тебя за злобу твою осуждаю... где-то в глубине души. Но раз уж господь не дал мне силы с тобой бороться, то давай вот что обсудим: внучка моя Александра, девчонка хитрожолая, пока отец в Бухарестах губернаторствует, ко мне за

благословлением пришла. Вот скажи мне, Алексей Никитич — он такая же сволочь, как и ты, или все же человек достойный?

— Если за Державу постоять, то, пожалуй, в меня пошел.

— Понял. Сашка-то согласен с выбором дочери — я его уже спросил, по твоему телеграфу — но от меня ответа ждет. Свадьбу сын твой где устраивать собирается, не знаешь?

— Уж не в Бухаресте точно.

— Слушай, ты все же уговори сына в Москве венчаться, все же царской внучке в Одоеве это делать не солидно. Договорились? А насчет канала — ты это сам решай, а если тебе подпись где поставить нужно будет, то я подпишу конечно. Свалился же ты мне на голову, рука писать устаёт, твои прожекты утверждая. Но во славу Державы можно, конечно, и постараться... Так что ты тоже старайся, а мы — и я, и дети мои, и внуки — чем сможем поможем. И не только подписями, ты осознаешь это?

— Я постараюсь... осознать. А там — как уж получится.

— Я тебе говорил уже, что ты наглец? Ах да... иди, на свадьбе встретимся.

В котором все заканчивается, но на самом деле только начинается.

Все же восемьдесят пять лет — это совсем не восемнадцать. Однако когда есть чем заняться, то мысли о старости куда-то уходят, просто шило в задницу как-то почувствительнее колет. Так что я, отметив юбилей в кругу семьи, уже через неделю оказался в небольшом южном городишке, возле которого как раз начал работать новый рудник, на котором добывался ценнейший марганец. То есть рудник все же довольно далеко от городка располагался, но внук мой, Владимир Алексеевич, сказал, что в этом городке есть небольшой ресторанчик, в котором имеет смысл пообедать хотя бы раз в жизни. Сам он сюда с рудника мотался чуть ли не каждый рабочий день, а мать его (которая до сих пор называла Алёну не иначе, как «тетя-бяка» — или, скорее, тетя Бяка — помня очень болезненные уколы пенициллина в задницу, и которая её же буквально боготворила) вообще дом себе в городке выстроила. Не навсегда, на пару лет, пока Вовка не наладит работу рудника — но царская дочь может себе и такой каприз позволить.

Ну не знаю, Алёна вкуснее все же готовила, однако обед меня сильно не разочаровал. Вдобавок в городке уже два года как заработал аэропорт, так что и домой вернуться проблемой не будет. Но оказалось, что на аэродроме кончился высокооктановый авиационный бензин и привезти его должны не раньше полудня, так что я решил просто погулять по красивому городку.

Погулял немножко по незнакомым улицам, сел на лавочку в миниатюрном парке, засаженном китайской глицинией и задумался «о вечном». Не в том смысле, а про то, что успел сделать и что еще сделать было бы неплохо. А натворить полезного для Державы я все же довольно много успел...

В шестьдесят первом году, точно по расписанию, началась в США война между Севером и Югом. А я — вопреки желанию тогдашнего министра иностранных дел — решил поддержать южан. И поддержал, причем так, что война уже зимой шестьдесят второго года закончилась, в результате чего там появилось две страны. То есть из США получилось две страны, а Россия там изрядно землями приросла: Дакоту целиком мы присоединили, Небраску и Канзас, а так же «индейские территории», на которых впоследствии образовался штат Оклахома. Не удержался я, так что «хлеборобы Оклахомщины» стали суровой действительностью.

Ну а с учетом того, что Техас еще раньше «приассоциировался» к России, янки стало жить довольно грустно — но лично мне их вообще не жалко было. Ведь, что бы ни говорили «историки», война эта была вообще не про рабство, на Севере рабов было чуть ли не больше чем на Юге, вдобавок именно на Юге рабов уже начали массово освобождать, поскольку держать их стало невыгодно. Это была война в большей степени против индейцев, которые как раз у себя рабство активно поощряли, но поощряли они его очень своеобразно, в качестве весьма специфической защиты от аннексии территорий американцами: собственно война началась из-за того, что янки захотели запретить рабство именно на «территориях», чтобы беглые рабы стремились именно туда и вытесняли с территорий индейцев, расчищая их для северян с минимальными потерями для белых солдат...

Суэцкий канал прокопали — большей частью земснарядами — к осени шестьдесят

третьего года, а потом его еще пятнадцать лет расширяли и углубляли (сначала он и шириной был в сотню метров всего, и глубиной в десять), но уже с самого начала по нему начали возить в огромных количествах руду и уголь из Австралии в Европу. Ну и бокситы, конечно же.

Бокситы и электричество — это алюминий, а где алюминий, там не только провода ЛЭП, но и самолеты. И моторы — к самолетам, грузовикам конечно, а так же к легковым автомобилям. Николай даже успел покатиться на одном из первых лимузинов, но работа царем слишком нервная, так что он покинул земную юдоль в возрасте всего лишь семидесяти восьми лет.

Сват оказался царем не самым паршивым, все же многолетний опыт управления одной из самых «проблемных» губерний дал ему достаточно опыта. Достаточно для того, чтобы понимать, что для процветания государства нужно много грамотных управленцев. Лично меня напрягало лишь то, что царь о каждом новом назначении крупного чиновника стремился со мной посоветоваться, а что я знал-то об этих людях? Ничего, поэтому моё участие в создании госаппарата ограничивалось лишь тем, что я беседовал с предложенным кандидатом, интересовался у него, хочет ли он предлагаемую должность занять, и при согласии рекомендовал его Александру. Вот только соглашались далеко не все, поскольку при собеседовании я сообщал кандидатам, что если они — ну, совершенно случайно — на должности перепутают свой карман с государственным или просто работу порученную будут плохо выполнять, то императору придется срочно искать нового человека на освободившуюся должность. Освободившуюся в связи с безвременной кончиной прежнего работника...

То есть поначалу многие эту информацию игнорировали, но после того как товарища министра финансов Александра Абазу, очень удачно сыгравшему на курсовой разнице германской марки и рубля по отношению к заморскому доллару с пользой исключительно для своего кармана, нашли с пулей RIP в пухленькой тушке, её стали воспринимать очень серьезно.

На самом-то деле в России было овердофига вполне приличных управленцев, а после того как воровать из казны стало опасно для жизни, именно такие люди стали быстро подниматься по административной лестнице. Да и сама лестница стала заметно «шире»: только в бывшей Капской колонии и Натале было создано двенадцать губерний. Кстати, там золото нашли еще в семидесятом году, но до сих пор информацию об этом удавалось скрывать от «мировой общественности»: поскольку я лишь очень примерно представлял, где там это золото закопано, то почти вся территория несостоявшейся Оранжевой республики была объявлена «казенными землями», на которых допускалось поселение лишь «казенных крестьян», а выкапыванием всего хорошего из земли там занималась исключительно «Ваальская горная компания», целиком принадлежащая мне и поставляющая на «внешние рынки» огромное количество железа и стали, ферромарганца, феррохрома, а так же угля в «необработанном виде». Больше половины ферромарганца отправлялось в Канаду, где черная металлургия процветала, но своих месторождений марганца там просто не нашли, и в Россию — точнее, в Керчь, где сталь производилась из австралийской руды. И среди этих уже сотен тысяч тонн грузов спрятать сотню тонн золота в год было вообще не проблемой...

А насчет рабочих на рудниках — с ними проблем в принципе не было. Еще при Николае туда переехало чуть меньше миллиона «казенных крестьян». Вот чем хорошо крепостничество: хозяин сказал — мужик молча сделал. Причем сделал молча очень

довольный мужик: пшеница в Африке росла прекрасно, да и вообще очень много там вкусного произрастало без особых проблем. А особенно хорошо произрастало там мясо. И из-за мяса и с зулусами наладились довольно неплохие отношения: они с удовольствием нанимались пастухами за долю малую в приплоде, а чуть позже, найдя уже общий язык на достаточно серьезном уровне, чтобы обговаривать «специальные условия» работы, начали и детишек своих в русские школы отдавать. Не все, но уже многие.

А вот с бурами там получилось не очень. Это только в книжках благородные буры воевали за независимость с подлыми англичанами, а в реальности они, как я понимаю, воевали за право использовать негров в качестве рабов. Тупые религиозные фанатики местных вообще не считали людьми, даже периодически охоту на них устраивали — и когда русское правительство это всё им запретило, начали активно выступать «за свои права». Ага, тридцать тысяч неграмотных религиозных фанатиков против грамотных русских мужиков, чуть ли не половина из которых уже прошли войну в Европе и Османской империи... Кстати, бурские женщины в большинстве своем оказались все же умнее своих мужей, и чуть больше пяти тысяч вдов с удовольствием повторно вышли замуж за вооруженных неплохими винтовками и весьма богатых (с их точки зрения) православных мужиков. Ну, хотя бы для того, чтобы их дети с голоду не сдохли. А оставшиеся чуть более трех тысяч бурских семей забились под плинтус и больше не выступали...

Я вообще мог гордиться тем, что пресловутый «колониальный раздел Африки» не состоялся. Назначенный генерал-губернатором всей Южной Африки Николай Николаевич — младший сын Николая Павловича — собрал очень неплохую команду, которая всерьез приступила к изучению Африки — и уже в семидесятом году долина Конго была неплохо освоена. Понятно, что кроме русских исследователей туда вообще никого не пускали, а с туземцами получалось быстро (и недорого) договариваться о вхождении в подданство русского царя. Например, территория будущей Замбии присоединилась к Русской Южной Африке после того, как тамошнему зулусскому королю всего лишь выстроили трехэтажный дворец...

Но больше всего я гордился успехами младшего сына. Поначалу я сильно сожалел, что он так и не стал железнодорожником: наслушавшись моих рассказов, он бросился физику изучать. Ну, изучил — и ранней весной восемьдесят пятого неподалеку от Нижнего Новгорода заработал первый реактор на тяжелой воде. Правда, чтобы он заработал, пришлось вообще-то ДнепрОГЭС запускать для получения тяжелой воды — но оно того стоило. Правда, пока об этом знали лишь двое: Андрей и я. А как как эту станцию назвать... Мы с Андреем, который тоже приехал «порадоваться за старшего брата», уже два месяца как спорили, и Алешка предложил тривиальное решение наших разногласий. Мы просто бросили игральный кубик, и у кого меньше выпало — тот и проиграл. Правда я высказался в том плане, что раз я проиграл, то мне в утешение должны отдать право самому станцию назвать — однако эта идея поддержки среди сыновей не нашла...

Однако засиделся я в парке, наверное бензин уже привезли. Я поднялся со скамейки и увидел, что за ней сидит мелкий мальчуган. И плачет, но не рыдает, а молча слезы льет.

— Что случилось, по какому поводу рыдания?

— Я не плачу, мужчины не плачут, — ответил он и зарыдал уже по-настоящему.

— И правильно, нечего мужчинам плакать. Хочешь, фокус покажу? — предложил я, чтобы отвлечь мальчонку от рыданий. — Ты знаешь, что это? — я показал ему кубик, который, проиграв спор с сыном, машинально сунул в карман.

— Кость игральная.

— Правильно, а на кости число точек на всех сторонах разное. Вот, смотри, тут одна, а тут, на противоположной стороне, две.

— И что?

— И то. Тут одна, а тут две, правильно?

— Правильно.

— А теперь смотри внимательно, я тебя обманывать буду: тут одна точка, а на другой стороне сколько?

— Две.

Я аккуратно, очень медленно повернул кубик:

— Три однако.

Мальчонка плакать перестал и смотрел на меня широко открытыми от удивления глазами.

— Да, а чего ты плакал-то? Упал и ударился больно?

— Нет, я штаны порвал когда через забор лез, а мне их мать только вчера купила.

— Ругаться будет? Или выпорет?

— Нет, она плакать будет. Штаны дорогие, она долго на них деньги копила...

— Понятно. — Я оглянулся, через улицу вроде был магазин готовой одежды. А во всех таких моих магазинах обязательно была и машинка швейная, чтобы покупку под фигуру подогнать. — Давай-ка вон туда зайдем.

Когда мы вошли, продавец — средних лет мужчина восточной наружности — вскочил и замер в ожидании моего вопроса: я запретил под страхом увольнения спрашивать покупателей «чем могу помочь?».

— Уважаемый, что скажете про эти штаны? — я указал рукой на мальчонку, правая штанина у которого действительно выделялась зияющей прорехой. Тот кинул взгляд, затем повернул мальчика, поглядел на штаны сзади:

— Это армянская работа, подделка под московские, но ткань персидская, — и он произнес что-то вроде «там бок», вероятно по-персидски. Но, увидев мою недоумевающую физиономию, пояснил по-русски: — не материя, а бумага, то есть полное говно. Они на штаны похожи будут лишь до первой стирки, в наших магазинах такой дряни нет...

— Я насчет зашить.

— Пятьдесят копеек, завтра будут готовы. Так дорого потому что нужно эту часть отпороть и новую пришить, а заплатку, думаю, молодой человек на новых штанах не захочет. И опять же, после стирки штаны вообще перекосит...

— А если срочно?

— Батони, если срочно, то через десять, может пятнадцать минут готово будет, но цена вдвое дороже. А такие же, но московские штаны обойдутся вам всего в рубль-тридцать, и это будут настоящие МПШО РО! — он достал товар с полки, повернул ко мне задницей: — Видите, лошади на этикетке похожи на отощавших дворняжек? А на подделках всех лошади на лошадях похожи, ну не могут армянские художники столь изысканный рисунок повторить!

Ну да, я эскиз этикетки рисовал, как смог так и нарисовал — а на фабрике моё художество тупо скопировали... Ну и ладно, хоть оригинальностью трейдмарка портки прославил. Так что не купить «фирму» мне было бы просто стыдно.

Понятно, что готовые штаны оказались длинноваты, да и не подшиты: их такими на

фабрике специально делали, чтобы в магазине уже по росту подгонять. Так что пришлось минут пять подождать, пока какая-то женщина в подсобке с покупкой разберется. А мальчонка, повернув ко мне сияющее лицо, вдруг спросил:

— Дядя, ты волшебник?

— Нет, я просто не люблю когда маленькие дети плачут.

— Я не про штаны... то есть за штаны спасибо огромное, но я про кубик спросил.

— Нет, не волшебник, — я на секунду задумался, и в голове само всплыло нужное слово. — Я престижиджитатор.

— Кто?

— Это так называется человек, который фокусы показывает, используя одну лишь ловкость рук. Сейчас тебя научу, как это фокус показывать...

Еще через пять минут мальчик понял, как показывать сей нехитрый трюк, и я ему подробно объяснил, почему этот фокус нельзя показывать дважды и кубик свой никому не отдавать — а тут и обновка подоспела. И пока он переодевался, продавец снова повернулся ко мне:

— Батони, а карта социальная у вас есть? Мне номер вписать в квитанцию надо, а для пенсионеров у нас до обеда скидка, десять процентов. Я и так вижу, что вы человек... уважаемый, но бюрократия... Извините.

Когда я протянул ему карту, он привычно вписал номер в квитанцию. Потом задумался — ну конечно, номер-то у меня был очень простой, восемь нулей и единица — и внимательно прочитал прочие данные.

— Вы Никита Алексеевич?! Не надо ничего платить, вам ничего никому платить не надо!

— Спасибо, конечно, но бюрократию все равно соблюдать нужно.

— Ах да, нужно... — произнес он, как-то сразу погрузнев. Но потом его лицо осветилось:

— А я... а мы мальчику этому вашему всегда бесплатно поможем! В память о том, что сам Никита Алексеевич его к нам привел! Эй, мальчик, ты, если что еще плохое случится с одежей, приходи сюда, мы тебе все поправим бесплатно! И как тебя зовут, я сменщику передам чтобы и он знал...

— Спасибо, но ничего плохого больше не будет, не стану я снова через забор лазить... здесь. А зовут меня Сосо... то есть Иосиф, по фамилии — Джугашвили. Еще раз спасибо, не я побегу, мамка наверное уже заждалась...

Забавный парнишка, но правильный: не друзей побежал веселить, а мать радовать. А фамилию его я точно где-то слышал, но где? Все же восемьдесят пять — не восемнадцать, память, бывает, и подводит... Ну да ничего, вспомню. Может быть...

Больше книг на сайте - Knigoed.net